# Скептическая школа въ Русской Историографіи

# СКЕПТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ

и

# ЕЯ ПРОТИВНИКИ.



В. ИКОННИКОВА,

Профессора Университета Св. Владиміра.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1871.

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1871 года).






# СКЕПТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ
# и
# ЕЯ ПРОТИВНИКИ [1].

## ГЛАВА ПЕРВАЯ.

### М. Т. Каченовскій и его послѣдователи. Н. С. Арцыбашевъ.

### I.

Едва-ли хоть одно произведеніе русской литературы оказало такое глубокое впечатлѣніе на современниковъ, какъ произведеніе Карамзина: »Исторія государства Россійскаго«. Одновременно съ выходомъ послѣдней появился рядъ рецензій въ русскихъ и заграничныхъ журналахъ, а также принялись переводить ее на языки: французскій (въ Петербургѣ и Парижѣ), нѣмецкій и итальянскій. При появленіи ея въ одинъ мѣсяцъ было раскуплено 300 экземпл., а къ концу года понадобилось новое изданіе. За тѣмъ новое изданіе появлялось почти каждыя пять лѣтъ (съ 1816—1842 г.) (Погодина, М. Н. Карамзинъ, II, гл. X; Старчевскаго, Карамзинъ, 279; Лелевель въ Сѣверн. Архивѣ, 1823, VIII, 53). Въ русскихъ журналахъ происходила ожесточенная полемика по поводу творенія Карамзина (Вѣстникъ Европы, Сѣверный Архивъ, Московскій Телеграфъ, Сынъ Отечества); между тѣмъ какъ авторъ его упорно молчалъ. За границею о немъ писали въ Revue Encyclopedique, Journal des Savants, Journal des Débats, Göt. Gelehrte Anzeigen и т. д. »Должно признаться, говоритъ извѣстный историкъ Лелевель, что во всей Европѣ нынѣ весьма мало найдется сочиненій,

---

[1]) Изъ сочиненія: »Обзоръ теорій и системъ въ наукѣ Русской исторіи«.

описывающихъ прошедшія событія, которыя подверглись-бы столь многочисленнымъ разборамъ, какъ Исторія государства Россійскаго. Твореніе Карамзина возбудило общее вниманіе въ ученой Европѣ и привело въ движеніе множество писателей«. (Лелевель, id., 53, 54).

Предметомъ рецензій были самыя разнообразныя стороны труда автора: его взгляды, форма изложенія, отдѣльныя части и способъ обращенія съ источниками.

Лучшая изъ рецензій, написанныхъ не русскими писателями, принадлежитъ перу Лелевеля, который, указывая на новую критику Нибура, старался доказать баснословность многихъ преданій, внесенныхъ авторомъ въ свою исторію (напр. о Пястѣ, Гостомыслѣ, Вадимѣ), недостаточность критики въ разборѣ разныхъ текстовъ лѣтописи (напр. о первоначальномъ пребываніи Рюрика въ Новгородѣ, а не въ Ладогѣ) и снялъ идеализацію съ мнимой гражданственности норманновъ, пришедшихъ къ славянамъ, сравнивъ ихъ бытъ съ извѣстіями о современныхъ норманнахъ, дѣлавшихъ набѣги на западную Европу и не имѣвшихъ въ своемъ отечествѣ даже понятія о городахъ. Вотъ почему вліяніе норманскаго элемента было такъ незначительно въ исторіи Россіи. Изъ направленія рецензіи Лелевеля видно, что онъ хотѣлъ доказать, что государство Рюрика далеко не было такимъ, какъ представляетъ его Карамзинъ; но продолженіе ея не появлялось. Статьи Лелевеля помѣщены въ Сѣверномъ Архивѣ (1822—24 гг.). Другіе рецензенты указывали на пристрастіе Карамзина къ русской исторіи, которая неможетъ имѣть того общечеловѣческаго значенія, на которомъ настаиваетъ авторъ, сравнивая ея событія то съ греческою, то съ римскою исторіею, но неправильно толкуя факты и той, и другой. Для исторіи, говорятъ они, важны не мелкія ошибки греческихъ и итальянскихъ племенъ, а результаты образованности, завѣщанной древнимъ міромъ; точно такъ-же въ исторіи имѣетъ значеніе не обширность государствъ (напр. Китая), а степень ихъ вліянія, и потому Россія прошедшая заслуживаетъ вниманія по своему настоящему положенію въ системѣ европейскихъ государствъ. Историкъ долженъ вѣщать истину, которая предпочтительнѣе ложнаго патріотизма, неимѣющаго значенія въ глазахъ иностранныхъ читателей. (О безпристрастіи историка, Вѣстн. Европы, 1821, CXVI, изъ Journ. des Débats).

Въ Россіи исторія Карамзина встрѣтила систематическій отпоръ въ направленіи, вышедшемъ изъ критики Шлецера и продолжавшемъ

развиваться подъ вліяніемъ критики Нибура. Къ этому присоединились еще труды французскихъ историковъ—Гизо и Тьерри, касавшіеся формъ и устройства средневѣковаго общества, образовавшагося на развалинахъ Римской имперіи. Проводникомъ этихъ взглядовъ явились преимущественно два журнала: »Вѣстникъ Европы«, издававшійся подъ редакціею Каченовскаго, профессора Московскаго университета, и »Московскій Телеграфъ«,—Полеваго. Въ этихъ изданіяхъ появился рядъ статей, посвященныхъ Нибуру и Гизо, а одновременно съ ними и въ другихъ журналахъ переводилась исторія цивилизаціи послѣдняго (см. Атеней, Галатею и др.). При такихъ условіяхъ зародилась у насъ *скептическая школа*, представителемъ которой считается *Каченовскій* и органомъ которой былъ его журналъ.

Личность Каченовскаго заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ происходилъ изъ незначительной греческой фамиліи Качони и воспитывался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, гдѣ пріобрѣлъ свѣдѣнія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, а потомъ изучалъ еще: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій и уже въ преклонныхъ лѣтахъ занимался шведскимъ языкомъ. Выйдя изъ коллегіи въ 1788 г., Каченовскій служилъ то въ военной, то въ гражданской службѣ до 1801 г., когда поступилъ библіотекаремъ и правителемъ канцеляріи къ графу А. К. Разумовскому, тогдашнему попечителю Московскаго университета [1]). Въ это время онъ предался научнымъ занятіямъ и въ 1805 г. пріобрѣлъ, по предложенію попечителя, званіе магистра философіи, а въ 1806—степень доктора, причемъ преподавалъ въ Академической гимназіи риторику и русскій языкъ. Съ 1808 г. начинается его ученая дѣятельность въ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ сначала изящныя искусства и археологію, а потомъ исторію, статистику и географію Россіи. Но и этимъ окончательно не опредѣлилась его дѣятельность: въ 1832 и 1833 гг. онъ преподавалъ всеобщую исторію, а съ 1835 г., до смерти послѣдовавшей въ 1842 г.—онъ занималъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ парѣчій, причемъ съ 1837 г. состоялъ ректоромъ Московскаго университета. Въ 1835 г. Каченовскій былъ избранъ по-

---

[1]) Еще до этого С. Глинка возбудилъ въ Каченовскомъ охоту къ занятіямъ русскою исторіею, доставивъ ему для чтенія Примѣчанія Болтина на исторію Россіи Леклерка, отъ котораго Каченовскій перешелъ къ изученію Шлецера. Записки Глинки, въ Рус. Вѣст. и Воспом. Снегирева въ Рус. Арх. 1866.

четнымъ членомъ Кіевскаго университета, а въ 1841—ординарнымъ академикомъ.

Литературная дѣятельность Каченовскаго началась съ 1799 г. Въ журналѣ Ипокрена онъ помѣщалъ стихи, повѣсти, сантиментальнаго и нравственнаго содержанія, большею частію переводныя, и статьи, изъ которыхъ одна была направлена въ защиту общественнаго воспитанія передъ домашнимъ, которое по большей части поручалось французскимъ гувернерамъ. Въ 1804 г. Каченовскій участвовалъ въ Вѣстникѣ Европы; а съ 1805 г. этотъ журналъ, то издавался имъ самимъ, то вмѣстѣ съ Жуковскимъ, то на время переходилъ въ другія руки (Измайлова) и прекратился въ 1830 г. »Стоять—и правду говорить«— таковъ былъ эпиграфъ журнала Каченовскаго. Каченовскій былъ противникомъ какъ излишняго пристрастія къ французскимъ нравамъ, такъ и презрѣнія къ иноземному, которое доходило въ иныхъ до боязни всякой науки. Первое время Каченовскому приходилось, подобно Карамзину, цѣликомъ наполнять номера журнала своими статьями; но потомъ онъ нѣсколько оразнообразился. Каченовскій былъ поклонникомъ Попа, Гиббона, Расина, Монтескьё (О чтеніи отечест. писателей въ Вѣстн. Европы 1809 № 1) и Байрона, изъ котораго онъ сдѣлалъ переводъ (съ французс.) избранныхъ сочиненій. Въ Вѣстникѣ Европы онъ писалъ о русскомъ витійствѣ, о Ломоносовѣ, мнѣнія о чемъ перешли тогда въ учебники; о церковномъ языкѣ, гдѣ доказывалъ, что коренной славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а церковный есть сербское нарѣчіе. Онъ первый обратилъ у насъ вниманіе на литературу славянскихъ народовъ. Кромѣ того Каченовскій издалъ учебникъ греческаго языка съ христоматіей Якобса и Библіотеку современныхъ европейскихъ романистовъ, преимущественно нравственнаго содержанія. (Біографич. словарь Москов. университета, I, 383—403).

Статьи Каченовскаго по русской исторіи стали появляться съ 1809 года, и замѣтно подъ вліяніемъ критическихъ пріемовъ Шлецера [1]. Въ своей первой статьѣ »Объ источникахъ русской исторіи«—Каченовскій прямо указываетъ на послѣдняго, какъ давшаго вѣрный способъ *сличить и критически исправить всѣ лѣтописи* (Вѣст. Ер.

---

[1]) »Въ его критицизмѣ, говоритъ Снегиревъ о Каченовскомъ, выразился его подозрительный характеръ. Изученіе Шлецера усилило эту подозрительность« (Воспом. въ Рус. Архивѣ 1866, стр. 752).

1809, XLIII) и держится даже его дѣленія русской исторіи на пять періодовъ. Уже въ этой статьѣ ясно выразились черты отрицательнаго направленія критики Каченовскаго. Онъ допускаетъ существованіе записокъ до Нестора, и такимъ образомъ принимаетъ его не единственнымъ творцомъ древняго историческаго памятника. Онъ отрицаетъ лѣтопись Іоакима, открытую Татищевымъ, такъ какъ о ней незнаетъ Несторъ, и признаетъ ее произведеніемъ какого-нибудь монаха XVI в., начитавшагося польскихъ лѣтописцевъ. Договоры Олега и Игоря кажутся Каченовскому сомнительными, судя по степени просвѣщенія тогдашнихъ варяговъ и славянъ, тѣмъ болѣе, что византійскіе историки о нихъ вовсе не упоминаютъ. Съ другой стороны весьма обстоятельно Каченовскій указалъ возможные источники древняго лѣтописца: преданія; отношенія къ Греціи; пребываніе грековъ въ Россіи; образецъ византійскихъ лѣтописей, хотя онъ не утверждаетъ знакомства Нестора съ греческимъ языкомъ; наконецъ отдѣльныя записки, быть можетъ существовавшія до Нестора. Каченовскій отмѣчаетъ и библейскій элементъ лѣтописи, отразившійся на формѣ изложенія и сужденіяхъ лѣтописца. Далѣе, онъ указываетъ на 1116 г., какъ послѣдній записанный еще Несторомъ, чего держатся нѣкоторые ученые, относя приписку Сильвестра къ дальнѣйшему изложенію лѣтописи. Въ заключеніе статьи Каченовскій указываетъ мѣста, писанныя другими продолжателями. Отчетливость въ представленіи спорныхъ вопросовъ отличаетъ эту статью, незначительную по объему.

Еще болѣе критическій духъ Шлецера отразился на статьѣ »Параллельныя мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ« (Вѣст. Евр. 1809 г. XLVII), гдѣ автору удалось блистательно доказать, сравнительнымъ путемъ, баснословность многихъ извѣстій русскихъ лѣтописей. Въ началѣ статьи авторъ прямо обращается къ памяти Шлецера.

»Прошло уже болѣе сорока лѣтъ, говоритъ онъ, какъ трудолюбивый профессоръ Августъ Шлецеръ *показалъ, съ чего начинать должно, приступая къ сочиненію Россійской исторіи.* По его мнѣнію, надлежитъ прежде всего критически разсмотрѣть лѣтописи; сличить многіе списки; исправить погрѣшности, вкравшіяся отъ нерадѣнія или по невѣжеству переписчиковъ; въ однихъ дополнить недостатки, въ другихъ выключить излишество; добраться до того смысла и до тѣхъ самыхъ словъ, какія собственно принадлежатъ древнему лѣтописателю. Трудъ сей гораздо важнѣе, нежели какъ многіе думаютъ, и требуетъ столько

же искусства, сколько прилежанія. Незнающіе смѣются надъ такою строгою разборчивостью и называютъ ее излишнимъ педантствомъ; но безъ нея можно-ли ожидать достовѣрности отъ нашей исторіи? Не часто-ли историческая истина скрывается въ одномъ словѣ, коего дѣйствіе простирается на отдаленнѣйшія послѣдствія и которое служитъ основаніемъ цѣлой системѣ. Другой трудъ предлежитъ не *словесной* или *мелкой*, но *высокой* или *исторической критикѣ*. Исправивши текстъ, добравшись до подлинныхъ словъ лѣтописателя, надобно изслѣдовать, о чемъ онъ повѣствуетъ, какъ современный свидѣтель, и о чемъ по устному преданію; гдѣ пишетъ, руководствуясь однимъ здравымъ разумомъ, и гдѣ управляется *духомъ и предразсудками своего времени*; изъ какихъ источниковъ почерпалъ свои извѣстія и достойны-ли они вѣроятія. *Донынѣ у насъ мало о томъ заботились*«. Въ этихъ сужденіяхъ, конечно, легко замѣтить положенія о *низшей* и *высшей критикѣ* Шлецера, т. е его критику *словъ* и *фактовъ*. »Знаменитый« критикъ, какъ называетъ его Каченовскій, остался на долго руководителемъ послѣдняго въ историческихъ трудахъ (Вѣст. Евр. 1829 № 13—16, О Рус. Правдѣ, 100). И Каченовскій постоянно обращался къ нему съ благодарностью. Разбирая трудъ Калайдовича объ Іоаннѣ экз. болгарскомъ, онъ снова говоритъ: »Стриттеръ съ византійцами своими, Лебо, Гебгарди, Энгель, Фабрицій—убѣдили меня въ той важной, необходимой для внутренняго спокойствія истинѣ, что всякія открытія въ рукописяхъ старины, слишкомъ иногда простодушной, за то уже иногда и чрезвычайно затѣйливой, надобно испытывать въ горнилѣ *высшей критики*, т. е. соображать съ историческимъ ходомъ происшествій, съ духомъ времени, съ обстоятельствами«. (Вѣст. Евр. 1826, 13—16 с. 199).

Обратимся къ его разбору »параллельныхъ мѣстъ«, который указываетъ вѣрную дорогу, по которой слѣдуетъ идти въ изслѣдованіи историческихъ сказаній. (Вѣст. Евр. 1809, № 17—20, с. 133—145). »Историческая критика, говоритъ Каченовскій, въ *лѣтописяхъ нашихъ первыхъ двухъ столѣтій* найдетъ *много* такихъ *событій*, которыя кажется умышленно выписаны изъ книгъ чужестранныхъ и вставлены для наполненія пустаго промежутка. Усерднымъ почитателямъ преп. Нестора утѣшительно мыслить и быть увѣренными, что многія прибавленія включены уже гораздо послѣ, именно въ то время, когда перешли къ намъ разныя басни исландскихъ, богемскихъ, польскихъ сочинителей, т. е. въ XVI вѣкѣ«.

Вотъ разборъ этихъ »вставокъ« и »прибавленій«.

»Не касаясь Олегова похода подъ Константинополь, ни приступа его въ лодкахъ на колесахъ подъ сей городъ, ни перваго договора между Греками и Русью, о которыхъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ византійскіе историки, обращаю вниманіе читателей на смерть сего князя, или, какъ нѣкоторые называютъ его, правителя. Въ Радзивиловскомъ и въ прочихъ спискахъ одинакимъ образомъ разсказано о смерти Олега. Узнавши отъ волхвовъ и кудесниковъ, что смерть приключится ему отъ любимаго коня, онъ рѣшился никогда на немъ не ѣздить. Спустя четыре года онъ вспомнилъ о конѣ своемъ, и узнавъ, что онъ умеръ, Олегъ отправился посмотрѣть его. Но въ то время, когда онъ наступилъ на голову, оттуда выползла змѣя и ужалила Олега, отчего онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Кажется патріотизмъ нашъ не потерпитъ нареканія, ежели дозволимъ себѣ повѣствованіе лѣтописей о смерти Олеговой назвать баснею, а особливо когда знаемъ откуда она выписана. *Торфей* въ Норвежской исторіи (Torfaei, Historia Norvegica, I, 273) повѣствуетъ слѣдующее: »Оддуръ (возвратившійся въ Норвегію, свое отечество, послѣ трехсотлѣтняго отсутствія) сказалъ: »посѣтимъ коня моего Факсія могилу, гдѣ мы погребли его, погруженнаго въ озерѣ«. Пришедши туда онъ сказалъ: »теперь уже не будетъ никакой опасности отъ пророчества вѣщуньи, которая страшила меня смертію отъ Факсія. Озеро высохло и даже слѣдовъ могилы не осталось«. Тамъ лежала голова его, голая и уже сгнившая. »Не лошадиная-ли это голова«? спросилъ онъ окружающихъ, увидя ее. »Намъ такъ кажется«, они отвѣчали. »Знайтежъ, что это Факсіева«, сказалъ онъ, оборачивая ее копьемъ своимъ и наклоняясь. Тогда выскочила изъ лошадиной головы ящерица, и ужалила его подъ лодышкою; отъ чего все тѣло его вспухло и наполнилось гнояною сукровицею«.

»У всѣхъ народовъ первыя времена бытія ихъ или скрываются во тмѣ неизвѣстности, или помрачены вымыслами. Начало исторіи Швейцарской республики должно-бы, кажется, быть въ свѣжей памяти; она возникла не ранѣе четырнадцатаго вѣка. Вильгельмъ Телль, презрѣвши повелѣніе Гризлера, жестокаго правителя кантона Ури, не захотѣлъ поклониться его шапкѣ. Тиранъ приговорилъ Вильгельма къ висѣлицѣ, и объявилъ, что можетъ тогда только получить пощаду, когда стрѣлою сшибетъ яблоко, положенное на головѣ его сына. Отецъ былъ столько счастливъ, что, пустивши стрѣлу изъ лука, сшибъ яблоко

и сынъ его остался невредимымъ. Гризлеръ примѣтилъ другую стрѣлу подъ платьемъ у Вильгельма, и спросилъ, для чего она тутъ спрятана. »Для того, чтобы убить тебя, еслибы я поранилъ моего сына«—отвѣчатъ неустрашимый. Признаться должно, что исторія о яблокѣ сама по себѣ очень сомнительна, а еще болѣе потому, что почерпнута изъ того-же источника, изъ котораго и басня о смерти нашего Олега, то есть изъ сѣверныхъ сказокъ. Повидимому, ею хотѣли украсить колыбель свободы гельветической [1]).

»Жестокое мщеніе княгини Ольги на Древлянахъ за смерть супруга ея Игоря описано слишкомъ баснословно. Совѣтъ, данный самою Ольгою посламъ древлянскимъ въ Кіевѣ, чтобъ они присланнымъ отъ нея людямъ гордо отвѣчали, будто не хотятъ ни пѣшкомъ идти, ни на коняхъ ѣхать къ терему княжескому, а желаютъ, чтобы ихъ понесли туда въ лодкѣ; казнь сихъ пословъ, которые съ лодкою брошены въ яму и засыпаны землею; вызовъ другаго знатнѣйшаго посольства отъ Древлянъ; несчастный конецъ, постигшій и сихъ мужей нарочитыхъ, которые по повелѣнію княгини сожжены въ банѣ: все сіе походитъ на правду столько-же, какъ и военная хитрость, употребленная Ольгою при взятіи города Коростеня. Державши цѣлый годъ въ осадѣ древлянскій столичный городъ, и видя упорное сопротивленіе жителей, княгиня объявляетъ имъ, что не хочетъ болѣе мстить за смерть своего супруга, но требуетъ малой дани и готова мириться. Все требованіе состояло въ томъ, чтобъ дали ей отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья. Древляне съ радостію согласились на такое великодушное условіе. Но голуби и воробьи въ ту-же ночь возвратились въ голубятни свои и подъ застрѣхи съ зажженными фитилями, и Коростень вдругъ, со всѣхъ сторонъ объятый пламенемъ, превращенъ въ пепелъ. Гомеровъ конь троянскій не устоялъ противъ нападенія критики, и уступилъ мѣсто снаряду стѣнобитному. Но лѣтописатели не піиты; у нихъ истина является въ природной наготѣ своей и не таится подъ покровомъ аллегоріи, и голуби съ воробьями конечно здѣсь не значатъ ни гранатъ, ни каленыхъ ядеръ (предположимъ на часъ, будто въ десятомъ вѣкѣ уже знали употребленіе гранатъ и каленыхъ ядеръ).

---

[1]) Въ исторической критикѣ заподозрѣно и самое существованіе Телля, при чемъ указанъ источникъ этого сказанія, именно *древне-сѣверная сага.* См. Зыбелъ, О законахъ историческаго знанія, стр. 20—21.

Никонъ чувствовалъ неимовѣрность сего происшествія, и кажется неохотно упомянулъ о немъ, вмѣстивши въ четырехъ строчкахъ всю исторію о разореніи Коростеня, хотя она въ другихъ лѣтописяхъ описана гораздо пространнѣе. Что ежели и сей случай заимствованъ изъ повѣстей чужестранныхъ, и употребленъ нашими праотцами для украшенія отечественныхъ дѣяній! Не знаю точно, на какой страницѣ, но знаю навѣрное, что датчанинъ Саксонъ Грамматикъ, жившій въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, упоминаетъ объ одномъ датскомъ королѣ, который осадивъ другаго короля въ его столицѣ, взялъ городъ съ помощію птицъ, возвратившихся въ гнѣзда съ зажженнымъ подъ крыльями трутомъ, точно какъ Ольгины воробьи и голуби. Вообще, надобно съ крайнею осторожностію читать исторію, а особливо неочищенную строгою, разсудительною и ученою критикою.

»Въ печатной Несторовой лѣтописи, и въ прочихъ спискахъ, въ однихъ пространнѣе, въ другихъ короче, описана хитрость, которую осажденные печенѣгами бѣлогородцы удачно употребили для избавленія себя отъ сихъ кровожадныхъ непріятелей. Великій князь Владиміръ тогда находился въ дальнемъ походѣ противу Чуди. Томимые голодомъ граждане готовы были отворить ворота; одинъ старецъ отвратилъ бѣду странною выдумкою. Положено собрать овсяной муки, отрубей, пшеницы и меду; врыть въ землю двѣ кади, одну съ кисельною цѣжею, другую съ сытою, и назвать ихъ колодезями. На другой день, приглашеннымъ въ городъ печенѣгамъ для переговоровъ, показаны неистощимые колодези. Жители черпали цѣжу, варили кисель и, разведши съ сытою, потчивали имъ гостей своихъ. Удивленные печенѣги, видя такое довольство, и не надѣясь голодомъ принудить жителей къ сдачѣ, отступили.

»Татищевъ, который подробнѣе всѣхъ разсказалъ о семъ случаѣ, въ примѣчаніяхъ своихъ называетъ его *нѣколико баснотворнымъ*, подобно сказанію Геродотову о Ѳрасивулѣ, избавившемъ Милетъ отъ осады Аліатта лидійскаго. Правда, что сходство очень близкое; только и разницы, что въ Милетѣ не догадались врыть кадей съ кисельною цѣжею и сытою, а просто вынесли съѣстные свои припасы на площадь и тамъ пировали въ присутствіи чиновника, присланнаго отъ Аліатта. Поліенъ, греческій писатель, въ книгѣ своей о *военныхъ* хитростяхъ (Книга VI, Глава XLVII), повторяетъ повѣствованіе Геродотово. Въ наши лѣтописи вѣроятно вкралось оно послѣ Нестора; ученость его

едва-ли простиралась до столь отдаленной древности. Кто-нибудь изъ польскихъ или богемскихъ писателей, читавшій латинскія книги, подалъ поводъ нашимъ украсить вѣкъ Владиміровъ достопамятнымъ избавленіемъ Бѣлгорода отъ печенѣговъ.

»Древніе знакомы намъ и по другому случаю; напримѣръ: тотъже Поліенъ пишетъ (Книга VII, Глава XLIV), что скиѳскія жены, въ отсутствіе мужей своихъ, сочетались съ рабами, и сіи рабы вздумали, нагло присвоенныя себѣ права, защищать силою оружія. Одинъ скиѳъ, опасаясь отчаяннаго сопротивленія, присовѣтовалъ товарищамъ своимъ пуститься на слугъ не съ оружіемъ, а съ плетьми. Рабы, напуганные орудіемъ, котораго издавна привыкли бояться, тотчасъ обратились въ бѣгство«. Въ параллель этому, Каченовскій приводитъ разсказъ, помѣщенный у Хилкова (Манкіева) изъ Герберштейна и русской лѣтописи, объ основаніи Холопьяго города на Мологѣ, гдѣ скрывались новгородскіе холопы, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, вернувшихся изъ похода подъ Корсунь, куда они ходили съ великимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ, а между тѣмъ подверглись участи скиѳскихъ мужей.

»Сличивши одно съ другимъ, заключаетъ Каченовскій, всякій догадается, что тутъ новгородцы поставлены вмѣсто скиѳовъ, и что походъ корсунскій съ великимъ колоколомъ и Холопьимъ городкомъ послужили кому-то изъ писцовъ прикрасами вмѣсто фигуръ риторическихъ. Наши лѣтописи богаты истиною, но также не бѣдны и вымыслами. Хорошо, ежели-бъ мы пріучили себя читать ихъ, критически сравнивать и отдѣлять пшеницу отъ плевелъ; но различныя *важныя* дѣла и упражненія донынѣ препятствовали намъ прилежно заняться отечественною исторіею, потому-то мы ведемъ родъ свой то отъ финновъ, то отъ роксоланъ, то отъ пруссовъ, даже не умѣемъ сказать, чѣмъ разнятся между собою Исторіи Татищева, Ломоносова, князя Щербатова, Эмина, Нехачина, и почему, при такомъ изобиліи въ Исторіяхъ, мы все еще требуемъ новой«? (Вѣстникъ Европы, 1809 г. ч. XLVII, стр. 134—145).

Сравнительный методъ, которому слѣдуетъ авторъ въ разборѣ древнихъ сказаній, вполнѣ вѣренъ; но основная мысль автора о вліяніи въ подобныхъ сказаніяхъ чуждыхъ писателей можетъ быть признана вѣрною только въ извѣстной степени. Тождество понятій народныхъ указываетъ также на непосредственное *вліяніе* путемъ сношеній, на *общность* воззрѣній помимо даже вліянія, а просто въ силу извѣстнаго

психологическаго процесса развитія, и наконецъ, что самыя преданія распространяются въ извѣстныхъ *географическихъ* предѣлахъ. Къ такимъ результатамъ пришла современная критика миѳовъ (см. Тайлоръ, Доисторическій бытъ человѣчества).

Въ своихъ критическихъ статьяхъ, Каченовскій постоянно былъ противникомъ напрасныхъ и безплодныхъ изысканій о временахъ глубокой древности, извѣстія о которыхъ достались намъ путемъ преданій, какъ напр. извѣстія древнихъ писателей о сѣверѣ Европы. Въ своихъ статьяхъ о первобытныхъ народахъ, обитавшихъ въ Россіи, онъ проводитъ мысль, что древніе писатели въ этомъ отношеніи невѣрные руководители; что разсказы о царяхъ финскихъ, пермскихъ, новгородскихъ и кіевскихъ до Рюрика—басни и что исторію сѣвера можно начинать съ распространенія христіанства, когда появилось тамъ искусство письма (Вѣст. Евр. 1809, № 17—20, стр. 202; № 21—24 стр. 327). Держась въ этомъ случаѣ текста такъ-называемой лѣтописи Нестора, Каченовскій рѣшительно отвергаетъ происхожденіе Варяговъ отъ финновъ, славянъ или пруссовъ, а считаетъ ихъ, на основаніи географіи Нестора, выходцами изъ Скандинавіи.

Свои понятія о наукѣ Каченовскій ясно выразилъ въ статьѣ, направленной противъ изслѣдованія Капниста о Гипербореяхъ, въ которомъ доказывалось, что славяне были — гиперборея. »Что сказать на это должно? спрашиваетъ Каченовскій,—»то, что почтенному сочинителю надлежало руководствоваться авторами, коихъ многолѣтнія ученыя изслѣдованія озарены животворнымъ свѣтомъ исторической критики, а не тѣми, которые во всемъ полагаются на первую, попавшуюся къ нимъ въ руки книгу, или на мечты своего воображенія. Давно уже въ ученомъ свѣтѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что между древними гипербореями, скиѳами, сарматами и между славянами нѣтъ никакой видимой связи. Догадокъ много и онѣ разнообразны; *но истина должна быть одна.* А кто можетъ сказать, что се постигнулъ? *Всего надежнѣе замѣчать дѣянія народа съ того времени, съ котораго онъ является въ исторіи подъ настоящимъ своимъ именемъ.* Но довольно о гипербореяхъ«..... и за тѣмъ помѣщаетъ главу изъ соч. извѣстнаго географа Маннерта. (Вѣстн. Евр. 1815 г. № 1).

Вотъ почему, въ вопросахъ неясныхъ, сомнительныхъ или темныхъ, Каченовскій всегда предлагалъ *болѣе возможное* толкованіе, никогда не рѣшался принимать за достовѣрное то, что еще требовало доказа-

тельствъ, и скорѣе склонялся въ отрицанію, нежели соглашался на уступку духу времени или мнимой учености. Такъ, его изслѣдованіе »о банномъ строеніи« (Вѣст. Евр. 1812, № 17) основывается на болѣе простомъ толкованіи[1]); вліяніе византійской образованности на Россію ему казалось возможнымъ болѣе чрезъ посредство славянъ, нежели непосредственно (Вѣст. Евр. 1815, № 1 Разборъ оп. начерт. рос. гражд. права, Вельям. Зернова). Въ судебныхъ поединкахъ онъ видѣлъ вліяніе германскихъ народовъ (Зап. общ. ист. и древ. рос. 1815) еще до нашествія татаръ. Слово *скотъ* въ смыслѣ денегъ онъ принималъ какъ родовое въ отношеніи видовыхъ названій: куны и гривны. И здѣсь впрочемъ онъ объяснялъ происхожденіе слова *скотъ* изъ германскаго (Нѣчто о древ. рус. нумизм. Вѣст. Евр. 1817, № I). Разсматривая золотую медаль, отысканную близь Чернигова, онъ доказываетъ, что это византійскій амулетъ, принадлежащій Василію Богомилу (XI—XII вв.), а не русская медаль временъ Владиміра Великаго, не гривна и не икона (ср. Вѣстн. Евр. 1822 г. и 1829, № 12). Когда Калайдовичъ издалъ памятники XII вѣка, гдѣ были помѣщены поученія Кирила Туровскаго—Каченовскій принялся за разборъ ихъ (Вѣст. Евр. 1822, CXXII). Соображая тогдашнее состояніе русскаго общества и даже византійскаго, Каченовскій приходитъ къ заключенію, что Кириллъ Туровскій не могъ образоваться тогда въ ораторствѣ; принимая-же во вниманіе слогъ, указывающій греческое происхожденіе рѣчей, и духъ послѣднихъ, приличный болѣе IV вѣку христіанства—онъ выводитъ, что Кириллъ Туровскій скорѣе выписывалъ свои поученія изъ отцевъ церкви, нежели составлялъ самъ. А такая подражательность этого писателя была доказана въ послѣднее время пр. Макаріемъ. Въ томъ-же духѣ критика Каченовскаго и другаго труда Калайдовича—Іоанна экз. болгарскаго, переводчика сочиненій Іоанна Дамаскина, котораго издатель отнесъ къ IX—X вѣку. Основываясь на низкомъ уровнѣ образованности тогдашней Болгаріи, на греческихъ извѣстіяхъ, что царь Симеонъ отличался чисто-военнымъ характеромъ, а не склонностью къ образо-

---

[1]) Это возраженіе на изслѣдованіе о банномъ строеніи, въ которомъ доказывалось, что подъ нимъ древній лѣтописецъ разумѣлъ »купол«. Каченовскій же объясняетъ, что »банное строеніе« означаетъ въ лѣтописи мѣсто, гдѣ умываются, и доказываетъ существованіе крестильницъ при церквахъ. Это мнѣніе потомъ оправдалось. Въ такомъ смыслѣ принялъ его и Карамзинъ (II, примѣч. 160).

ванію, что и Дамаскинъ вовсе не сочинялъ грамматики, что эта рукопись попалась Калайдовичу въ позднѣйшемъ спискѣ, тожественномъ съ грам. Смотрицкаго, и наконецъ, что ни у болгаръ, ни у грековъ нѣтъ современныхъ извѣстій объ Іоаннѣ—Каченовскій заключаетъ, что послѣдній былъ невозможенъ въ тогдашней Болгаріи, и что онъ или чистый вымыселъ, или долженъ быть отнесенъ по крайней мѣрѣ въ XII вѣку, и то его слѣдуетъ считать скорѣе инокомъ аѳонскаго мон. Хиландаря, гдѣ письменность была въ ходу. »*Надобно болѣе вѣрить*, говоритъ Каченовскій, *исторіи учености, происшествій политическихъ и гражданскихъ, нежели показаніямъ рукописей, когда послѣднія противорѣчатъ первой*«. (Вѣстн. Европы, 1826, № 13—24).

Но относясь строго къ другимъ, Каченовскій также строго относился и къ себѣ. Задумавъ написать »Руководство къ познанію исторіи и древностей Россійскихъ«, онъ отказался отъ этой мысли, когда появились труды Лерберга и Эверса. »Было время, говоритъ онъ въ своихъ »пробныхъ листкахъ« изъ этого руководства, когда смѣлые дѣеписатели, не имѣя вѣрныхъ извѣстій, предлагали свои собственныя выдумки: такой способъ удовлетворять любопытству, *при нынѣшнемъ состояніи* наукъ историческихъ, по справедливости почитается недостойнымъ благомыслящихъ читателей и посрамительнымъ для историка«. (Вѣстн. Евр. ч. XCI, 205).

Таковъ былъ Каченовскій, подъ непосредственнымъ вліяніемъ критики Шлецера. И когда появились въ Рус. Вѣстникѣ мелкія нападки на трудъ послѣдняго, осужденный главнымъ образомъ за то, что онъ принадлежитъ перу иностранца, а нападеніе было сдѣлано подъ видомъ защиты добродѣтели, вѣры и отечества,—то Каченовскій обнаружилъ всю недобросовѣстность подобнаго способа критики, смѣшивающаго вопросы научные съ нравственными. Возражая неизвѣстному автору статьи, Каченовскій заключаетъ о немъ: »Сіи самыя догадки и замѣчанія, слогъ ихъ и расположеніе, ходъ мыслей, неправильныя заключенія, неизвѣстныя ссылки на авторовъ, не доказываютъ-ли, что мы должны учиться грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, критикѣ и прочимъ *иноплеменнымъ* наукамъ, ежели хотимъ писать что-нибудь, достойное просвѣщенной публики? Надобно-ли намъ чуждаться наукъ потому только, что иностранцы (*разумѣется* непохожіе на здѣшнихъ гувернеровъ и учителей) прежде насъ стали упражняться въ наукахъ, больше

насъ въ нихъ успѣли, даже обогатили ихъ новыми полезными правилами и открытіями?« (Вѣстн. Евр. 1811 г. сентябрь).

Трудъ Карамзина, посвященный русской исторіи, явился въ то время, когда направленіе Каченовскаго уже ясно обозначилось.

---

## II.

Исторія Карамзина появилась съ блестящимъ, краснорѣчивымъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ подробно изложилъ свои взгляды на предметъ. Каченовскій рѣшился разобрать его. Этотъ разборъ помѣщался въ продолженіе нѣсколькихъ номеровъ Вѣстника Европы (1818, ч. CII, 1819, ч. CIII и CIV), подъ именемъ »писемъ къ другу отъ Кіевскаго жителя«. Авторъ ихъ имѣлъ передъ собою и оба перевода на французскій языкъ—одинъ петербургскій, совершенный подъ руководствомъ самого Карамзина, а другой парижскій. Онъ пользуется, то измѣненіями и дополненіями въ одномъ, то пропусками въ другомъ, сравнительно съ русскимъ текстомъ, чтобы яснѣе оттѣнить воззрѣнія самого автора.

»Мысль разбирать одно предисловіе, говоритъ Каченовскій, а не всю книгу, не такъ странна въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ она показаться съ перваго раза. Знаю, что многіе совсѣмъ не заглядываютъ въ предисловія; но кто? невнимательные читатели. Не говорю уже о вздорныхъ предисловіяхъ къ дурнымъ книгамъ. Иногда, читая два часа или болѣе, вы все еще не видите автора; въ предисловіи онъ тотчасъ является, и вы узнаете, для какого писателя будете жертвовать временемъ своимъ и вниманіемъ. Есть коротенькія предисловія, изъ которыхъ можно больше научиться, нежели изъ толстыхъ томовъ. Есть предисловія, которыя ведутъ по крайней мѣрѣ къ пріятнымъ для ума соображеніямъ, между тѣмъ какъ многія книги со всѣми ихъ принадлежностями не стоятъ и того даже, чтобы имѣть ихъ въ рукахъ своихъ«.

Въ письмѣ къ петербургскимъ переводчикамъ Карамзинъ выразилъ опасеніе, что его исторія, писанная въ духѣ *національномъ*, можетъ не понравиться французамъ своимъ *русскимъ характеромъ*. (Вѣст. Евр. 1819, CIII). Каченовскій замѣчаетъ на это, что »образованные читатели всѣхъ націй, будучи въ то же время вѣрными сынами своего

отечества, составляютъ одно просвѣщенное общество«, и ссылается на академическую рѣчь самаго Карамзина, въ которой тотъ говоритъ: »мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ; ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы для ума и вкуса«. Такимъ образомъ Каченовскій является предъ нами защитникомъ космополитизма въ наукѣ и проповѣдникомъ западно-европейской образованности въ полномъ смыслѣ этого слова, что еще болѣе подтверждается его дальнѣйшими критическими трудами, въ которыхъ онъ не пощадилъ ни народныхъ преданій, ни даже лѣтописей, подвергая ихъ разложенію путемъ сравнительнаго анализа съ западно-европейскими памятниками и объясняя всѣ черты, свидѣтельствующія о развитіи русской общественности въ древнѣйшій періодъ, вліяніемъ болѣе образованныхъ сосѣдей.

Съ другой стороны, въ разборѣ предисловія Карамзина, Каченовскій высказалъ свои взгляды на значеніе историка, а при случаѣ онъ не забываетъ указать, что критика Шлецера стоитъ выше критики исторіографа, отступившаго отъ нея. Духъ Шлецера очевидно руководитъ рецензентомъ. Мы представимъ здѣсь самыя характеристическія мѣста этого разбора.

»Въ предисловіи есть планъ, и планъ превосходный, а особливо въ первой половинѣ, говоритъ Каченовскій. Я наблюдалъ его съ большимъ удовольствіемъ. У насъ любятъ говорить о слогѣ, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ однѣ только фразы; а объ цѣломъ, о частяхъ, объ ихъ расположеніи вовсе не думаютъ! Это все равно, какъ-бы смотрѣть на листья столба коринѳскаго, на метопы, на триглифы дорическаго, и не замѣчать пропорцій всего зданія, составляющихъ главный его характеръ, главное достоинство. Сочинитель сперва говоритъ о пользѣ исторіи вообще и объ ея пріятности; потомъ весьма естественно переходитъ къ исторіи отечественной, къ ея важности, особенно для насъ русскихъ и вообще для всѣхъ; далѣе соглашается, что въ нашей исторіи есть предметы маловажные, скучные для читателя, но утверждаетъ, что въ древнихъ исторіяхъ видимъ тоже, и что всѣ исторіи требуютъ терпѣнія. Здѣсь опять весьма натурально сочинитель разсуждаетъ, что въ наше время уже не позволяется украшать исторію вымыслами, что и безъ этого есть способъ нравиться читателямъ; говоритъ, какъ должно писать исторію, какъ онъ самъ писалъ ее, почему приложилъ огромныя выписки. Такое расположеніе, такой

ходъ матеріи, гдѣ главныя мысли предложены въ связи неразрывной, гдѣ послѣднія всегда истекаютъ изъ первыхъ, служатъ вѣрнымъ доказательствомъ, что сочинитель не прежде взялся за перо, какъ уже въ то время, когда планъ созрѣлъ въ головѣ его. Такъ поступаютъ всѣ мыслящіе писатели. Но тутъ еще не конецъ предисловію. Послѣ объявленія о выпискахъ слѣдуетъ показаніе, какъ *неосновательно* Шлецеръ раздѣлилъ исторію нашу на пять періодовъ; потомъ говорится, какъ исторіографъ трудился, и для чего; наконецъ—благодарность живымъ и мертвымъ и обращеніе къ читателямъ. Еслибъ не вмѣшалась въ предисловіе посторонняя, непринадлежащая къ дѣлу мысль о Шлецерѣ (которую впрочемъ легко можно взять отсюда и поставить, если угодно, особо передъ самою исторіей); то я смѣло назвалъ-бы его *совершеннымъ* за легкость въ ходѣ, за связь въ главныхъ мысляхъ. Ты повѣришь истинѣ словъ моихъ; ибо знаешь, какъ мало боюсь вашихъ столичныхъ словесниковъ—антикарамзинистовъ: они для меня столь-же забавны, какъ и господа ультракарамзинисты, сіе братство рыцарей, обрекшихъ себя на слѣпое безотвѣтное служеніе своему единственному просвѣтителю. Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ мыслямъ, а тамъ уже побесѣдуемъ о фразахъ.

»Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, *для всякаго не Русскаго* вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: *ибо Греція и Римъ были народными Державами* и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева«, и проч.

»Сколько замѣчаній, сколько вопросовъ рождается при внимательномъ разсматриваніи выше предложенной мысли! »Дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ *для всякаго не Русскаго вообще* занимательнѣе«. Чего? спрашиваю, и нахожу далѣе, что »нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны *не менѣе древнихъ*«. Если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то *всякій не Русскій* найдетъ ихъ такими-же: но если оныя дѣянія *представляютъ болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей;* то и всякій Русскій не можетъ не увидѣть въ нихъ сего преимущества. Ежели мы изъ любви къ отечеству станемъ предпочитать свою исторію древней; то и для *всякаго не Русскаго* дѣянія своего отечества по той-же причинѣ должны быть

занимательнѣе греческихъ и римскихъ. Сколько ни разсуждаю, никакъ не могу добиться, почему древнія *дѣянія для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе*. Но »Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи«. Не всегда; только Ѳукидидъ, послѣ мастерскаго вступленія, пишетъ о просвѣщенныхъ своихъ современникахъ; Геродотъ же повѣствуетъ не объ одной Греціи и не объ одпихъ республикахъ, но и о древнихъ царствахъ греческихъ, равно какъ въ Ливіѣ восхищаютъ читателя не одни только изображенія республиканскихъ Римлянъ. Люди вездѣ люди, хотя и невездѣ одинаковы возрасты описываемыхъ народовъ.

»Внимай далѣе: »Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о дѣеписаніяхъ древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова *вымышленныя рѣчи, что останется? Голый разсказъ* о междоусобіи греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова Дому. Немного разности, если забудемъ, что сіи *полу-тигры объяснялись языкомъ Гомера*, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ *всегда-ли представляетъ* намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзеніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра; но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой некрологъ римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва-ли важнѣе половецкихъ набѣговъ«. Наши петербургскіе господа, трудящіеся передъ глазами самого автора, все это перевели съ удивительнымъ мужествомъ. А парижскіе? И они вздумали было храбриться; только не долго же постояли. »Ne soyons point superstitieux dans notre admiration pour les Historiens de l'antiquité. Que nous resterait-il de l'immortel ouvrage de Thucydide, si l'on y supprimait les discours, qui sont *peut-être uniquement* de son invention? Le simple récit des dissensions intestines de quelques villes de la Grèce« ..... При словѣ *peut-être*, котораго нѣтъ въ подлинникѣ и которое не безъ лукаваго умысла приба-

влено, видно уже, что французская живость немного тутъ присмирѣла; а какъ скоро дошло до рѣзанья между толпами Аѳинъ и Спарты, до полу-тигровъ, изъяснявшихся языкомъ Гомера, и далѣе—она вдругъ онѣмѣла передъ гиперборейскою нашею ученостью.

»Но пощадимъ парижскихъ переводчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто увѣритъ насъ, что въ безсмертномъ твореніи Ѳукидидовомъ *рѣчи вымышленныя?* Ѳукидидъ, современный дѣяніямъ историкъ, самъ нѣсколько лѣтъ бывшій участникомъ въ происшествіяхъ описываемой имъ достопамятной войны пелопонесской, сталъ-бы сочинять вымышленныя рѣчи, сталъ-бы влагать ихъ въ уста извѣстнымъ лицамъ, и даже Периклу, первому витіи своего вѣка! »Древніе *имѣли право*«, такъ написало далѣе въ предисловіи, »*вымышлять* рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій«. Посмотримъ, откуда возникло сіе право. Древнѣйшая исторія каждаго народа состоитъ въ изустныхъ преданіяхъ, сохраняющихъ истинныя происшествія пополамъ съ вымыслами, которыя вносятъ потомъ въ лѣтописи. Мечты же піитическаго воображенія неразлучны съ живостію младенчества народнаго: вотъ почему въ отдаленныя времена любили давать повѣствованію драматическую форму, то-есть, вмѣсто того что-бы описывать дѣйствія, заставляли говорить выводимыя лица. Вотъ начало рѣчей, помѣщенныхъ въ исторіяхъ. Самъ исторіографъ, переводя лѣтопись, влагаетъ въ уста Олегу, Игорю, Ольгѣ, Святославу небольшія рѣчи и отвѣты. А кто знаетъ, что онѣ были произнесены точно такимъ образомъ? кто записывалъ ихъ, и какъ могъ узнать объ нихъ лѣтописецъ, жившій послѣ оныхъ лицъ спустя полтораста лѣтъ и болѣе? Очевидно, Несторъ дѣлалъ то, что дѣлали всѣ первые *бытописатели*. Такъ и у древнихъ историковъ, изображаемыя лица говорятъ прилично своему характеру, своимъ обстоятельствамъ, и мы, читатели, напередъ знаемъ, что слова принадлежатъ вообще дѣеписателямъ, а не дѣйствующимъ лицамъ, кромѣ только нѣкоторыхъ, весьма немногихъ случаевъ! Сущность дѣла состоитъ не въ рѣчахъ, а въ происшествіяхъ и въ способѣ, какимъ они предложены. Но сіи короткія рѣчи, сіи отвѣты должно отличать отъ рѣчей ораторскихъ, и было-бы весьма несправедливо утверждать, будто *всѣ* рѣчи у Тита-Ливія и у Тацита *вымышлены* историками.

Какъ! въ безсмертномъ Ѳукидидовомъ твореніи, если исключить

*вымышленныя* рѣчи, останется *голый разсказъ о междоусобіи* греческихъ городовъ? Не болѣе? А его описанія *моровой язвы въ Аѳинахъ, побѣды при Платеѣ, возмущенія на островѣ Корцирѣ, пораженія Аѳинянъ въ Сициліи*, сіи описанія, почитаемыя до нынѣ образцовыми? За чѣмъ-же было Демосѳену восемь разъ переписывать Ѳукидидову исторію и учиться по ней сильному, разительному, увлекающему краснорѣчію, когда въ ней ничего нѣтъ кромѣ *голаго разсказа?* ибо рѣчи *вымышленныя*, слѣдственно наполненныя пустою декламаціей, не могли бы служить образцами для великаго витіи.

»Между тѣмъ сей *голый разсказъ* представляетъ первый образецъ *критической* исторіи! между тѣмъ въ семъ *голомъ разсказѣ* глубокій прагматикъ повѣствуетъ о происшествіяхъ, чрезвычайно важныхъ по мѣсту, времени, дѣйствующимъ лицамъ, по причинамъ своимъ и слѣдствіямъ! ибо дѣло идетъ совсѣмъ не о *междоусобіи греческихъ городовъ*, а о достопамятной, тонкою политикою управляемой, войнѣ между независимыми областями Греціи: *толпы* хотя и *злодѣйствовали, рѣзались*, но сіи толпы принадлежали тогда къ просвѣщеннѣйшей части рода человѣческаго, имѣвшей тогда-же великихъ полководцевъ, правителей, ораторовъ, поэтовъ, художниковъ, и оставившей намъ безсмертные памятники бытія своего въ мірѣ—преимущества, которыхъ, надобно говорить правду, не видимъ въ современникахъ Владиміровичей и Ольговичей. Разность не въ томъ одномъ только, что оные полутигры изъяснялись будто-бы *языкомъ Гомера* (Аѳиняне, Спартанцы, Віотійцы, Коринѳяне, Сицилійцы и проч. столько-же изъяснялись тогда языкомъ Гомера, сколько мы теперь изъясняемся языкомъ Пѣсни о полку Игоревѣ), что имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы; но разность состоитъ еще *въ душевной силѣ, въ живѣйшей игрѣ страстей;* самое-же главное, какъ я уже замѣтилъ выше, состоитъ въ великомъ искусствѣ дѣеписателя, представившаго въ живой картинѣ столь разнообразныя происшествія съ причинами ихъ и слѣдствіями.

»Перейдемъ къ Тациту. Въ предисловіи спрашиваютъ читателя: »глубокомысленный живописецъ Тацитъ *всегда-ли* представляетъ намъ *великое, разительное*«? Не всегда; потому что историкъ не романистъ и не поэтъ эпическій; онъ описываетъ истинныя происшествія, представляетъ невымышленные характеры; онъ не воленъ увеличивать маловажныхъ случаевъ, и опять не можетъ оставить ихъ безъ вниманія, ежели входятъ въ систему повѣствуемыхъ событій. Въ исторіи все то

любопытно, что принадлежитъ къ связи происшествій, что служитъ къ объясненію дѣйствій и характеровъ: цѣль ея—доставить намъ свѣдѣніе о томъ, что было и какимъ образомъ было. Средства находятся въ дарованіи автора; но *истина* есть главный источникъ удовольствія читателя. Совсѣмъ иного требуемъ отъ вымышленной исторіи: мы ищемъ въ ней одной только забавы, а не свѣта познаній, и награда за вниманіе наше состоитъ въ удовольствіи другаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что чертами великими, разительными возвышается достоинство и справедливой исторіи; но ихъ можно уподобить не океану ослѣпительныхъ огней, разлитыхъ по неизмѣримому пространству, а развѣ только яркимъ звѣздамъ, сверкающимъ на темной синевѣ неба. И Тацитъ богаче всѣхъ историковъ такими чертами, даже картинами, разительными, потрясающими душу, раздирающими сердце образованнаго и чувствительнаго читателя.

»Я однакожъ долженъ здѣсь замѣтить: во-первыхъ, это въ немъ еще не главное достоинство; во-вторыхъ, почтенный исторіографъ указываетъ въ Тацитѣ не на то, что есть въ немъ истинно *великаго* и *разительнаго*. Не стану распространяться о достовѣрности сего великаго историка: хотя въ предисловіи сказано, будто-бы Тацитъ основывался на *словесныхъ преданіяхъ*, и слѣдственно могъ *цвѣтить*, украшать, *иногда творить*, не боясь обличенія; но историческія свидѣтельства говорятъ другое. Я уже упоминалъ тебѣ объ его источникахъ. Прибавлю, что онъ былъ крайне остороженъ въ своихъ сказаніяхъ; упоминая напримѣръ, объ ужасномъ пожарѣ, онъ не приписываетъ его рѣшительно извергу Нерону: «воспослѣдовало бѣдствіе, не извѣстно по случаю, или отъ умысла государева; ибо различно передали намъ писатели». До насъ дошло то мѣсто, гдѣ описывается достопамятная погибель старшаго Плинія, но мы знаемъ, что родной племянникъ его, Плиній младшій, по требованію историка, доставилъ къ нему подробное извѣстіе о семъ плачевномъ происшествіи.

»Сколько-же другихъ достоинствъ въ безсмертномъ Тацитѣ! Будучи историкомъ, онъ вмѣстѣ и поэтъ, *поэтъ не по вымысламъ*, а по чудесному, неподражаемому искусству располагать части своего повѣствованія, возбуждать любопытство въ читателѣ, плѣнять его воображеніе и трогать чувствительность. Никогда не пропускаетъ онъ случая показать мѣста лицъ, участвующихъ въ происшествіи занимательномъ; никогда не пропускаетъ случая сказать, въ какомъ положеніи находились

они и что чувствовали. Еще Расинъ, сей знаменитый трагикъ, разсматривая изображеніе смерти Британника, одну изъ разительнѣйшихъ картинъ историка римскаго, назвалъ Тацита великимъ живописцемъ древности. Ея расположеніе удивительно; все дѣйствуетъ на сердце читателя; не забыта ни одна черта, ни одно обстоятельство. Вы сами видите, вы чувствуете, что̀ видѣли, что̀ чувствовали свидѣтели описываемаго происшествія. Никакой трагикъ не поколеблетъ сильнѣе души вашей. Прочти исторію Вибія Серена, обвиняемаго сыномъ въ оскорбленіи величества.... Галлерея картинъ Тацитовыхъ, весьма огромная, наполнена произведеніями высокой работы.

За тѣмъ слѣдуетъ рядъ примѣровъ.—»Приведенные мною примѣры, продолжаетъ Каченовскій, гораздо сильнѣе и разительнѣе *Агриппины, несущей прахъ Германика*«.

»Зная теперь, съ какой точки смотрю я на историковъ, ты не удивишься, если не соглашусь и въ разсужденіи Тита-Ливія съ почтеннымъ нашимъ исторіографомъ, который, не отнимая впрочемъ отъ Ливія *плавности* и *краснорѣчія*, ставитъ ему въ вину, что цѣлыя книги наполняетъ онъ *извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва-ли важнѣе половецкихъ набѣговъ*. Важность, другъ мой, состоитъ въ способѣ предлагать, или лучше скажу, располагать матерію; при умѣньи автора все становится пріятнымъ и поучительнымъ для читателя. На чтожъ намъ прагматическая исторія, если не для того, чтобы показывать все необходимо нужное, все къ связи, все на своемъ мѣстѣ и въ надлежащей перспективѣ; ибо исторія также имѣетъ свою перспективу, какъ имѣетъ ее живопись. При такомъ расположеніи и мелочи не будутъ утомительны.

»Вотъ что слѣдуетъ въ предисловіи: »Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые Россіяне необязаны-ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному«? Г-да Фюрсп-Лесне и Жюльенъ, которые переводятъ для иноземцевъ, имѣющихъ право пропускать скучнаго, были бы слишкомъ просты, когда-бы заблаговременно открыли читателямъ своимъ, что въ книгѣ ихъ будетъ и нѣчто скучное (они поставили точки). Такая опытность непростительна въ политикѣ торговли книжной. Почему-же петербургскіе, спросишь ты, неубоялись подобнаго нареканія?—Другъ мой! петербургскимъ невозможно увернуться; они ра-

ботаютъ передъ глазами самого автора; притомъ-же они переводятъ не столько для иноземцевъ, сколько для насъ, добрыхъ Россіянъ, а между нами, ты знаешь, есть не мало еще и такихъ, которымъ необходимо нужно прочитать русскую нашу исторію на чужомъ французскомъ языкѣ, чтобы получить о ней надлежащее, или, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь достаточное свѣдѣніе. Я даже такого мнѣнія, что отъ насъ, добрыхъ Россіянъ, не только не надлежитъ скрывать будущей встрѣчи со скукою или досадою; но что весьма было-бы полезно объявить намъ напередъ, какимъ именно количествомъ терпѣнія запастись должно, и въ какихъ мѣстахъ должно прибѣгать къ благодѣтельной его помощи.

»Такъ, другъ мой! мы не иноземцы, не имѣемъ драгоцѣннаго права перекинуть нѣсколько листовъ, пропустить скучное; чтожъ остается дѣлать? Терпѣть и читать все, изъ уваженія къ памяти предковъ нашихъ. Но это одни только предположенія. Въ Исторіи государства Россійскаго читатель не найдетъ ничего скучнаго; ибо въ предисловіи сказано весьма справедливо: »нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ«.

»Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, *ученость нѣмецкая*, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія«. Французская гордость не разсудила за благо упомянуть объ *учености нѣмецкой!* Нѣтъ, милостивые государи! не *обширнѣйшая*, а именно *нѣмецкая* ученость важна для Русскаго историка. Признательный авторъ не скрываетъ, кому онъ обязанъ всѣмъ тѣмъ, что объяснено въ древней нашей исторіи, онъ очень знаетъ, что неимѣвши такихъ предшественниковъ, каковы напримѣръ *Байеръ*, *Миллеръ*, *Тунманнъ*, *Штриттеръ*, *а особливо знаменитый А. Шлецеръ*, намъ очень мудрено было-бы предпринять путешествіе ко храму исторіи; и теперь еще путь къ нему безпрестанно углаживается учеными германцами. Тебѣ извѣстны почтенные труды *Круга*, *Лерберга*, *Эверса*, сихъ иноплеменныхъ соотечественниковъ нашихъ, учености которыхъ самъ исторіографъ отдаетъ должную справедливость. Не смотря на то, французамъ, да еще и переводчикамъ исторіи нашей, тяжело было упомянуть о *нѣмецкой учености!* Они боялись напомнить о заслугахъ нѣмцевъ касательно исторической критики. Таковы-то господа французы! Мнѣ самому случалось отъ нѣкоторыхъ

слышать, что Шлецеръ ничего не смыслилъ въ нашей исторіи, что *одни только невѣжды полагаются на его разысканія.* Статься можетъ, и парижскіе перелагатели, будучи того-же мнѣнія и почитая Леклерка и Левека великими людьми въ литературѣ нашей исторіи, умолчали о *нѣмецкой* учености.

»И слѣдующаго нѣтъ въ переводѣ: »Историкъ (Юмъ), коего мы назвали-бы совершеннѣйшимъ изъ новыхъ, если-бы онъ не излишно чуждался Англіи, неизлишно хвалился безпристрастіемъ! Въ Θукидидѣ видимъ всегда Аθинскаго грека, въ Ливіи всегда римляна, и плѣняемся ими и вѣримъ имъ. Чувство: *мы, наше* оживляетъ повѣствованіе«. Здѣсь, наконецъ, узнаемъ, что̀ именно есть хорошаго въ Θукидидѣ и въ Ливіи: они *плѣняютъ* насъ живымъ своимъ чувствомъ *любви къ отечеству!*

»Любовь къ отечеству, другъ мой, есть долгъ гражданина, долгъ священнѣйшій и столько-же пріятный для души благородной; безпристрастіе-же есть первый важнѣйшій, непремѣнный долгъ бытописателя. Я хочу знать о происшествіяхъ, объ историческихъ лицахъ описываемой страны, а совсѣмъ не о томъ, гдѣ родился историкъ, и до какой степени любитъ онъ свое отечество. Чувства души его для меня постороннее дѣло, когда читаю его твореніе, когда ищу въ немъ истины. Требую отъ историка, чтобы онъ показывалъ мнѣ людей такими точно, какими они дѣйствительно были; а полюблю-ли ихъ, или нѣтъ, одобрю-ли ихъ мысли, ихъ поступки, или напротивъ, это уже до меня, ни до него касается. Θукидидъ, аθинскій грекъ, описывалъ дѣла современныя, дѣла, въ которыхъ и самъ принималъ участіе; Юмъ повѣствуетъ о происшествіяхъ давно минувшихъ. Ливій, писавшій единственно для Римлянъ, которые вообще мало заботились о варварскихъ своихъ сосѣдяхъ, одинаково повѣствуетъ о правленіи какъ царей, такъ и консуловъ, не скрываетъ удачъ и неудачъ римскаго народа, рисуетъ картины, даже иногда разсуждаетъ, подобно англійскому бытописателю. Не знаемъ, какими красками изображалъ онъ современныя происшествія, ибо послѣднія книги его поглощены временемъ; но намъ извѣстно, что Августъ называлъ его значительнымъ именемъ *помпеяница,* не безъ умышленной укоризны въ приверженности къ партіи любителей свободы республиканской. Какъ-бы то ни было, Θукидидъ имѣлъ въ виду только греческихъ читателей, Титъ-Ливій только римскихъ. Въ наше время написанное въ Англіи читаютъ въ Россіи, и что выходитъ въ свѣтъ въ

Европѣ, то, спустя три мѣсяца, переводятъ въ Америкѣ и въ Азіи. Сколько побудительныхъ причинъ къ безпристрастію, которое впрочемъ и древними вмѣняется въ непремѣнную обязанность историку! Еще скажу: любовь къ отечеству въ историкѣ есть дѣло постороннее важной его должности, ни мало непрепятствующее быть справедливымъ.

«О слѣдующемъ-же умолчали они, вѣроятно по другимъ причинамъ: »Счастливы древніе: они невѣдали сего мелочнаго труда (дѣлать примѣчанія и выписки) въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая *достовѣрности*, однакожъ необходимая«! Древніе историки пользовались готовыми матерьялами: иначе не можно сочинять прагматической исторіи; а они оставили намъ образцы превосходные. Шлецеръ, въ объясненномъ своемъ Несторѣ, не на одномъ мѣстѣ учитъ, какъ надобно приступать къ сочиненію исторіи, что надобно дѣлать съ матеріалами и какъ очищать ихъ. Неужели онъ проповѣдывалъ въ пустынѣ? Люди предназначены жить въ обществѣ, и потому рождаются въ свѣтъ съ разными способностями. Трудъ мелочной, тягостный, утомительный для историка, можетъ быть весьма пріятнымъ, любимымъ занятіемъ для возстановителя текста, для критика, ибо приноситъ ему не только удовольствіе, но и *славу;* дѣлаетъ его извѣстнымъ ежели не цѣлой публикѣ, по крайней мѣрѣ ученому свѣту, и такою славою иные дорожатъ болѣе нежели похвалами щеголей и модницъ, блестящихъ остряковъ и людей полуграмотныхъ. Сія тягостная жертва, приносимая *достовѣрности*, необходима для исторіи, но требовать ее отъ историка, требовать, чтобы самъ-же прагматикъ готовилъ для себя и матеріалы, было-бы крайне несправедливо. Какъ въ политическомъ государствѣ, благоустроенномъ и просвѣщенномъ, управленіе раздѣляется на разныя вѣтви, которыхъ листья составляютъ, такъ-сказать, мѣста и должности; подобнымъ образомъ въ республикѣ ученыхъ каждый работаетъ по своимъ способностямъ и тѣмъ содѣйствуетъ общему благу. »Если-бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою: то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться«. Дѣйствительно такъ; впрочемъ и при очищенныхъ матеріалахъ историку остается еще много, очень много работы: сличать происшествія, повѣрять, соображать, разсуждать, справляться. »Но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едва-ли что обработано, изъяснено, соглашено—надобно вооружиться терпѣніемъ«. Вооружиться терпѣніемъ, повторяю, и *обрабо-*

*тывать*, *изъяснять*, *соглашать*, стараться любопытству публики дать направленіе къ очищеннымъ источникамъ отечественной исторіи, чтобы послѣ имѣть сколько возможно болѣе свѣдущихъ читателей, просвѣщенныхъ судей важнаго прагматическаго творенія; стараться по возможности предостеречь себя отъ того, что Шлецеръ предсказывалъ намъ, опровергая мнѣніе Рихтера въ своемъ Несторѣ, если мы не надлежащимъ образомъ примемся сочинять прагматическую исторію«.

Едва ли кто изъ русскихъ историковъ того времени стоялъ такъ близко къ западно-европейской исторической критикѣ, какъ Каченовскій. Эта склонность переходила въ немъ даже въ нѣкоторую односторонность.—Онъ дышалъ »воздухомъ образованности европейской« (см. Мой взглядъ на Рус. Правду. Вѣст. Евр. 1829 № 13—16, стр. 99). Осмѣивая промахи Вольтера въ русской исторіи (по поводу перевода его ист. Петра В. на рус. яз.), Каченовскій признаетъ однако его »Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ«—славнымъ твореніемъ и удивляется, какъ могъ авторъ его написать такія нелѣпости въ своей исторіи Петра В.

---

## III.

Появилось знаменитое твореніе Нибура о римской исторіи, и Каченовскій заговорилъ о новой критикѣ нашего времени (Вѣст. Евр. 1826, № 21—24, стр. 255). Отвергая въ своей статьѣ существованіе кожаныхъ денегъ, какъ ассигнацій, и доказывая, что куны, лобки и т. д. были металлическія монеты—Каченовскій восклицаетъ: »Мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на сѣверѣ въ давно-минувшіе вѣки. Наступитъ время, когда мы удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ. Утѣшимся-же, если мысль сія можетъ показаться непріятною для самолюбія нашего! Примѣръ передъ глазами: таковы-ли нынѣ первые вѣки Рима, какими представлялись они взорамъ ученыхъ до Нибура«? (Вѣст. Евр. 1828, № 13—16. О бѣлыхъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ, стр. 47—48). Спустя шесть лѣтъ Каченовскій снова обращается къ тому-же предмету и снова повторяемъ тѣже слова (О кожан. деньг. Уч. зап. Моск. унив. т. VIII, стр. 34). Но еще въ Вѣстникѣ Европы 1830 г. Каченовскій

помѣстилъ статью о Римской исторіи Нибура въ Journal des Débats, вполнѣ защищавшую критику послѣдняго. »Эта римская исторія, говоритъ рецензентъ, есть книга противъ римской исторіи. Мы не будемъ порицать въ семъ важномъ и ученомъ сочиненіи непреоборимой склонности, какою безпрестанно увлекается сочинитель, желанія—недовѣрять древнимъ преданіямъ народнымъ, разсказаннымъ піитическимъ Титомъ-Ливіемъ. *Для науки нѣтъ ничего приличнѣе, какъ скептицизмъ—не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравненіи текстовъ, на критикѣ свидѣтельствъ.* Изслѣдывайте, сомнѣвайтесь, изъясняйте сами, если имѣете довольно мужества; ибо нѣтъ необходимой надобности вѣрить всему даже въ исторіи Ромула.... Народы отмѣнно любятъ освящать свое младенчество сверхъестественными происшествіями, божественными посредничествами, или даже и одними лишь темными воспоминаніями о доблести и славѣ, которыя какъ-бы возвеличиваютъ судьбу отечества; но рано или поздно настанетъ минута, въ которую безжалостная критика, углубляясь въ прошедшее, не устрашится уже таинственнаго мрака. Эта роковая минута для Рима настала задолго до того времени, когда берлинскій ученый предпринялъ исторгнуть ту смоковницу, подъ которою волчица питала Ромула съ Ремомъ, и ниспровергнуть алтарь Аія Локуція«. За тѣмъ, показавъ, какъ и у другихъ народовъ сохранились преданія и пѣсни о герояхъ и какъ постепенно пробивался скептицизмъ къ римскимъ повѣствованіямъ (у Катона), а по возрожденіи наукъ и къ Титу-Ливію (Перизоній, Глареанъ, Бофоръ, Бэйль), рецензентъ заключаетъ, что подобныя сомнѣнія еще не составляютъ главной заслуги Нибура. »Авторъ не для того трудился, чтобы только разрушать, говорится тамъ, нѣтъ, онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ смѣлостію возсозданія храма исторіи, стараніемъ замѣнить поэтическія или аллегорическія лжи истинными событіями, извлекая изъ басенъ нѣкоторую существенность. Вотъ чего надобно искать въ его книгѣ«. (Вѣстн. Евр. 1830, № 17—20, стр. 75—92).

Главная заслуга Нибура состояла въ созданіи имъ историческаго метода, который былъ выработанъ имъ въ изслѣдованіяхъ надъ римскою исторіею. Онъ полагалъ, что памятники послѣдней подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Отсюда являлась необходимость въ разложеніи риторическихъ разсказовъ основнаго изъ нихъ—Тита-Ливія на простѣйшія части и въ возстано-

вленіи первоначальныхъ источниковъ его изложенія. Если Нибуру и не удалось прійти въ этомъ случаѣ къ конечнымъ результатамъ, то все-таки онъ показалъ, какъ должно разбирать источники и въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія. Историческая жизнь въ его мысли представлялась, какъ нѣчто органическое, независящее ни отъ случайностей, ни отъ руководителей. Выходя изъ экономическихъ и юридическихъ воззрѣній, онъ пришелъ къ заключенію, что народъ, создавшій такую послѣдовательную систему права, не могъ составиться изъ скопища негодныхъ бѣглецовъ разныхъ племенъ. Вмѣсто искусственно составившагося государства—онъ видѣлъ въ Римѣ естественный ростъ; вмѣсто бѣглецовъ—племя, далеко превосходившее по своему развитію племена окружающія. Въ первыхъ книгахъ Тита-Ливія онъ открылъ цѣлый героическій эпосъ, переложенный въ ораторскую прозу, а въ семи царяхъ, до тѣхъ поръ почитавшихся живыми,—коллективныя представленія цѣлыхъ эпохъ историческаго развитія.

Понятно, что могло привлекать Каченовскаго въ этой системѣ: естественность, чуждая идеализаціи, и духъ критики. Съ этой точки зрѣнія критика Шлецера должна была показаться ему уже *низшею*, а многое, принимаемое имъ, невѣроятнымъ.

Вотъ какъ разсказываетъ намъ Каченовскій объ этомъ моментѣ своего развитія. Въ 1828 г. (іюль) онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ статью молодаго ученаго о Русской Правдѣ, въ которой изслѣдователь видѣлъ весьма мудрые законы, свидѣтельствующіе о значительномъ развитіи общества, и допускалъ даже существованіе законовъ еще до Ярослава. Но Каченовскій ограничился тогда небольшимъ замѣчаніемъ о возможности и другаго взгляда, а въ 1829 г. сталъ печатать свой разборъ Русской Правды, въ предисловіи къ которому говоритъ: «Въ прошломъ году напечатана была въ семъ журналѣ статья подъ заглавіемъ: О Русской Правдѣ, и молодому автору ея въ тоже время отдана была должная справедливость. Между тѣмъ редакторъ не скрылъ собственныхъ сомнѣній по сему предмету; онъ рѣшительно объявилъ читателямъ, что въ разсужденіи Русской Правды, при новыхъ розысканіяхъ, ему представляются совершенно другіе виды. Приступаю къ исполненію обѣщанія сего..... Не довѣряя самому себѣ, *я долго искалъ подтвердительныхъ доводовъ въ правилахъ критики*, въ свидѣтельствахъ бытописаній, очищенныхъ ею, и въ самыхъ происшествіяхъ свѣта; не торопился пугать читателей повѣстью такого результата, который, при

своей исторической справедливости, *долженъ дать другой видъ первымъ столѣтіямъ нашей отечественной исторіи.* Впрочемъ *планъ мой* не тайна *для нѣкоторыхъ особъ, свѣдущихъ въ исторіи всеобщей и любящихъ истину безъ лицепріятія:* мнѣ нужно было знать мнѣнія постороннихъ. Теперь подвергаю *плодъ своихъ долговременныхъ соображеній* открытому суду ученыхъ, безпристрастныхъ цѣнителей; ибо *теперь* мнѣ необходимо нужно знать ихъ мнѣніе и воспользоваться ихъ совѣтами: безъ того не могу приступить къ изданію нѣкоторыхъ трудовъ, коими должно быть ознаменовано мое существованіе въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ профессора исторіи и статистики государства Россійскаго». (Вѣст. Евр. 1829, № 13—16, стр. 23 и 24).

Труды эти, извѣстные намъ, касаются вопросовъ: историческихъ, юридическихъ и экономическихъ.

Къ первому роду относятся статьи: a) о скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка русской исторіи и b) о баснословномъ времени въ россійской исторіи.

Ко второму—статьи о Русской Правдѣ.

Къ третьему—статьи о кожаныхъ деньгахъ.

Мы видѣли, что въ 1828 г. у Каченовскаго созрѣла уже мысль о необходимости перестройки исторіи по выводамъ Нибура; а въ 1830 г. одинъ изъ его слушателей помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы статью «о скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей исторіи», которая, по заявленію самаго Каченовскаго, была написана по его лекціямъ, читаннымъ года за два до того (см. Вѣст. Евр. 1830, № 17—20, стр. 33).

Вотъ основная идея этой статьи. «Каждое царство и каждый народъ, говоритъ составитель, до развитія силъ гражданскихъ, имѣютъ свой вѣкъ баснословный. Смотрите на первое появленіе всѣхъ государствъ, не говорю уже древнихъ, но окружающихъ рожденіе нашего отечества: увидите дѣтскую колыбель ихъ, лелѣемую разсказами о такихъ же басняхъ и невѣроятностяхъ, какъ и въ миѳахъ грековъ и римлянъ. Это естественно. Народъ полудикій, грубый, погруженный въ мрачное идолопоклонство, неозаренный никакимъ свѣтомъ знаній, подобно младенцу, довольствуется одними вымыслами, предразсудками своей невѣжественной сферы. Я не спорю, что, когда повѣствуете о началѣ государства, разсказъ долженъ заключать въ себѣ и что-нибудь истинное; но эта истина, среди безчисленныхъ невѣроятностей, порожденныхъ

миөологіей младенчествующаго ума, теряется изъ виду историка, *любителя истины.* Намъ скажутъ: что же дѣлать въ такомъ случаѣ, когда предъ нами отдаленная древность, закрытая непроницаемымъ мракомъ? Не должны-ли мы вѣрить всему—и самымъ баснямъ? Нѣтъ! пусть басня остается навсегда, чѣмъ она есть, а истина должна сіять, окруженная даже и мглою«. Для этого необходимо обращаться лишь къ *писателямъ безпристрастнымъ, современнымъ началу разсматриваемаго государства, и соображать происшествія съ духомъ времени, полагая въ основаніе возникающаго государства низшую степень гражданственности.* Иначе кто можетъ сообщить истину?—»словесное преданіе«? но »оно разскажетъ намъ нестройно и невнятно несбыточныя происшествія той-же миөологіи. Посему-то *осторожные писатели*, начиная свою исторію, по необходимости допускаютъ темный *баснословный* вѣкъ ея... Откуда-же начинать *достовѣрную* исторію государства?— На сѣверѣ она вездѣ появляется со времени принятія вѣры христіанской.... И наша достовѣрная исторія, безъ сомнѣнія также, должна явиться не прежде, какъ при Владимірѣ Великомъ, принявшемъ вѣру въ 988 г. Мы еще доселѣ не имѣемъ отдѣльнаго *миөологическаго вѣка* съ опредѣленными границами, у насъ все выдается за вѣрное, ясное, несомнительное, и... все безъ историческихъ доказательствъ! *Читайте Ломоносова, Татищева, Щербатова, Елагина: найдете въ нихъ вездѣ и обо всемъ разсказъ, повидимому точный, но нимало неотдѣляющій истины очевидной отъ невѣроятностей; читайте Карамзина, и вы найдете всѣ возможныя красоты правильнаго воображенія, живой, цвѣтущій слогъ, всюду вѣрную связь и порядокъ происшествій, даже всѣ ихъ подробности*, точно, какъ-бы при первомъ началѣ своемъ, государство наше явилось вдругъ уже просвѣщеннымъ и вѣрою, и грамотою, какъ-бы событія записываемы были очевидцемъ, когда не было еще ни письма, ни оффиціальныхъ извѣстій. Что виною сему? То, что историки, болѣе или менѣе почерпая для себя свѣдѣнія изъ нашихъ лѣтописей, появившихся не ранѣе XIV вѣка и *приписываемыхъ обыкновенно Нестору*, смотрѣли на нихъ безъ критическаго разбора, какъ на готовыя повѣствованія; не пугаясь ни прерывистыхъ, ни темныхъ сказаній, они представили все въ полнотѣ, въ ясномъ свѣтѣ и так. образ. изгнали баснословный мракъ изъ перваго вѣка нашей исторіи. *Но* мнѣ кажется, что самыя лѣтописи, при осторожномъ чтеніи ихъ и соображеніи, открываютъ намъ совсѣмъ другую сторону; что сами ука-

зываютъ на вѣкъ мифологическій, неясный и сомнительный. Такъ, *умъ критическій*, не смотря иногда на подробный разсказъ лѣтописей, немедленно замѣтитъ въ нихъ *сухость* происшествій, и, судя по противорѣчію одной лѣтописи съ другою, по продолжительнымъ перерывамъ и сбивчивости, или, что̀ всего важнѣе, по несообразности происшествій съ тѣмъ временемъ, къ которому они относятся, заключитъ еще и о *сомнительности* оныхъ происшествій въ первыя времена государства, и особенно въ первый вѣкъ его до принятія вѣры христіанской. Изъ сего оказывается необходимость допустить начало исторіи не совсѣмъ достовѣрное. Постараемся раскрыть это по системѣ нашихъ-же лѣтописей; покажемъ во-первыхъ *скудость происшествій*; во-вторыхъ *сомнительность* ихъ—до смерти Игоря«. (Вѣстн. Евр. 1830, № 13—16, стр. 161—166).

Шлецеръ поставилъ Нестора на пьедесталъ величія, признавъ его достовѣрнѣйшимъ изъ современныхъ ему лѣтописцевъ, и мы видѣли, что Каченовскій принималъ сначала Нестора, какъ создателя извѣстной лѣтописи, допустивъ лишь существованіе монастырскихъ записокъ до него Но теперь онъ съузилъ поле его дѣятельности до составителя монастырской лѣтописи, а появленіе цѣльнаго списка относитъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ (ib. 165), и потому подвергаетъ Нестора безпощадной критикѣ. Несторъ, подъ рукою Каченовскаго, испыталъ участь нибуровскаго Тита-Ливія.

Обратимся къ критикѣ лѣтописи по двумъ названнымъ положеніямъ.

*Скудость* лѣтописныхъ извѣстій очевидна: 1) Объ основаніи государства разные списки говорятъ иначе (изгн. варяг. 859 и 862; о посл. къ варяг. 861 и 862; о прибыт. князей 862 и 863 г.); 2) въ порядкѣ изложенія замѣтна запутанность, неравномѣрность событій съ временемъ, промежутки, излишнія извѣстія изъ визант. исторіи, очевидно заимствованныя, а потому и позднѣйшаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что хронологическая роспись князей доводится до Іоанна II, жившаго во-второй половинѣ XIV в. 3) изъ 33 лѣтъ правленія Олега описано только шесть; изъ ста первыхъ годовъ русской исторіи—русскія событія описаны всего въ 20 годахъ.

*Сомнительность* многихъ происшествій доказывается слѣдующими данными: 1) О пришествіи князей къ славянамъ и о походахъ ихъ на грековъ не упоминаетъ ни одинъ изъ современныхъ иностранныхъ

писателей, за исключеніемъ похода Игоря, упоминаемаго византійскими историками; 2) Несторъ, жившій въ XII в., не могъ такъ обстоятельно изложить походовъ и договоровъ русскихъ князей, такъ какъ о нихъ никто болѣе не говоритъ; 3) сбивчивость и противорѣчія разныхъ списковъ лѣтописей доказываютъ порчу текста; 4) изложеніе событій противорѣчитъ духу времени; 5) списки лѣтописи не восходятъ ранѣе XIV вѣка!

Отсюда слѣдуетъ рядъ скептическихъ заключеній: 1) »Шлецеръ предполагаетъ начало государства около самой половины столѣтія (850) —мы ничего неопредѣляемъ, а *только* показываемъ *сбивчивость* и *невѣрность* происшествій«; 2) »*только историку слѣпо вѣрующиму* въ лѣтописи и *безъ всякаго критическаго соображенія* Олегъ могъ показаться основателемъ величія Россіи, ибо онъ видитъ Россію явившуюся вдругъ на такой степени цивилизованнаго государства, какая уму критическому съ перваго взгляда покажется сущимъ анахронизмомъ относительно къ состоянію сѣвера въ IX и X вв. (Карамзинъ)! Судя по ходу времени, *наблюдая постепенное возрастаніе обществъ политическихъ*, въ духѣ благоговѣйной покорности къ священной истинѣ, мы не можемъ дать вѣры повѣствуемымъ намъ событіямъ«; 3) походы и договоры Олега и Игоря весьма сходны: »признакъ чего-то поддѣльнаго, вымышленнаго«; 4) въ IX и X вв. не могло быть у насъ торговли посредствомъ компаній, ибо ихъ не было тогда еще во всей Европѣ; 5) не могло быть у насъ городовъ въ смыслѣ civitas, съ правами привиллегій и торговли; такъ какъ подобные города являются въ сѣверной Европѣ только съ XII в.; 6) видѣнъ духъ демократическаго представительства въ словахъ пословъ, отправленныхъ для заключенія договоровъ въ Византію, что не соотвѣтствуетъ духу времени; такъ какъ даже въ Новгородѣ правленіе представляется монархическимъ; 7) въ IX в. у насъ не могло быть металлическихъ монетъ и счета на гривны; 8) до принятія христіанства мы не имѣли грамоты, а въ лѣт. сказано, что условія были написаны на двухъ хартіяхъ; 9) договоры составлены въ духѣ того времени, когда Новгородъ имѣлъ связи съ нѣмецкими торговыми городами, и самыя имена пословъ отзываются по нѣмецки. А такъ какъ у визант. писателей упоминается лишь объ одномъ несчастномъ походѣ Игоря, то слѣдуетъ допустить, что счастливые договоры Олега были составлены на основаніи существованія послѣдующаго, съ патріотическою цѣлью, въ эпоху славы Новгородской торговли и слабости Византійской имперіи.

Частности о походахъ приводятъ автора къ тѣмъ-же *сомнѣніямъ:* у Олега было 2000 кораб., которые онъ поставилъ подъ Константинополемъ на колеса; на каждомъ изъ кораблей было по 40 челов., а дань была взята по 12 грив. на человѣка, или на лодку, какъ говорятъ другіе. Уже Шлецеръ считалъ это баснею. Олегъ выговариваетъ дань и на многіе изъ городовъ, обитаемые купцами, которымъ предоставлялось имѣть свои серебряныя печати. Возможно-ли это? Промышленное движеніе въ Европѣ начинается съ крестовыхъ походовъ. Тогда появляются торговые города въ Ломбардіи, а потомъ возникаетъ ганзейскій союзъ на сѣверѣ Германіи. Его вліяніе распространилось по сѣверной Россіи: во Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ. Въ Новгородѣ является нѣмецкій дворъ. О немъ договариваются Новгородцы въ XIII в. съ Ярославомъ Ярославичемъ. Развѣ не противорѣчіе, что Игорь, совершивъ неудачный походъ на Константинополь, снова предпринимаетъ походъ и заключаетъ выгодныя условія, которыя составляютъ повтореніе Олеговыхъ. Но о первомъ походѣ его знаютъ—Ліутпрандъ и византійскіе лѣтописцы, а о второмъ они не говорятъ. Шлецерь замѣтилъ въ договорахъ непонятность и смѣшеніе статей, но приписываетъ это невѣжеству писцовъ и не рѣшаетъ вопроса положительно. Рѣшительный-же успѣхъ въ немъ можетъ быть, когда сличимъ договоры съ Русскою Правдою и договоромъ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ. Отсюда ясно, что договоры принадлежатъ къ позднѣйшему времени и составлены по указаннымъ образцамъ. Шлецеръ справедливо раздѣляетъ критику на низшую и высшую. Ему принадлежитъ начало; *но вѣкъ успѣшныхъ розысканій только начинается*, заключаетъ авторъ (Вѣст. Евр. 1830, № 17—20).

Статья »о баснословномъ времени въ Россійской исторіи« идетъ глубже: она касается самаго источника разсмотрѣнныхъ выше событій —такъ-называемой лѣтописи Нестора. (Уч. зап. Моск. унив. т. I). »Народы, говоритъ Каченовскій словами приведеннаго нами критика Нибура, любятъ освящать свое младенчество сверхъестественными происшествіями, божественными посредничествами, или даже одними лишь воспоминаніями о доблести и славѣ предковъ, которыми какъ-бы возвеличивается судьба отечества«. Но »преданія, прибавляетъ онъ, и самый древній и самый недостовѣрный источникъ исторіи.... При томъ же у младенчествующихъ народовъ преданія почти всегда облекаются въ поэтическія формы: поэзія едвали не первое искусство всякаго на-

рода. Индія не имѣетъ никакой исторіи, кромѣ поэмъ. Греція поставляетъ Гомера главою своихъ историковъ. Въ Германіи, во времена Тацита, воспѣвали еще Арминія. Барды галльскіе довольно извѣстны. Такимъ-же образомъ и пѣсни сѣвера передавались потомству въ поэзіи скальдовъ. Нужно-ли *въ наше время* говорить, сколь недостовѣрна исторія, основанная на подобныхъ преданіяхъ поэтическихъ?... Народъ тогда только обращаетъ на себя вниманіе современниковъ, когда достигаетъ извѣстной степени могущества, и силою оружія или другимъ какимъ-либо способомъ дастъ знать о своемъ существованіи; но и въ семъ случаѣ просвѣщенные свидѣтели, ему сопредѣльные, повѣствуютъ большею частью только о тѣхъ происшествіяхъ, кои имѣли на нихъ посредственное или непосредственное вліяніе. Что-же касается до происхожденія и первыхъ временъ бытія сего народа, лѣтописатели или узнаютъ о семъ изъ его же преданій, или сами составляютъ нелѣпыя понятія, сообразно различнымъ видамъ своимъ и отношеніямъ». Такъ Геродотъ разсказываетъ о дѣлахъ скиѳовъ за 1000 лѣтъ до похода на нихъ Дарія, и сколько ученыхъ ломали голову надъ его повѣствованіями, между тѣмъ они заимствованы изъ преданій, слышанныхъ историкомъ во время путешествія (изъ Шлецера). Примѣръ втораго рода — Іорнандъ, который, ненавидя Гунновъ за порабощеніе своей страны, выдумываетъ нелѣпую басню о происхожденіи ихъ отъ волшебницъ, изгнанныхъ изъ стана готскаго царя, и какихъ-то фауновъ. «Можно прибавить тысячу примѣровъ подобнаго рода, говоритъ авторъ, служащихъ подтвержденіемъ неважности и недостовѣрности внѣшнихъ несовременныхъ извѣстій о происхожденіи и первыхъ дѣяніяхъ какого-либо народа; но положеніе сіе столь очевидно, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, не требуетъ оно частныхъ доказательствъ». Очевидно, что начало исторіи каждаго народа слѣдуетъ отнести къ появленію письменныхъ памятниковъ; но эти послѣдніе требуютъ серьёзной критики: «человѣку всегда свойственно заблуждаться; но, кромѣ непроизвольныхъ погрѣшностей, какъ часто современники *умышленно* измѣняютъ истину событій! *Страсти всегда управляли и управляютъ людьми:* печать ихъ лежитъ на всѣхъ произведеніяхъ рукъ и ума человѣческаго».

Обращаясь къ разбору основнаго памятника древнѣйшей русской исторіи, Каченовскій уже является рѣшительнымъ противникомъ Шлецера, отвергая принятаго имъ Нестора и окончательно разсѣкая узелъ недоумѣній — крайнимъ сомнѣніемъ въ возможности подобнаго

памятника. Само собою разумѣется, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается и отъ собственныхъ мнѣній о Несторѣ, высказанныхъ имъ прежде. Тамъ онъ допускалъ, въ слѣдъ за Шлецеромъ, что Несторъ пользовался въ своемъ повѣствованіи монастырскими записками; здѣсь онъ говоритъ уже о Несторѣ не болѣе, какъ о возможномъ авторѣ одной изъ такихъ записокъ. Онъ удивляется, какъ могли ошибаться даже *величайшіе знатоки исторической критики*, основываясь на ничтожныхъ показаніяхъ, и полагаетъ, что »лучше допустить вѣроятное, нежели вѣрить невозможному« (стр. 283).

Въ своемъ разсужденіи Каченовскій ставитъ два вопроса: *имѣетъ-ли русская исторія баснословный періодъ? и всѣ-ли происшествія, сообщаемыя нашими лѣтописцами и иностранными писателями, достовѣрны?*

Главнѣйшимъ источникомъ древней русской исторіи считаются отечественныя лѣтописи. Въ какомъ-же онѣ видѣ? Древнѣйшіе подлинники до насъ не дошли, а существуютъ у насъ списки не ранѣе XIV вѣка, которые не могутъ имѣть особеннаго значенія относительно древнѣйшихъ событій. Полагаютъ однако, что начало нашихъ лѣтописей слѣдуетъ отнести къ XI вѣку, а первымъ лѣтописцемъ называютъ Нестора. Но Каченовскій несогласенъ принять это въ такомъ видѣ безъ критическаго изслѣдованія.

Онъ обращается предварительно къ тѣмъ источникамъ, на которыхъ основывается это заключеніе.

Дѣйствительно, въ заглавіи Печерскаго Патерика, Несторъ, пришедшій въ монастырь къ Θеодосію около 1073 г., названъ лѣтописцемъ. Но въ предисловіи сказано, что подлинникъ Патерика затерянъ во время военныхъ смятеній, а за остатки мы обязаны Симону, епископу владимірскому, жившему въ XII вѣкѣ, о Несторѣ-же, которому приписывается это сочиненіе, говорится уже въ третьемъ лицѣ. Лѣтописецъ Несторъ дѣйствительно былъ, но отсюда не слѣдуетъ, что сборники, дошедшіе до насъ, принадлежатъ ему. Однако въ нѣкоторыхъ спискахъ имя Нестора стоитъ въ заглавіи лѣтописныхъ сборниковъ (въ Раскольничемъ и Голицинскомъ); но оно встрѣчается далеко не на всѣхъ и притомъ не на лучшихъ изъ нихъ.

Далѣе, защитники Нестора опираются на два мѣста, заслуживающихъ вниманія. Первое—подъ 1051 г., гдѣ лѣтописецъ упоминаетъ о своемъ приходѣ въ Печерскій монастырь; второе—подъ 1090 г., гдѣ

онъ является дѣйствующимъ лицомъ при открытіи мощей Ѳеодосія. Не отрицая, что эти мѣста могли принадлежать Нестору, Каченовскій считаетъ ихъ вставками; такъ какъ они находятся не во всѣхъ спискахъ лѣтописи и не имѣютъ связи съ предъидущими и послѣдующими повѣствованіями; при томъ, второе изъ нихъ, въ иныхъ спискахъ, предложено въ сокращеніи, въ другихъ подробно. Мы не имѣемъ списковъ древнѣе XIV вѣка и эти во многомъ разногласны между собою, а потому Каченовскій согласенъ съ мнѣніемъ Эверса, что нѣтъ возможности возстановить настоящаго Нестора, какъ желалъ того Шлецеръ. Тѣ же мѣста, гдѣ встрѣчаются сказанія съ именемъ Нестора или въ первомъ лицѣ, онъ признаетъ взятыми изъ монастырскихъ записокъ, а однимъ изъ нихъ авторовъ--Нестора. Даже открытіе настоящей лѣтописи Нестора, по его мнѣнію, могло-бы привести только къ подобному разочарованію въ высокомъ достоинствѣ древнѣйшей лѣтописи.

Разсматривая обстоятельства, въ которыхъ могъ образоваться лѣтописецъ XI в., предложенныя Шлецеромъ, Каченовскій замѣчаетъ: »Здѣсь, не оскорбляя памяти величайшаго знатока исторической критики, осмѣлимся замѣтить, что онъ съ излишнею довѣренностью, и, хотя похвальнымъ, но не всегда благопріятнымъ для изслѣдованій энтузіазмомъ, смотрѣлъ на наши лѣтописи«. Онъ пользовался доказательствами изъ той лѣтописи, достовѣрность которой не была предварительно доказана. Онъ полагалъ, что лѣтописецъ могъ пользоваться византійскими источниками; но въ то время книги на Руси были рѣдки, а сходство съ византійскими лѣтописцами доказываетъ именно позднѣйшее происхожденіе лѣтописнаго сборника. Въ немъ исчисляются народы, которые не могли быть извѣстны писателю XI в.; встрѣчаются названія и понятія, чуждыя времени (гость, вира, нѣмецъ), но занесенныя черезъ Новгородъ съ Балтійскаго поморья, слѣд. позднѣе. Въ общемъ изложеніи, лѣтопись представляется сбивчивою; многія событія описаны по два и по три раза и притомъ различно; наконецъ лѣтосчисленіе невѣрно.

Если-же обратиться къ вопросу, какимъ образомъ достались позднѣйшему лѣтописцу древнѣйшія извѣстія, то прійдется признать, что главнымъ основаніемъ служили *преданія*, на которыя нельзя полагаться. Такъ говорятъ и другіе бытописатели. Они сознаются въ невѣрности извѣстій о прошедшемъ (Кадлубекъ), и своими источниками называютъ *молву* (Длугошъ), »баснословные разсказы стариковъ« (Козьма), пѣсни

бродягъ и басни простаго народа (Канц. Белы). »Такъ и мы должны сознаться, заключаетъ Каченовскій, что въ лѣтописяхъ нашихъ *много баснословнаго*, должны, хотя съ прискорбіемъ, согласиться, что *древняя наша исторія недостовѣрна*..... Шлецеръ оказалъ намъ великую услугу, обративъ ученое вниманіе на наши временники; *но высшая критика сихъ временниковъ начинается только въ наше время*« (см. Учен. зап. Моск. универ. I, 278—298).

Все это даетъ право Каченовскому заключить только, что монастырскія записки XI и XII вв. существовали, хотя это не уничтожаетъ понятія о недостовѣрности древней русской исторіи. »Что значитъ лѣтопись, составленная изъ записокъ, въ коихъ сообщались извѣстія о смерти современныхъ князей, митрополитовъ, о знаменіяхъ, чудесахъ и церковныхъ происшествіяхъ? Ясно, что воображенію позднѣйшихъ сборниковъ оставалось еще много работы« (ib. 295). Однимъ изъ такихъ составителей монастырскихъ записокъ авторъ допускаетъ быть и Нестору, которому онъ приписываетъ повѣствованіе лѣтописи о тогдашнихъ событіяхъ въ означенныхъ предѣлахъ и замѣчанія о Печерскомъ монастырѣ, а возражая Шлецеру на его названіе Нестора единственнымъ настоящимъ лѣтописцемъ, прибавляетъ: »незнаю можно-ли будетъ тогда назвать его лѣтописцемъ—въ томъ смыслѣ, въ какомъ до-нынѣ его почитаемъ« (298).

Далѣе, Каченовскій разсматриваетъ, на сколько говорятъ въ пользу извѣстій лѣтописи—современныя извѣстія иностранныхъ писателей. А они говорятъ очень мало: 1) византійскіе писатели ограничиваются лишь отношеніями русскихъ къ грекамъ, извѣстія о чемъ весьма отрывочны,—отъ половины-же XI в. до половины XII в. и совсѣмъ нѣтъ ихъ. Кромѣ того, эти извѣстія относятся къ руссамъ черноморскимъ, которыхъ авторъ отличаетъ отъ сѣверныхъ, въ слѣдъ за Эверсомъ и Шлецеромъ; 2) извѣстія арабскихъ писателей относятся исключительно къ черноморскимъ руссамъ, при томъ они не освѣщены до сихъ поръ надлежащею критикою и потому заключаютъ въ себѣ много баснословнаго; 3) западные лѣтописцы упоминаютъ лишь о нѣсколькихъ фактахъ (именно: о походѣ Игоря на Константинополь, о посольствѣ Ольги къ Оттону, о союзѣ Ярослава I съ императоромъ Генрихомъ II, о побѣгѣ Изяслава въ Германію); лѣтописи польскія—позднѣйшія и въ нихъ признано много баснословнаго, а объ исландскихъ сказкахъ нечего и говорить.

»Мало утѣшаютъ насъ лѣтописи современниковъ, заключаетъ Каченовскій, мало дополняютъ онѣ отечественныя извѣстія; еще менѣе объясняютъ ихъ. И такъ имѣемъ-ли мы право произнести приговоръ древней нашей исторіи? имѣемъ-ли право сказать, что въ ней много баснословнаго, что она недостовѣрна? Да, къ сожалѣнію! Но нѣтъ-ли у насъ надежды по крайней мѣрѣ приблизиться къ истинѣ?—это другой вопросъ«. Для этого онъ рекомендуетъ сравнительное изученіе древней русской исторіи съ исторіею славянъ, соразмѣрять ея событія съ общимъ уровнемъ европейской образованности, а прежде всего критически оцѣнить существующія извѣстія. При этомъ Каченовскій высказываетъ замѣчательную мысль о происхожденіи сѣверныхъ славянъ (новгород.) отъ балтійскихъ, отчего у нихъ замѣчается болѣе развитый общественный и религіозный бытъ. Потому что ни естественныя, ни политическія условія не благопріятствуютъ допустить странствованіе новгородскихъ славянъ съ Дуная, изъ мѣстъ болѣе удобныхъ на дальній сѣверъ, черезъ лѣса, пустыни и болота.

За тѣмъ Каченовскій задаетъ вопросъ: можно-ли ожидать для науки благодѣтельныхъ результатовъ, допустивъ *баснословный періодъ* въ русской исторіи, и рѣшаетъ его положительно. »О, конечно! восклицаетъ онъ. Принявъ мнѣніе о позднемъ составленіи и недостовѣрности нашихъ лѣтописей, мы не повторяли-бы странныхъ вымысловъ: не водили-бы славянъ отъ Дуная къ Новгороду, чрезъ непроходимые лѣса и болота, а поискали-бы пути ближайшаго и болѣе естественнаго; не баснословили-бы о началѣ государства; не приписывали-бы предкамъ нашимъ небывалыхъ тріумфовъ и не выводили-бы пустыхъ слѣдствій изъ договоровъ несбыточныхъ; не философствовали-бы о политическихъ видахъ Ольги и Святослава; не рисовали-бы арабесковъ, представляющихъ будто-бы картину древней Россіи въ географическомъ, общественномъ и нравственномъ отношеніяхъ (о коихъ мы не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій); не составляли-бы ложныхъ понятій *о древнемъ* могуществѣ, богатствѣ и славѣ любезнаго нашего отечества и не растягивали-бы безъ нужды границъ его, зная, что это не увеличитъ истинной славы его *въ настоящее* время; соблюли-бы историческую перспективу, *соблюли-бы истину*.... Древняя исторія наша вмѣсто *тяжелыхъ волюмовъ*, едва занимала-бы сотни двѣ страницъ: но сіи страницы были-бы драгоцѣнны и не утомительны для просвѣщенныхъ любителей науки, ибо въ нихъ не вошло-бы многое—многое, о чемъ такъ прилежно писали,

пишутъ и, можетъ быть, еще долго будутъ писать наши историки« (ibid. 674—685). Въ этихъ слогахъ высказался упрекъ и творенію Карамзина.

И такъ, въ очеркѣ политическаго быта древнѣйшей Россіи, Каченовскій пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ и, создавъ баснословный періодъ, на основаніи разрушенія главнаго источника его—древней лѣтописи, тѣмъ самымъ разорвалъ прежнюю связь съ Шлецеромъ и примкнулъ непосредственно къ последователямъ Нибура. Къ такимъ-же отрицательнымъ результатамъ привели Каченовскаго его изслѣдованія въ области юридическаго и экономическаго быта древнѣйшей Россіи.

---

## IV.

До Каченовскаго на Русскую Правду существовало воззрѣніе, что это цѣльный памятникъ временъ Ярослава, свидѣтельствующій о раннемъ развитіи русскихъ славянъ. »Уставъ Ярослава, говоритъ Карамзинъ, содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразно съ тогдашними правами... Еще въ Олегово время россіяне имѣли законы; но Ярославъ первый издалъ законы письменные на языкѣ славянскомъ. Они *конечно* были *государственными* или общими, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя или мѣстныя учрежденія. Сей остатокъ древности, подобный двѣнадцати дскамъ Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи« (II, 37, 26). Мнѣніе Карамзина, въ глазахъ многихъ сдѣлалось неопровергаемымъ положеніемъ. Но, »*если* справедливо, такъ составлялись дальнѣйшія заключенія, что въ законахъ, какъ въ зеркалѣ отражается степень образованности того народа, для котораго они написаны, то слѣдуетъ заключить, что наши предки были *не грубые варвары*, но народъ, достигшій уже *той степени*, на которой человѣкъ наслаждается *въ полной мѣрѣ* своимъ физическимъ и нравственнымъ существованіемъ; когда сердце его, *незараженное* пороками, открыто для принятія ощущеній *всего*

*прекраснаго* въ природѣ; когда онъ, слѣдуя впечатлѣніямъ ея, стремится *съ жаромъ* къ совершенству и, не умствуя о добродѣтели, исполняеть предписанія ея въ простотѣ невиннаго и *чистаго* сердца: въ это-то время бываетъ человѣкъ способенъ къ произведенію *великихъ дѣяній* и подвиговъ, коимъ удивляемся мы въ исторіи древнихъ—греческой и римской, и *на сей степени образованности* находился народъ русскій во время Ярослава, коего законы уподобляются, въ краткости, силѣ и правотѣ, законамъ Ликурга и Солона,—и въ суровости, или даже въ несоразмѣрности наказаній съ преступленіями, законамъ свободныхъ и *великодушныхъ* Римлянъ, законамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ уложенія XII таблицъ« (Вѣстн. Евр. 1828, № 13—16, стр. 98—99).

Но Каченовскій не могъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ и, помѣщая статью автора, которому принадлежатъ эти выводы, въ своемъ журналѣ, пообѣщалъ представить свой взглядъ на разсматриваемый памятникъ. Audiatur et altera pars, говоритъ онъ въ своемъ замѣчаніи (стр. 81), а въ 1829 году выступилъ съ »своимъ взглядомъ« на этотъ памятникъ.

»Очень понимаю, говоритъ онъ, на что отваживается изслѣдователь, дерзающій отвергать положеніе, принятое всѣми за истину очевидную, несомнительную, нетребующую никакихъ доказательствъ, неуязвленную никакими стрѣлами опроверженій, за истину запечатлѣнную довѣріемъ Татищева, Шлецера, князя Щербатова, Болтина, Карамзина, Раковецкаго, Эверса, скажу болѣе, за истину, освященную благороднымъ патріотизмомъ соотечественниковъ, гордящихся величественною мыслію, что Россія во времена столь отдаленныя уже имѣла систему своихъ писанныхъ законовъ. Можетъ быть, навлеку на себя тучу возраженій; но я самъ нетерпѣливо буду ждать оныхъ.... Вопреки собственной увѣренности, разсѣвать плевелы лжей передъ юношествомъ, алчущимъ живительной пищи историческихъ знаній, было-бы стыдно и грѣшно преподавателю. Цицеронъ упоминаетъ о двухъ непреложныхъ законахъ для исторіи: 1) не смѣть говорить ничего ложнаго; 2) смѣло предлагать истинное (De Orat. II, 15). Обращаясь къ знатокамъ и ко всѣмъ читателямъ, я предваряю ихъ, что въ трактатѣ моемъ никакое *предположеніе*, никакая *догадка* не будутъ приняты за основную истину; никакой *авторитетъ*, а тѣмъ болѣе еще подозрительный и безъ доказательствъ, не будетъ имѣть мѣста въ сихъ розысканіяхъ....

»Правда Русская пребыла безвѣстною, доколѣ въ имперіи Петра В. не стали дышать воздухомъ образованности европейской«.

Упомянувъ объ открытіи ея Татищевымъ, о похвалахъ ей Шлецера, о разныхъ спискахъ ея, о имени Ярослава Владиміровича, стоящаго въ ея заглавіи, о помѣщеніи ея въ лѣтописи въ дѣлахъ Ярослава I— Каченовскій восклицаетъ: »И такъ Правда Русская *существуетъ*. Ею руководствовался *Карамзинъ*, при описаніи обычаевъ русскаго народа въ XI вѣкѣ... Подвергнемъ-же источникъ сей критическому испытанію; сдѣлаемъ, чего *до нынѣ* не было сдѣлано съ Правдою Русскою; разсмотримъ справедливо-ли относятъ ее къ XI в., дѣйствительно-ли творцемъ ея былъ Ярославъ I, сынъ Владиміра В., наконецъ была-ли она закономъ въ Россіи, могла-ли быть имъ и съ котораго времени«.

Подлинность древняго документа, замѣчаетъ Каченовскій, доказывается средствами *дипломатики*. Она обращаетъ вниманіе на матеріалъ письма, на языкъ, на отличительные признаки документа, на время и мѣсто его происхожденія. Но »Правда Русская не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ съ оффиціальными признаками достовѣрности«. Древнѣйшій списокъ ея относится къ XIII вѣку, а слѣдовательно, передъ строгою критикою дипломатики, Русская Правда особенной важности не имѣетъ.

Далѣе, Русская Правда написана вскорѣ по смерти Владиміра св. Но это не вѣроятно, когда письменность только-что появилась. На западѣ, гдѣ письменность давно уже была извѣстна, подобные памятники являются гораздо позже. Въ Богеміи христіанская вѣра утвердилась въ IX вѣкѣ, а отечественное законодательство является тамъ не ранѣе XIII вѣка. Въ латинскихъ подлинникахъ, напр. грамотѣ Оттокара (1225), и въ кодексѣ древнѣйшаго земскаго права (1227) едва нашли нѣсколько чешскихъ словъ. Польскіе памятники на отечественномъ языкѣ являются не ранѣе XIV вѣка. До начала XI вѣка весь сѣверъ находился въ такомъ положеніи, которое неблагопріятствуетъ ни письменности, ни законодательству. Даже сѣверная Германія незнала еще постоянныхъ законовъ, а для зерцалъ саксонскихъ еще не настало время. Все это заставляетъ Каченовскаго сомнѣваться въ возможности происхожденія Русской Правды при Ярославѣ I.

Сѣверъ Европы начинаетъ приходить въ движеніе, когда города южной и средней Европы, проникнувъ промышленнымъ духомъ, стали

составлять торговые союзы. Это случилось послѣ крестовыхъ походовъ, т. е. въ XII в., когда города, въ интересахъ торговли, стали заботиться о своихъ муниципальныхъ правахъ и успѣли пріобрѣсть ихъ—одни за деньги, другіе—вступивъ въ борьбу съ императорами и князьями. Движеніе городовъ въ западной Европѣ разсмотрѣно Каченовскимъ въ подробности. Это движеніе коснулось и сѣверныхъ городовъ. Такъ возникли *магдебургское и любское право.* Въ XIII вѣкѣ любское право было распространено на Ригу и Конъбергъ. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ (1228) Каченовскій видитъ вліяніе того-же торговаго духа на русскіе города. Но вступленіе Новгорода въ ганзейскій союзъ совершило громадный переворотъ въ судьбѣ сѣверныхъ славянъ: оно пробудило въ Новгородѣ то промышленное и политическое движеніе, которымъ обязанъ былъ онъ своимъ величіемъ. До возникновенія городовъ въ Помераніи, Ливоніи и Пруссіи Каченовскій не находитъ возможности признать существованія обширныхъ торговыхъ связей Новгорода, окруженнаго дикими финнами.—Но позднѣйшія изслѣдованія приводятъ къ заключенію о значительной торговлѣ, существовавшей въ то время между Новгородомъ и восточною Европою и даже восточными народами.

Послѣ этого историческаго обозрѣнія, Каченовскій обращается къ толкованію Русской Правды. Названія: убійцы *головникомъ;* убійства—*головничествомъ* приводятъ его къ мысли о заимствованіи этихъ названій изъ латинскаго: caput, capitale, чего не могло быть до появленія этихъ понятій у сосѣднихъ германцевъ. *Вира* есть германское *Wehrgeld;* мытникъ — *Mauthner* (собиратель пошлины); *смердъ* — *smurt* (mors), какъ назывались прибалтійскіе славяне, лишенные свободы, послѣ завоеванія ихъ Львомъ Саксонскимъ (отсюда мертвыя грамоты, крѣпостныя грамоты на смердовъ во Псковѣ [1]); *тіунъ*—*Tunginus* Дюканжа и Салическихъ франковъ (Tyenangs у вендовъ). Эти названія могли зайти въ Новгородъ не иначе, какъ черезъ нѣмцевъ, слѣд. не въ XI вѣкѣ. Счетъ *гривнами* (нѣмецкія марки) появился въ Европѣ не ранѣе XII в., а между тѣмъ въ Русской Правдѣ налагаются большія

---

[1]) »Коренныхъ буквъ *смерда*, прибавляетъ Каченовскій, должно искать въ понятіи о гражданской и политической смерти, а отнюдь не въ зловоніи, какъ намъ было толковано« (Карамзинъ, II, пр. 67).

взысканія гривнами серебра, когда и самой торговли еще не было въ Новгородѣ. Равнымъ образомъ тогда не могло быть *гостей*, какъ торговаго класса; не менѣе замѣчательны постановленія о *ростахъ и долгахъ*. Назначеніе *сыра* на продовольствіе вирнику противорѣчитъ запрещенію его употребленія въ постные дни, уже существовавшему при Ярославѣ I.

»Довольно свидѣтельствъ отрицательныхъ, говоритъ Каченовскій, ясныхъ для любителя исторіи. Знатокъ найдетъ ихъ болѣе. Но къ чему послужили-бы они? Къ уничтоженію Правды Русской? Да не будетъ! Нѣтъ, мы постараемся отыскать источники законовъ сихъ, принадлежащихъ намъ уже и по *праву давности*. Отыскавъ образцы, можетъ быть найдемъ и Ярослава Владиміровича или другаго Ярослава Великаго; обличимъ переписчиковъ въ ихъ винахъ, умышленныхъ или неумышленныхъ; покажемъ, что Правда Русская есть *произведеніе другихъ людей и другаго вѣка*«. (Вѣст. Европы, 1829, № 13—16).

Между тѣмъ, въ слѣдъ за статьею Каченовскаго о Русской Правдѣ, въ Вѣстникѣ Европы появились двѣ статьи, посвященныя вопросамъ средневѣковой исторіи. Одна изъ нихъ озаглавлена: »О правленіи и законахъ германцевъ«; другая: »О феодальной системѣ въ Европѣ«. Въ первой неизвѣстный авторъ слѣдитъ за распространеніемъ германскаго права въ средніе вѣка и отмѣчаетъ параллельныя постановленія въ разныхъ законодательствахъ, при чемъ постоянно приводитъ статьи изъ Русской Правды. Каченовскій, предлагая читателямъ эту статью, говоритъ: »Отрывокъ сей изъ особаго сочиненія имѣю честь рекомендовать тѣмъ особамъ, которыя любопытствуютъ знать *»правду о Русской Правдѣ«* (1829, № 19, октябрь, стр. 161). Въ примѣчаніи же ко второй статьѣ Каченовскій говоритъ: »Это было написано однимъ изъ молодыхъ согражданъ здѣшняго университета вслѣдствіе бесѣдъ моихъ съ ними о Русской Правдѣ, о которой нельзя имѣть надлежащаго понятія, если она будетъ разсматриваема отдѣльно отъ хода происшествій въ Европѣ. *Законы германскихъ народовъ, феодальная система Европы, крестовые походы* съ послѣдствіями своими — *вотъ гдѣ источникъ Правды Русской* (ib., стр. 183).

Каченовскій не представлялъ себѣ Россіи особеннымъ, замкнутымъ въ себѣ, государствомъ. Онъ понималъ ея исторію только въ связи съ всеобщею. Вотъ почему онъ чуждъ былъ всякой предвзятой идеализа-

ціи и вотъ почему онъ скорѣе допускалъ постороннее вліяніе на ея бытъ, нежели соглашался съ выводами, дѣлаемыми помимо общеисторическаго развитія. Въ слѣдъ за Нибуромъ, онъ былъ защитникомъ *естественнаго роста* того или другаго общества. И Россія не должна была составлять въ этомъ случаѣ исключенія. Если такое натягиваніе подъ одну рамку могло иногда привести къ невѣрнымъ заключеніямъ, то, съ другой стороны, оно заставляетъ уважать въ Каченовскомъ защитника *чистой науки*, которая, по его собственнымъ словамъ, есть самая истина. Въ такомъ пониманіи дѣла частнымъ симпатіямъ не было мѣста. Обратимся къ дальнѣйшимъ выводамъ его трактата о Русской Правдѣ. Они находятся въ его разсужденіи о Русской Правдѣ, помѣщенномъ въ Учен. зап. Моск. университета (томы IX и X).

Эта статья представляетъ подробное развитіе тѣхъ частностей, которыя были поставлены авторомъ въ его »взглядѣ«. Здѣсь авторъ занимается объясненіемъ тѣхъ терминовъ, какіе встрѣчаются въ Русской Правдѣ. Впрочемъ мы не станемъ слѣдить за этими подробностями, такъ какъ онѣ повели-бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что эта статья представляетъ фактическія подтвержденія прежнихъ положеній, при чемъ авторъ заявляетъ себя противникомъ всякихъ »патріотическихъ натяжекъ« (т. IX, стр. 388). Въ заключеніе же, разбирая значеніе слова »словенинъ«, употребляемаго Русскою Правдою, онъ считаетъ нужнымъ прежде всего замѣтить, что »искать корня этого имени въ *слововъ* или *славъ*—дѣло совершенно безполезное для науки«. »Этимологія, говоритъ онъ, нѣкогда любимый конекъ разыскателей, теперь употребляется уже не для удовлетворенія *пустаго любопытства*, а въ случаяхъ существенной потребности« (X, 12). Его болѣе интересуетъ вопросъ: »откуда пришли славяне къ берегамъ Волхова«? Сличая спеціальное названіе, сохранившееся за новгородскими славянами—слявинъ, какъ племенное, которымъ также назывались всѣ славяне, жившіе по Балтійскому морю, культъ Перуна общій тѣмъ и другимъ; ставя названіе Новгорода, какъ колоніи, въ отношеніе къ Старгороду балтійскому, какъ митрополіи, находя въ имени Ростова нѣчто, напоминающе о Ростокѣ мекленбургскомъ, указывая на Адама Бременскаго (XI в.), который распространяетъ названіе Вильцевъ даже до Кареліи, слѣдовательно признаетъ всѣхъ этихъ славянъ за одно, Каченовскій приходитъ къ тому-же заключенію. Смердъ (рабъ), нѣнязь, губа—названія нѣмецкія, перешедшія къ балтійскимъ славянамъ а отъ

нихъ уже къ новгородскимъ. Шумныя вѣча новгородцевъ слишкомъ напоминаютъ народныя собранія балтійскихъ славянъ. Вотъ откуда выводитъ Каченовскій образованность сѣверныхъ славянъ, населявшихъ Новгородскую область. Понятно, что эта образованность не могла явиться ранѣе образованности ихъ сосѣдей —балтійцевъ, гдѣ она развилась позднѣе средней и южной Европы. Торговые союзы образуются на сѣверѣ въ XII в. и постепенно распространяются къ востоку. Въ ихъ систему входятъ: Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ торговое вліяніе распространяетъ тамъ экономическія и юридическія понятія. Къ этой эпохѣ и относится Русская Правда. Но невозможность приписать, при такомъ условіи, Русскую Правду Ярославу I (половины XI вѣка), и признаніе названія Руси за одною южною Русью, въ силу извѣстной теоріи, выводившей ее съ юга, а не съ сѣвера (въ Русской же Правдѣ упоминается о Русинѣ), побуждали Каченовскаго отнести Русскую Правду къ южной Руси, а совпаденіе имени Ярослава съ Ярославомъ Владиміровичемъ галицкимъ (XII в.) указывало Каченовскому на возможнаго ея творца. Но подобное, чисто теоретическое заключеніе, могло привести только къ произвольнымъ выводамъ, и потому вѣроятно Каченовскій не рѣшился довести своего труда до конца.

Если къ такимъ результатамъ приводитъ изученіе юридическихъ отношеній древнѣйшаго періода русской исторіи, то еще болѣе къ нимъ должны привести экономическія отношенія, болѣе сложныя и указывающія на болѣе развитый быть. Каждый вопросъ, поставленный на видъ Каченовскимъ, вызывалъ у него предварительно печальныя размышленія о состояніи его въ наукѣ. Вотъ къ какимъ размышленіямъ приходитъ онъ по поводу вопроса о денежной системѣ въ древней Руси (Вѣст. Евр. 1828, № 13, іюль).

»Никто не въ правѣ упрекать насъ въ равнодушіи къ отечественной исторіи: мы писали до Шлецера, писали и пишемъ послѣ Шлецера. Въ свидѣтельство трудолюбія нашего можно указать на двѣ сотни или едва ли не больше томовъ, если не забудемъ выставить на показъ и тяжеловѣсную исторію о Россійской торговлѣ, и Дѣянія Петра Вел., съ принадлежащими къ нимъ Дополненіями. Но мы ограничимся исторіями государства. Ученый обозрѣватель трудовъ нашихъ, предувѣдомленный, что мы не имѣемъ еще *полной*, критически написанной исторіи, которая была бы доведена до нашего времени, безъ сомнѣнія за-

хочетъ узнать по крайней мѣрѣ: *до какой именно эпохи обработана исторія* наша? Какъ велики успѣхи наши въ критикѣ историческои?....

»Какой дадимъ отвѣтъ судьѣ неумытному? Шлецеръ познакомилъ насъ съ *низшею*, какъ онъ называетъ, критикою, заохотилъ рыться въ лѣтописяхъ, пріучилъ не все, находящееся въ нихъ, принимать за событія историческія, но онъ-же утвердилъ насъ и въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ. Доказать весьма нетрудно, что извѣстія баснословныя мы съ важностью передаемъ своимъ читателямъ; извѣстія ничтожныя о происшествіяхъ, неимѣющихъ связи ни съ предъидущимъ, ни съ последующимъ, охотно повторяемъ въ своихъ *исторіяхъ*; иногда слѣпо вѣримъ хартіямъ *четырнадцатаго* вѣка, даже гораздо позднѣйшимъ, симъ хранилищамъ современныхъ вымысловъ, и, основываясь единственно на ихъ свидѣтельствѣ, разсказываемъ о важныхъ и неважныхъ, ничѣмъ другимъ неподкрепляемыхъ, событіяхъ вѣка двѣнадцатаго и даже одиннадцатаго, даже десятаго и девятаго.

»Ни по чему не видно, чтобы дипломатика считалась у насъ пособіемъ необходимымъ для отличія подложныхъ документовъ отъ достовѣрныхъ: извѣстный Владиміровъ Уставъ называемъ подложнымъ (Карамзинъ, I) и тому-же Уставу приписываемъ достовѣрность (Карамзинъ же, т. II). Другой Уставъ будто-бы Святослава новгородскаго, гдѣ куны считаются на *сорочки*, подобно мѣхамъ, и вмѣстѣ на *гривны*, подобно монетѣ, безпрекословно принимаемъ за документъ, принадлежащій къ исторіи первой половины XII в. (Карамзинъ же). Скандинавія IX, X, XI вв., еще сокрытая во мглѣ темныхъ преданій, служитъ для насъ сокровищницею происшествій историческихъ, удивительныхъ своими подробностями, служитъ колыбелью законодательства нашего, а позднія сказанія баснописцевъ исландскихъ, заимствовавшихъ многія идеи отъ франковъ и саксовъ, мы принимаемъ въ рядъ источниковъ нашей исторіи.... Нумизматика наша не безмолствовала: что однако-же сдѣлала она полезнаго для истины съ младенческою неопытностью своею? Высыпала тучу *кожаныхъ лоскутьевъ*, омрачила ими атмосферу исторіи и закрыла нѣкоторыя свѣтлыя точки въ письменныхъ памятникахъ нашихъ« (статья о бѣльихъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ).

Своимъ авторитетомъ Карамзинъ утвердилъ мнѣніе, что кожаныя деньги имѣли характеръ ассигнацій, промѣниваемыхъ въ казнѣ на шкуры животныхъ, и были введены для удобнаго употребленія (I, стр.

150). Говоря-же объ измѣненіи монеты въ XV в., онъ прибавляетъ: »Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или куны, древнія наши ассигнаціи, бывшія не менѣе пятисотъ лѣтъ въ обращеніи и весьма полезныя для успѣховъ промышленности за недостаткомъ въ металлахъ« (V, 233).

Каченовскій посмотрѣлъ иначе на этотъ вопросъ, выходя изъ той-же основной точки зрѣнія—о несовершенствѣ тогдашняго общественнаго строя, для котораго онъ не считалъ возможнымъ допустить представленія о болѣе совершенной формѣ экономическихъ отношеній, и потому избралъ простѣйшее толкованіе.

По вопросу о деньгахъ древней Руси Каченовскій написалъ нѣсколько статей въ Вѣстн. Евр. (1827 и 1828 г.) и Учен. зап. Моск. унив. (кн. VII и VIII). Разсматривая монетную систему среднихъ вѣковъ, онъ приходитъ къ заключенію, что наши монетныя выраженія: *бѣль, бѣлки* не означаютъ животныхъ, а равняются: *albi, blancs*—бѣлое серебро, серебряныя монеты. *Лобки* не суть *лбы*, а любскіе пфенниги, распространившіеся въ слѣдствіе торговли изъ Любека. Онъ удивляется, какъ Карамзинъ и даже такой критикъ, какъ Шлецеръ, могли въ мордкахъ видѣть морды животныхъ. Въ этомъ названіи онъ находитъ соотвѣтствіе caput, выражающему и голову, и животнаго, а слѣдовательно и мордка значила и голову, и животнаго вообще. По мнѣнію Каченовскаго было два періода въ русской монетной системѣ: 1) когда употреблялись въ мѣновой торговлѣ мѣха; 2) когда, въ слѣдствіе развитія торговли, и въ особенности вліянія Ганзы, стала входить въ употребленіе металлическая монета; тогда названіе бѣлокъ, мордокъ, кунъ—перешло на монету. И какъ бѣлки, бѣлый мѣхъ имѣлъ преимущество надъ чернымъ мѣхомъ куницъ, такъ бѣлки становятся выраженіемъ лучшей монеты, а куны—худшей. Съ такимъ значеніемъ мордки встрѣчаются еще въ цар. Петра В. А такъ какъ металлическая монета получила свое начало отъ животной, то ихъ изображенія перешли на самую монету. Такимъ образомъ, представленіе другихъ писателей, что мордки, куны, ушки, погаты (эстонское—накура) и т. д. были части животныхъ, ходившія въ видѣ ассигнацій одновременно съ серебряною монетою, теряетъ значеніе; такъ какъ тогдашнее развитіе общества не допускаетъ представленія объ ассигнаціяхъ. Само собою ясно, что если система Каченовскаго грѣшитъ въ частностяхъ, то она съ возможною вѣроятностью представляетъ общій характеръ древней монетной

системы. Связь металлической монеты съ торговлею Новгорода, вліяніе на его монетную систему отношеній ганзейскаго союза (гривенная система), переходъ наименованій съ кожаныхъ денегъ на металлическія вполнѣ подтверждены позднѣйшею критикою, на основаніи изслѣдованія русскихъ источниковъ по даннымъ вопросамъ (См. очеркъ исторіи древ. монет. системы на Руси, Бѣляева, Чтен. М. общ. годъ I, № III). Вопросъ-же о кожаныхъ ассигнаціяхъ, какъ извѣстно, еще долго раздѣлялъ нашихъ ученыхъ и находилъ столь-же ревностныхъ защитниковъ, какъ и жаркихъ противниковъ (см. Бѣляевъ, ibid. Казанскій, Изслѣд. о древ. рус. монет. системѣ, въ Запис. Археолог. общ. т. III; Соловьевъ, Исторія Россіи, IV). Но Каченовскій своимъ сомнѣніемъ заставилъ заняться серьёзною разработкою его.

Между тѣмъ вышелъ XII томъ исторіи Карамзина, служившій завершеніемъ неоконченнаго труда, и Каченовскій сказалъ свое послѣднее слово о немъ »Немногіе писатели, говоритъ Каченовскій (Вѣст. Евр. 1829, № 17), столь самовластно господствовали надъ умами современниковъ, какъ нашъ покойный исторіографъ, и немногіе столь постоянно удерживали за собою право завиднаго повелительства въ области литературы. Позволялось не имѣть понятія о безсмертныхъ образцахъ древней словесности, объ источникахъ знаній и вкуса; но не читать Карамзина—значило не любить никакого чтенія; не говорить о Карамзинѣ было тоже, что не пламенѣть усердіемъ къ его славѣ; говорить о немъ безъ восторга было тоже, что обнаруживать зложелательство къ его особѣ; находить погрѣшности въ его писаніяхъ значило обрекать себя въ жертву ядовитымъ вѣтреникамъ, или даже изступленнымъ гонителямъ. Кавалеры, дамы, очарованныя красотами разительнѣйшихъ мѣстъ въ *Бѣдной Лизѣ*, въ *Натальи боярской дочери*, долго, долго хранили сладостныя впечатлѣнія юнаго возраста, и новому поколѣнію передавали чувства безусловнаго удивленія къ автору *прекрасныхъ сказочекъ*. Все въ рукахъ Карамзина превращалось въ чистое золото: обыкновенная журнальная статейка шла за вѣковѣчный памятникъ преобразованія русскаго языка и словесности; неумѣстная попытка въ историческомъ романѣ заставить москвитянина и новгородку XV вѣка ораторствовать, подобно Ливіевымъ и Саллюстіевымъ гражданамъ древняго Рима, принята за образецъ витійства, а мечтательная картина нравовъ небывалыхъ и несбыточныхъ—за величайшее искусство освѣжить колоритъ древности въ произведеніи цвѣтущей волшебной фантазіи; про-

стой переводъ изъ Олеаріевыхъ записокъ о мятежѣ московскомъ, при царѣ Ал. Михайловичѣ, провозглашенъ отрывкомъ неподражаемымъ, несравненнымъ, достойнымъ пера Тацитова.... И съ писателемъ нашимъ сбылось то, что сказано Дюкомъ де-ла-Рошфуко о модныхъ людяхъ: «большая часть людей судитъ о другихъ или по той славѣ, какою они пользуются, или по ихъ фортунѣ»... Послѣднія части труда Карамзина, авторъ признаетъ *лебедиными пѣснями;* онъ сознаетъ, что сила Карамзина въ его искусствѣ изложенія, въ томъ, что онъ историкъ-художникъ. Но Каченовскому хорошо извѣстны слабыя стороны Исторіи государства Россійскаго. Карамзинъ, по обработкѣ матеріала, близко стоитъ къ Щербатову, нерѣдко пользуется достоинствами его труда, но также нерѣдко дѣлаетъ за нимъ промахи, по недостатку критическаго отношенія къ послѣднему. Приведя образцы художественнаго изложенія, Каченовскій справедливо замѣчаетъ, что Карамзинъ часто бралъ матеріалъ на столько, на сколько онъ годился для картины. Исторія государства все-таки не исторія государей; а между тѣмъ Карамзинъ помѣщаетъ такія подробности о нихъ, которыя годятся только въ біографію, но не въ исторію. Въ слѣдъ за лѣтописцемъ, онъ думаетъ, что Василій Шуйскій женился на старости по увлеченію страсти. Подробности о похожденіяхъ Марины Мнишекъ скорѣе идутъ въ романъ, но никакъ не въ исторію. Осада Троицкой лавры, со словъ ея защитниковъ, занимаетъ слишкомъ много мѣста, безъ всякаго вниманія къ хвастливости ея автора и видимымъ противорѣчіямъ. За тѣмъ Каченовскій приводитъ рядъ фразъ, годныхъ лишь для украшенія, но не точныхъ въ научномъ отношеніи; рядъ неточностей въ терминахъ, сбивающихся на современный ладъ (о сословіяхъ); а возгласы исторіографа о вѣнцѣ Мономаха (неизвѣстномъ до XV в.), о родствѣ шведовъ съ Рюрикомъ, о мнимой *столицѣ* Рюрика и т. п. онъ называетъ уже просто мечтами воображенія. Повидимому Каченовскій неудовлетворяется и названіемъ Отрепьева—первымъ самозванцемъ, утвержденнымъ Карамзинымъ. Но онъ слышитъ уже вопли поклонниковъ послѣдняго и проситъ у нихъ извиненія за нарушеніе его памяти (1829, № 18) [1].

---

[1]) Въ теченіи всей полемики Каченовскаго съ Карамзинымъ, сторонники послѣдняго слишкомъ близко принимали къ сердцу его интересы и даже негодовали, что онъ молчалъ; въ ихъ рукахъ было одно

## V.

Мы исчерпали литературную дѣятельность Каченовскаго [1]), но этимъ она не ограничивается. Имя его имѣетъ значеніе, какъ представителя цѣлаго направленія въ нашей исторіографіи, извѣстнаго подъ именемъ *скептическаго*. За Каченовскимъ шелъ рядъ писателей, которые продолжали развивать его идеи и вызвали въ свою очередь рядъ опроверженій, составляющихъ цѣлую литературу. Эта борьба заслуживаетъ вниманія; но мы не остановимся на всѣхъ ея переходахъ. Замѣтимъ однако, что Каченовскій создалъ школу изъ своихъ учениковъ, которые одновременно съ нимъ и еще на ученическихъ скамьяхъ раз-

---

орудіе—эпиграммы; но, какъ видно, онѣ мало вліяли на Каченовскаго. Князь П. А. Вяземскій писалъ, по этому поводу, къ И. И. Дмитріеву: »Каченовскаго эпиграммами не доѣдешь. Его надобно бить лѣтописями«. Между тѣмъ Вѣстникъ Европы въ это время расходился хорошо. »Не только московская, писалъ Дмитріевъ А. И. Тургеневу въ 1819 г., но вся наша литература, кажется заключается въ одномъ Каченовскомъ; публика время отъ времени болѣе узнаетъ цѣну его, и *если онъ не устанетъ въ продолженіе года издѣваться надъ исторіографомъ, то вѣроятно принесетъ журналомъ своимъ значительный доходъ университету* (на счетъ котораго издавался Вѣст. Европы). *Даже провинціалы* любятъ слышать кощунство на счетъ извѣстныхъ людей«. (Переписка Дмитріева съ кн. Вяземскимъ, Тургеневымъ и др. въ Русск. Архивѣ, 1866, стр. 1691—93, 1701; 1867, с. 1107, 1110, 1115, 1103). У пріятелей Карамзина Каченовскій прослылъ Зоиломъ. Но самъ Карамзинъ иначе относился къ трудамъ Каченовскаго. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 21 апрѣля 1819 г., онъ пишетъ: »Вѣдаешь ли, что *ты* избралъ Каченовскаго въ члены Рос. Академіи? *Я* положилъ бѣлый шаръ и за себя, и за тебя, и за Жуковскаго, и за Оленина. Это совсѣмъ не великодушіе. *Критика его весьма поучительна и добросовѣстна*. Не имѣю духа бранить тебя за твое негодованіе; но самъ не хочу сердиться« (письма Карамз. къ И. И. Дмитріеву, стр. 261).

[1]) Для полноты намъ слѣдуетъ указать еще на его переводъ статьи Линде о Библіографіи Сопикова, (Вѣст. Евр. 1816 г., 90), »О мѣдныхъ дверяхъ Соф. собора въ Новгородѣ« переводъ статьи Буссе, который не признаетъ ихъ херсонскими, а Каченовскій раздѣляетъ это мнѣніе и полагаетъ, что двери св. Софіи увезены въ Венецію, какъ видно изъ хронографа напеч. въ Венеціи 1685 г. (1818, ч. 98 Вѣст. Евр.). По поводу изданныхъ Вукомъ Стефановичемъ сербскихъ пѣсней, Каченовскій высказалъ мнѣніе о важности пѣсенъ для исторіи нравовъ, обычаевъ и національныхъ особенностей народа (Вѣст. Евр. 1820). Затѣмъ въ Вѣст. Евр. встрѣчается рядъ его мелкихъ литературныхъ и историческихъ замѣтокъ.

вивали его мысли въ видѣ статей, которыя сообщались профессоромъ въ Уч. запискахъ Моск. университета. Мы укажемъ на болѣе выдающіяся изъ нихъ.

1) Прежде всего обратимъ вниманіе на статью »О пользѣ изученія Россійской исторіи въ связи съ всеобщею«. Это была основная идея почтеннаго скептика въ разборѣ историческихъ вопросовъ, и потому вполнѣ понятно, почему она была предложена имъ своимъ слушателямъ для спеціальной обработки. Авторъ статьи Строевъ неудовлетворяется предшествовавшею критикою источниковъ русской исторіи, ни Щербатова, ни Карамзина; даже книгу Шлецера о Несторѣ онъ считаетъ замѣчательною только по отношенію къ времени; но думаетъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ она станетъ безполезною. Оцѣнивая степень достовѣрности источниковъ, онъ приходитъ къ заключенію, что оффиціальные документы должны занимать первое мѣсто въ ряду источниковъ, не исключая и лѣтописей; разборъ лѣтописей идетъ вполнѣ въ духѣ Каченовскаго. За тѣмъ, разбирая ихъ сказанія о древнѣйшемъ періодѣ, въ сравненіи съ византійскими и западными источниками, авторъ приходитъ къ заключенію, что древ. лѣтопись вѣроятно написана въ XIII или XIV вѣкѣ; такъ какъ тамъ находятся событія, помѣщенныя въ указанныхъ источникахъ (кн. II). Договоры князей, Русская Правда и состояніе Россіи того времени разсматриваются съ точки зрѣнія Каченовскаго и путемъ сравненія съ исторіею западной Европы.

2) Статья »О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія славянъ на берега Волхова« основана на лекціяхъ Каченовскаго. Авторъ старается доказать, что Новгородъ былъ промышленною колоніей, вышедшею отъ балтійскихъ славянъ. Пользуясь случаемъ, онъ объясняетъ причины медленнаго развитія русской исторіи, какъ науки. Это были: 1) безочетная довѣрчивость къ древности; 2) недостатокъ сравнительнаго изученія рус. ист. съ всеобщею; 3) недостатокъ изученія славянской исторіи; 4) незнакомство съ вспомогательными науками исторіи и 5) нападки на безпристрастіе въ исторіи (Уч. зап. III).

3) Стрекаловъ посвятилъ статью Болтину, какъ критику. Отдавая должное Болтину, какъ критику, стоявшему выше своихъ современниковъ, авторъ возражаетъ противъ его мнѣній (о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, о сарматскомъ языкѣ, о Іоакимовской лѣтописи, о городахъ, о Рус. Правдѣ), которыя свидѣтельствуютъ о недостаточности тогдашней критики въ сравненіи съ настоящей. Коснувшись-же мимоходомъ

критики Шлецера, онъ удивляется, почему однѣ басни онъ отвергаетъ, а другія принимаетъ, и, слѣдуя логическимъ выводамъ, приходитъ къ отрицанію всего баснословнаго. Ясно, что критика Шлецера уже заключала въ себѣ дальнѣйшіе результаты, до которыхъ достигла школа Каченовскаго.

4) »Объ историческихъ трудахъ Миллера«. Авторъ оцѣниваетъ Миллера, какъ собирателя матеріала, но не критика. У него не было критическихъ способностей: такъ онъ безъ возраженій довѣрился лѣтописи Нестора; о Годуновѣ судитъ по враждебной ему лѣтописи о мятежахъ и т. п. Отдѣльныя замѣчанія у него иногда бываютъ мѣтки (о Новгородѣ); но въ выводахъ онъ слабъ. О происхожденіи казаковъ Миллеръ думаетъ, что начало имъ положили бѣглецы, уходившіе отъ притѣсненій поляковъ. Рецензентъ указываетъ на Торковъ, Берендѣевъ, Клобуковъ, которые до того времени обитали въ мѣстахъ, которыя заняли казаки—замѣчаніе весьма дѣльное и имѣющее за собою достовѣрность. (Ср. статью о Торкахъ, Коуяхъ и Берендѣяхъ, въ Арх. истор. юрид. свѣд. о Россіи, Калачова, II). Замѣчательно мнѣніе автора о скептицизмѣ. »Скептицизмомъ начинается всякая новая система, въ какой бы то ни было наукѣ; дѣйствительно, находятъ новую систему прежде убѣдившись въ необходимости сомнѣваться въ томъ, что̀ дотолѣ почитаемо было истиною; но скептицизмъ только начало! *Новый взглядъ* на русскую исторію, *заступившій* мѣсто *слѣпой довѣренности* къ лѣтописямъ, не ограничивается онымъ. Нѣтъ, онъ указываетъ, какимъ образомъ, изучая отечественную исторію въ связи со всеобщею, должны мы стремиться къ открытію новаго, истиннаго представленія всѣхъ минувшихъ судебъ нашего отечества« (томъ IX, 323—324).

Наконецъ намъ остается указать на замѣчательную статью извѣстнаго Станкевича, какъ ученика Каченовскаго,—»О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III« (кн. V). Въ началѣ своей статьи авторъ выражаетъ мысль, что главное назначеніе исторіи есть изслѣдованіе и разысканіе *общихъ законовъ*, которыми управляется то̀ или другое общество. За тѣмъ, переходя къ своему предмету, онъ говоритъ, что стремленіе къ общежитію есть начало обществъ, а стремленіе къ централизаціи устанавливаетъ политическое цѣлое—государство. Такимъ образомъ, здѣсь къ русской исторіи прилагались уже идеи Геерена и Гизо, которыми авторъ подкрѣпляетъ свою мысль. Причины возвышенія Москвы авторъ видитъ: 1) въ ея центральномъ географи-

ческомъ положеніи; 2) въ господствѣ монголовъ, давшихъ перевѣсъ московскимъ князьямъ; 3) въ духовномъ авторитетѣ, получившемъ громадное значеніе, благодаря пребыванію митрополитовъ въ Москвѣ и 4) въ характерѣ политики московскихъ князей. Эта статья и до сихъ поръ не потеряла своего значенія.

Какъ сотрудникъ Каченовскаго по Вѣстнику Европы и ярый противникъ Карамзина, заслуживаетъ вниманія извѣстный историкъ Николай Сергѣевичъ Арцыбашевъ, бывшій членъ Казанскаго общества любителей словесности и Московскаго общества исторіи и древностей (ум. въ 1841 г.). Еще въ 1802 г. онъ задумалъ свой сводъ лѣтописей, изданный потомъ Московскимъ обществомъ исторіи. Первыми печатными трудами его были: »О первобытной Россіи и ея жителяхъ« (Спб. 1808) и »Приступъ къ повѣсти о русскихъ« (Спб. 1811), непредставляющіе ничего особеннаго. За тѣмъ, главная дѣятельность Арцыбашева сосредоточивалась въ журналахъ (Вѣстникѣ Европы, Русскомъ Зрителѣ, Казанскомъ Вѣстникѣ, Московскомъ Вѣстникѣ), гдѣ онъ помѣщалъ отрывки изъ своего свода (»Два съѣзда князей въ XI вѣкѣ«; »Изяславъ II«; »Уничтоженіе Кіева и мятежи владимірскіе«; »Игорь, или война половецкая«; »Дмитрій Донской«—въ Вѣст. Европы. »Взятіе Казани«—въ Рус. Зрителѣ; »Ярославъ«—въ Моск. Вѣстникѣ и др.) и критическія статьи, на которыхъ мы остановимся; такъ какъ онѣ касаются весьма важныхъ и спорныхъ вопросовъ.

Въ 1821 г. Арцыбашевъ выступилъ съ статьею: »О степени довѣрія къ исторіи, сочиненной кн. Курбскимъ« (Вѣстн. Европы, ч. CXVIII, № 13—16), въ которой авторъ подрываетъ значеніе послѣдней, какъ непреложнаго источника для исторіи Іоанна, какимъ считалъ его Карамзинъ. Возраженія рецензента основываются на измѣнѣ Курбскаго, которая заставляетъ видѣть въ немъ лживость побужденій въ составленіи исторіи. О многомъ онъ судилъ по слухамъ, а потому оказались ошибки въ фактахъ (о казняхъ). Онъ является защитникомъ интересовъ олигархической партіи, что̀ опредѣляетъ уже и направленіе его исторіи. Такимъ образомъ Арцыбашевъ первый критически отнесся къ исторіи Курбскаго и старался опредѣлить ея значеніе, какъ источника, до тѣхъ поръ принятаго вполнѣ на вѣру. Въ статьѣ »О свойствахъ царя Іоанна Васильевича« (Вѣст. Евр. 1821, № 17—20, ч. CXX). Арцыбашевъ объясняетъ образованіе его характера обстоятельствами, его окружавшими: дурнымъ воспитаніемъ, постоянными крамолами, *за которыми*

всегда слѣдовали казни, отмѣченныя Карамзинымъ, наконецъ семейными несчастіями, которыя окончательно очерствили сердце Іоанна. И это была первая попытка обратиться критически къ образованію характера Грознаго. »Не для извиненія пороковъ, говоритъ авторъ, и не потому, чтобъ они казались намъ менѣе ужасными, а для объясненія истины, хотимъ сказать нѣсколько словъ о царѣ, котораго и русскія и чужеземные писатели провозгласили лютѣйшимъ тираномъ« (стр. 126). Въ 23-й книжкѣ Вѣстника Европы (1821 г.), подъ именемъ Люброссова, Арцыбашевъ приводитъ мнѣніе Леклерка объ Іоаннѣ Грозномъ, который, не смотря на свою враждебность къ Россіи, старался объяснить характеръ Грознаго и не повѣрилъ многимъ извѣстіямъ о его жестокостяхъ. И здѣсь имѣется въ виду Карамзинъ. Въ послѣдствіи (Вѣст. Евр. 1829, № 17—20; 1830, № 9—12) Арцыбашевъ помѣстилъ въ томъ-же журналѣ еще нѣсколько статей, относящихся къ критикѣ исторіи Карамзина. Одна изъ нихъ касается извѣстій Таубе и Крузе объ Іоаннѣ Грозномъ, на которыхъ основался Карамзинъ въ своемъ описаніи казней Іоанна. Рецензентъ не придаетъ значенія этимъ даннымъ, такъ какъ Таубе и Крузе были ливонцы, негодовавшіе на Іоанна за бѣдствія Ливоніи, а потомъ, обласканные царемъ, измѣнили ему и выступили даже противъ Россіи. Въ небольшой статьѣ о кончинѣ Іоанна. Арцыбашевъ старался даже опровергнуть извѣстіе о трагической смерти Іоанна, описанной Горсеемъ, которымъ воспользовался Карамзинъ. Арцыбашевъ противополагаетъ имъ русскія извѣстія, какъ описывающія спокойную кончину царя. Въ статьѣ »о кончинѣ царевича Димитрія« Арцыбашевъ разбираетъ слѣдственное дѣло и приходитъ къ заключенію, что царевичъ самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни, наткнувшись на ножъ.

Вопросъ объ отношеніи исторіи Курбскаго къ Іоанну Грозному, поднятый Арцыбашевымъ, нашелъ ему потомъ послѣдователей. Взглядъ Арцыбашева былъ развитъ и въ исторіи Соловьева, и въ спеціальномъ изслѣдованіи о Курбскомъ—Горскаго, гдѣ онъ былъ доведенъ до всѣхъ крайностей чисто теоретическаго рѣшенія исторической жизни, плохо поддающейся отвлеченнымъ теоріямъ.

Но Арцыбашевъ не удовлетворился отдѣльными возраженіями на Карамзина. Въ 1828 и 1829 гг. онъ сталъ помѣщать въ Москов. Вѣстникѣ свои примѣчанія на исторію Карамзина въ систематическомъ порядкѣ и успѣлъ написать замѣчанія на 1-й и 2-й томы (начало ко-

торыхъ было также помѣщено въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1822—23 гг.). Среди придирчивыхъ замѣчаній относительно слога и нѣкоторыхъ неточностей Карамзина, въ рецензіи Арцыбашева встрѣчается много вѣрныхъ или полезныхъ указаній. Таковы его замѣчанія о мѣстѣ жительства племенъ, упоминаемыхъ Карамзинымъ въ этнографическомъ обзорѣ; о тождествѣ болгаръ-волоховъ; объ излишнихъ подробностяхъ въ описаніи чуждыхъ народовъ и краткости замѣчаній о славянахъ; о преувеличенномъ представленіи славянской гражданственности; о смѣшеніи извѣстій о финнахъ съ извѣстіями о славянахъ (о тризнѣ по житію Константина Муромскаго); о смѣшеніи дани куницами съ понятіемъ о кунахъ, какъ металлической монетѣ; о принятіи выраженія *вси кривичи* въ смыслѣ: *вся* кривичи (при перечисленіи варяжскихъ данниковъ), а не *Вси* (Весь—племя) и Кривичи; о помѣщеніи въ исторію басенъ о Кіѣ, Олегѣ, Ольгѣ и сравненіи ихъ съ Иліадою Гомера и т. п. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія его толкованія договоровъ князей (о ключѣ, городахъ, дани) и распоряженій Ольги, а также интересно замѣчаніе о подражаніи Карамзина Юму даже въ формѣ изложенія и внѣшнемъ распредѣленіи отдѣльныхъ частей его труда.

Критика Арцыбашева вызвала въ свое время полемику въ журналахъ и даже отдѣльную брошюру Руссова, отличающуюся слѣпымъ благоговѣніемъ къ Карамзину. Погодинъ, печатая рецензію Арцыбашева въ своемъ журналѣ, намекнулъ было на личности; но Арцыбашевъ отвѣчалъ: »Я отъ роду не видалъ Карамзина и писалъ только объ его произведеніи« (Моск. Вѣст. 1829, III, 199). Однако одно уже помѣщеніе его статей въ Моск. Вѣст. вызвало угрозы редактору за то, что онъ »смѣлъ« помѣстить замѣчанія на Карамзина (Моск. Вѣст. 1828, № 24). Но извѣстный археологъ Строевъ думалъ иначе о рецензіяхъ Арцыбашева на Карамзина (ibid. 391—92).

Сводъ лѣтописей, сдѣланный Арцыбашевымъ, былъ изданъ Московскимъ обществомъ исторіи въ трехъ томахъ (1838—41), подъ заглавіемъ: »Повѣствованіе о Россіи«. Въ этихъ томахъ разсказъ доведенъ до 1700 г. Авторъ хотѣлъ довести его до 1762 г., но смерть помѣшала ему. Вотъ какъ разсказываетъ Арцыбашевъ о способѣ, которому онъ слѣдовалъ при сводѣ своихъ источниковъ. »Я сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву, всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть; составлялъ ихъ, дополняя одной другую и такимъ образомъ составлялъ изложеніе; вычищалъ то отъ всего лѣтописнаго или занимательнаго

только для современниковъ, но совсѣмъ ненужнаго для потомства и *отъ лишесловія*, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій, и наконецъ переводилъ оставшееся на нынѣшній русскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ свой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ (смотря по разбору) въ изложеніи«. Такимъ образомъ все вниманіе Арцыбашева было устремлено на критику факта и съ этой стороны его трудъ представляетъ хорошую справочную книгу; но онъ лишенъ художественности и философскихъ воззрѣній, а внутренняя исторія ограничивается въ немъ сухими »дополненіями« (см. Энцикл. словарь, изд. учен. и литер. Спб. 1862, V, 570—572).

Отсюда ясно, что, по своему изложенію, сочиненіе Арцыбашева было прямою противоположностью произведенію Карамзина и составляло, такъ сказать, реакцію его способу обработкѣ, чего вовсе не желалъ Каченовскій. Замѣчательно, что этотъ способъ *изложенія* усвоилъ себѣ Соловьевъ, который, въ свое время, въ длинныхъ статьяхъ (Отеч. Записки 1854 г.), слѣдилъ за Карамзинымъ изъ тома въ томъ, съ цѣлью показать, какъ его *живописаніе* мѣшало ему воспроизвести вѣрно духъ источника и событій. А онъ также сочувственно относится и къ критикѣ Шлецера (см. Шлецеръ и анти-историческое направленіе въ Рус. Вѣст.) и къ трудамъ Каченовскаго (см. Библіогр. словарь Москов. универ. I, 383—403).

Касаясь вопросовъ, поднятыхъ *скептическою школою*, мы остановились съ подробностью на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ значеніе въ общеисторической критикѣ и считали излишнимъ входить здѣсь въ изложеніе мелочной полемики о руссахъ (скандинавскихъ и козарскихъ) и т. п. мнѣніяхъ, высказанныхъ въ то-же время, о чемъ скажемъ ниже. Замѣтимъ только, что кромѣ названныхъ нами органовъ, статьи скептиковъ печатались въ Сынѣ Отечества и Телескопѣ, а теперь сдѣлаемъ заключеніе о значеніи школы Каченовскаго въ нашей исторіографіи.

1) Чтобы вѣрно оцѣнить положеніе Каченовскаго въ нашей исторіографіи слѣдуетъ припомнить, что засталъ въ наукѣ Каченовскій и что онъ внесъ своего, новаго. Критика событій русской исторіи въ XVIII вѣкѣ представляла полный хаосъ; въ исторію вносилось все, что казалось вѣроятнымъ. Историки XVIII в. очистили русскую исторію отъ явнаго вымысла, чудесъ и извращенія фактовъ. Въ этомъ ихъ заслуга. Для критики источниковъ было сдѣлано мало. Шлецеръ положилъ начало,

какъ идти въ этомъ невѣдомомъ пространствѣ. Но и онъ въ концѣ концовъ создалъ изъ Нестора цѣльный, непререкаемый источникъ для исторіи древнѣйшаго періода. Тоже самое сдѣлалъ Карамзинъ въ обработкѣ прагматической исторіи. Каченовскій пошелъ далѣе. Онъ показалъ, что объяснить и очистить памятникъ мало еще; что представить послѣдовательное изложеніе исторіи—недостаточно. Онъ указалъ на необходимость *всесторонняго* примѣненія *высшей критики къ фактамъ русской исторіи*, послѣ столь-же *всесторонняго* примѣненія этой критики къ основнымъ источникамъ. Такимъ образомъ, Каченовскій выходитъ оттуда, гдѣ остановился Шлецеръ, но въ своей исторической критикѣ полнѣе развиваетъ его положенія. Шлецеръ старался создать *очищеннаго Нестора*, Каченовскій *очиститъ лѣтопись отъ Нестора*, авторитетъ котораго мѣшалъ изслѣдователю отнестись вполнѣ критически и къ памятнику.

2) Въ виду такого состоянія критики русской исторіи, Каченовскій утверждаетъ, что, повторяя факты, историкъ долженъ руководствоваться болѣе сомнѣніемъ, нежели довѣріемъ. Первое избавляетъ его отъ лишнихъ фактовъ и даетъ только существенное; второе-же приводитъ къ безразличному пользованію фактами и смѣшенію дѣйствительнаго съ вѣроятнымъ. Въ этомъ лежитъ зародышъ скептическаго направленія, вышедшаго изъ критики Шлецера, но вполнѣ развившагося подъ вліяніемъ критики Нибура. И Каченовскій вполнѣ усвоилъ эти пріемы. Если не все такъ, какъ представлялось ему, то все-таки ему принадлежитъ честь возбужденія русской мысли на поприщѣ историческаго изслѣдованія; за нимъ шла фаланга послѣдователей, а противъ него другая—противниковъ: образовалась цѣлая литература спорныхъ вопросовъ, которая дала немаловажные результаты для дальнѣйшей обработки русской исторіи.

3) Въ то время, когда для обработки русской исторіи было отведено узкое поле дѣятельности, Каченовскій съумѣлъ поддержать значеніе науки, сосредоточивъ все свое вниманіе на такихъ вопросахъ, гдѣ онъ могъ неуклониться отъ ея истинъ.

4) Онъ указалъ на необходимость сравнительнаго изученія русской исторіи, основаннаго на общеисторической критикѣ, которая показываетъ, что развитіе общества совершается естественнымъ, послѣдовательнымъ образомъ, а не скачками и не подъ постороннимъ руководительствомъ. А это привело К. къ мысли объ общихъ историче-

скихъ законахъ, управляющихъ человѣчествомъ—мысль вполнѣ научная, но въ то время еще новая.

5) Онъ первый указалъ на необходимость совершеннаго отдѣленія *сказаній* отъ *исторіи*, на положительный характеръ исторіи. И если въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ его мнѣній оказались ошибочными, то все-таки въ результатѣ мы получили болѣе достовѣрнаго. Теперь извѣстно, что если Русская Правда можетъ быть отнесена ко времени Ярослава I, то далеко не въ полномъ видѣ и притомъ съ мѣстнымъ характеромъ. Теперь почти уже утвердилось мнѣніе, что такъ называемая лѣтопись Нестора—лѣтописный сводъ, а не цѣльное произведеніе одного лица. Намъ кажется, что и мысль Каченовскаго о близкомъ родствѣ Новгородцевъ съ балтійскими славянами можетъ привести свои результаты, хотя-бы и не въ той формѣ.

6) Сознавая вполнѣ необходимость художественнаго элемента въ исторіи, Каченовскій однако не былъ подобострастнымъ его поклонникомъ. И Карамзинъ, и Каченовскій сознаютъ необходимость сократить древнѣйшій періодъ, но есть разница въ ихъ мотивахъ: Карамзинъ хочетъ его сократить, чтобы избѣжать скучнаго элемента, чтобы долѣе остановиться на томъ, что можно разукрасить и расцвѣтить; Каченовскій,—чтобы непогрѣшить противъ истины, чтобы исключить баснословный элементъ изъ исторіи. Наконецъ онъ былъ постояннымъ проводникомъ въ русскомъ обществѣ результатовъ европейской науки, защитникомъ научной истины, въ то время, когда художественная идеализація исторіи Карамзина навѣяла безотчетное поклоненіе передъ стариною и готовила въ близкомъ будущемъ созданіе цѣлой школы, которая стала оцѣнивать событія русской исторіи на основаніи своихъ симпатій. »Стоять и правду говорить«—девизъ журнала Каченовскаго былъ девизомъ и его трудовъ.

Мы видили, что Каченовскій задумывалъ написать русскую исторію, которая удовлетворяла-бы современной критикѣ; это ему не удалось, такъ какъ обработка матеріала стояла ниже этой критики. Но явился человѣкъ, который, также неудовлетворившись исторіей Карамзина и также подъ вліяніемъ критики Нибура, задумалъ представить послѣдовательную исторію Россіи. То былъ—Полевой, издатель Московскаго Телеграфа и авторъ многихъ историческихъ книгъ.

---

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

## Н. А. Полевой.

### I.

По своему образованію, Николай Алексѣевичъ Полевой былъ самоучка. Сынъ купца, онъ вовсе не былъ расположенъ къ торговымъ операціямъ, и потому постоянно подвергался преслѣдованіямъ отца за любовь къ книгамъ. Смерть отца дала ему возможность окончательно посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Какъ и всякій самоучка— онъ не имѣлъ за собою преданія; онъ не былъ связанъ школьными воззрѣніями, а потому горячо брался за всякую живую мысль, которую немедленно предавалъ тисненію. Московскій Телеграфъ, издававшійся подъ его редакціею съ 1825 г., сдѣлался въ нашей литературѣ проводникомъ всего оригинальнаго и свѣжаго. Въ немъ выразилось впервые то журнальное направленіе, которое потомъ было усвоено Библіотекою для Чтенія и перешло къ другимъ журналамъ [1]). На немъ меньше всего тяготѣли авторитеты и предразсудки. Своимъ журналомъ Полевой хотѣлъ дать обществу »зеркало, въ которомъ отражался-бы весь міръ нравственный, политическій и физическій«; въ немъ онъ хотѣлъ дать все, кромѣ скучнаго; открыть всю область науки и художества, безъ всякой односторонности, не одно русское, а все полезное, гдѣ бы оно ни скрывалось. Такъ высказался редакторъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ 1-й книжкѣ 1825 года. Понятно, почему въ первый-же годъ журналъ Полеваго встрѣтилъ въ другихъ своихъ товарищахъ такое ожесточеніе, и почему первый годъ его изданія въ значительной степени посвященъ былъ полемикѣ. За то онъ пользовался большимъ расположеніемъ публики. Не смотря на высокую подписную цѣну (въ Москвѣ 40 р. ассигн., а съ пересыл. 45 р.), »Московскій Телеграфъ« имѣлъ множество подписчиковъ, а первыя 8 книжекъ вышли даже вторымъ изданіемъ, что заставило редактора печатать Телеграфъ въ боль-

[1]) Въ предисловіи къ одной своей книгѣ Полевой говоритъ: »Кто читалъ, что писано мною донынѣ, тотъ конечно скажетъ вамъ, что *кваснаго патріотизма* я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю«.... (Библіогр. Запис. I, 186).

шемъ количествѣ. Имя Полеваго стало извѣстнымъ, и когда онъ появился по дѣламъ въ Петербургѣ, то былъ встрѣченъ тамъ цѣлымъ рядомъ дружественныхъ овацій, преимущественно со стороны молодыхъ литераторовъ [1]). Но журналъ Полеваго покончилъ свое существованіе печальнымъ образомъ: въ мартѣ 1834 г. онъ былъ запрещенъ, а редакторъ его арестованъ. Поводомъ къ запрещенію была критическая статья брата Полеваго на патріотическую драму Кукольника: »Рука Всевышняго отечество спасла«, предметомъ которой служитъ избраніе Михаила Θедоровича на царство (Русская Старина, 1870, іюнь) [2]).

Журналъ Полеваго знакомилъ общество съ лучшими произведеніями прежней и современной литературы: Гете, Шиллера, Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Томаса Мура, Виктора Гюго, Торквата Тассо, Камоэнса, какъ посредствомъ переводовъ такъ и посредствомъ критическихъ статей о нихъ. Изъ статей, посвященныхъ исторической литературѣ, мы встрѣчаемъ: о Макіавелли, Вико, Гердерѣ, Гееренѣ; извлеченія изъ Кине, Мишле, С. М. Жирардена, Баранта. Твореніе Нибура также не осталось незамѣченнымъ въ Московскомъ Телеграфѣ. Полевой помѣстилъ въ немъ обширную статью изъ англійскаго журнала: The Foreign Quarterly Review (1829, № 8 и 9), написанную по поводу 2-го изданія I-го тома и разборовъ Шлегеля и Вахсмута. Авторъ статьи, какъ видно, знатокъ своего дѣла и потому весьма обстоятельно разобралъ этотъ трудъ, поставивъ его во главѣ историческихъ изслѣдованій того времени какъ составляющій эпоху въ исторической критикѣ и проливающій новый взглядъ на исторію Рима. Полевой сдѣлалъ удачный выборъ для своего журнала; такъ какъ эта рецензія составляетъ лучшее, что̀ появлялось въ тогдашнихъ русскихъ журналахъ о Нибурѣ, и до сихъ поръ не потеряла значенія. Тѣмъ-же уваженіемъ проникся къ Нибуру и самъ редакторъ. Онъ удивляется равнодушію русскихъ литераторовъ и уче-

---

[1]) Въ первый годъ изданія »Телеграфа« Пушкинъ писалъ къ брату »я »Телеграфомъ« *очень доволенъ*, и мышлю и мыслю поддержать его, скажи это и Жуковскому« (Библ. Запис. I, 108).

»На Николая Полеваго не подымается рука«.... говоритъ поэтъ уже въ болѣе позднюю пору. Но потомъ, кажется подъ вліяніемъ позднѣйшей дѣятельности Полеваго, Пушкинъ измѣнилъ взглядъ и нерѣдко преслѣдовалъ Полеваго своими эпиграммами.

[2]) Еще въ 1832 г. Полевой получилъ замѣчаніе за разборъ брошюрки S.... »Горе отъ ума«, въ которомъ развивалась мысль о неизбѣжности революцій и переворотовъ (см. Рус. Архивъ, 1866, стр. 1754).

ныхъ, прошедшихъ молчаніемъ трудъ Нибура. »Твореніе Нибура, говоритъ онъ, какъ будто и не существуетъ для нихъ. Ни въ одной русской книгѣ не увидите и слѣда, что автору или переводчику знакомъ Нибуръ. У насъ переводятъ нѣмецкую дрянь прошлаго вѣка, подъ именемъ исторій, географій, юридическихъ книгъ, и въ голову не придетъ переводчикамъ ни Нибуръ, ни Риттеръ, ни Савиньи. Мы все еще твердимъ о Ролленѣ, Шреккѣ, Ахенвалѣ, Гуго-Гроціѣ, и въ Клюберѣ думаемъ видѣть великаго человѣка« (№ 8, 438—39). А въ заключеніе рецензіи Полевой съ радостью извѣщаетъ о предполагавшемся переводѣ Нибура на русскій языкъ и съ упрекомъ обращается къ старой школѣ ученыхъ: »Прочтетъ-ли хоть тогда *старое* поколѣніе нашихъ литераторовъ сіе великое твореніе? Освободятъ-ли наконецъ хоть тогда русскіе авторы и переводчики римскую исторію отъ волчицы Ромуловой и прыжковъ Рема черезъ римскія стѣны. Постыдятся-ли хоть тогда (въ нѣкоторыхъ пансіонахъ) учить римской исторіи по книжонкамъ Шрекка и Гильмара Кураса«? (№ 9, стр. 118).

Отсюда ясно, что, уважая разрушающую критику Нибура, Полевой не могъ удовлетвориться примирительнымъ направленіемъ исторіи Карамзина, и вотъ въ слѣдъ за статьями о Нибурѣ—онъ помѣщаетъ свой разборъ Исторіи государства Россійскаго, составляющій замѣчательное явленіе въ ряду тогдашнихъ критикъ на послѣднюю. Прослѣдимъ въ главныхъ чертахъ мнѣнія Полеваго о Карамзинѣ (467—500 т. XXVII Моск. Телеграфа).

»Время летитъ быстро, пишетъ онъ; дѣла и люди быстро смѣняются. Мы едва можемъ увѣрить себя, что почитаемое нами настоящимъ, сдѣлалось уже *прошедшимъ*, современное *историческимъ*. Такъ и Карамзинъ. Еще многіе причисляютъ его къ нашему поколѣнію, къ нашему времени, забывая, что онъ родился *шестьдесятъ* слишкомъ лѣтъ тому; что болѣе 40 лѣтъ прошло, какъ онъ выступилъ на поприще литературы; что уже совершились 25 лѣтъ, какъ онъ прекратилъ всѣ другія литературныя упражненія и занялся только исторіею Россіи, и, слѣдовательно, что онъ приступилъ къ ней *за четверть вѣка* до настоящаго времени, будучи почти *сорока лѣтъ;* это такой періодъ жизни, въ который человѣкъ не можетъ уже стереть съ себя типа первоначальнаго своего образованія, можетъ только не отставать отъ своего быстроградущаго впередъ вѣка, только слѣдовать за нимъ, и то напрягая всѣ силы ума.

»Хронологическій взглядъ на литературное поприще Карамзина показываетъ намъ, что онъ былъ литераторъ, философъ, историкъ *прошедшаго вѣка, прежняго*, не нашего *поколѣнія*. Это важно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ... Различіе вѣка и времени каждаго предмета есть истинное мѣрило вѣрности сужденій о каждомъ предметѣ... Если-бы надобно было сравнивать Карамзина съ кѣмъ-либо, мы сравнили-бы его съ Ломоносовымъ. Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ Ломоносовъ остановился; кончилъ то, что Ломоносовъ началъ«. И далѣе Полевой проводитъ параллель между ними, какъ образователями языка и литературы своего времени. Но Карамзинъ былъ дѣятель собственно конца XVIII вѣка, а »никогда не было открыто, изъяснено, обдумано столь много, какъ въ послѣднія 25 лѣтъ въ Европѣ. Все измѣнилось и въ политическомъ, и въ литературномъ отношеніи. Но когда начался новый періодъ измѣненій, Карамзинъ уже кончилъ свои подвиги вообще въ литературѣ. Онъ не былъ уже дѣйствующимъ лицомъ: одна мысль занимала его: исторія отечества. Безъ него развилась новая русская поэзія, началось изученіе философіи, исторіи, политическихъ знаній, сообразно новымъ идеямъ, новымъ понятіямъ германцевъ, англичанъ и французовъ, перекаленныхъ (retrempés, какъ они сами говорятъ) въ страшной бурѣ и обновленныхъ на новую жизнь«.

Съ этой точки зрѣнія ни проза, ни поэзія, ни теорія словесности, ни философія Карамзина не могутъ удовлетворить болѣе. Онъ не былъ геній, который могъ сохранить за собою значеніе на всегда. За тѣмъ Полевой переходитъ къ разбору его исторіи. И здѣсь онъ приходитъ къ тому-же результату, говоря, что Карамзинъ образовался подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка и писалъ исторію въ то время, когда уже совершился поворотъ въ мысли, а »потому истинная идея исторія была недоступна Карамзину«.

»Новѣйшіе мыслители, продолжаетъ Полевой, объяснили намъ вполнѣ значеніе слова: *исторія;* они показали намъ, что̀ долженъ разумѣть подъ симъ словомъ философъ. Исторія, въ высшемъ значеніи, не есть складно-написанная лѣтопись временъ минувшихъ, не есть простое средство удовлетворять любопытство наше, нѣтъ: она практическая повѣрка философскихъ понятій о мірѣ и человѣкѣ, анализъ философскаго синтеза. Здѣсь мы разумѣемъ *только всеобщую исторію*, и въ ней мы видимъ истинное откровеніе прошедшаго, объясненіе настоящаго и пророчество будущаго«. Раздѣливъ исторію міра на *до-исто-*

*рическій* быть и *исторію человѣчества* и обозначивъ постепенность въ его развитіи, согласно съ идеями Гердера, Полевой прибавляетъ: »Историкъ смотритъ на царства и народы, эти планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ соображаетъ ходъ человѣчества, общественность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ цѣпь причинъ, производившихъ и производящихъ событія. *Вотъ исторія высшая.* Но формы исторіи могутъ быть многообразны до безконечности. Исторія можетъ быть критическая, повѣствовательная, ученая: въ основаніи каждая изъ нихъ должна быть *философическая*, по духу, а не по названію, по сущности, воззрѣнію своему. Всеобщая исторія есть тотъ огромный кругъ, въ которомъ вращаются другіе безчисленные круги: исторіи частныя, народовъ, государствъ, земель, вѣрованій, знаній. Условія всеобщей исторіи уже опредѣляютъ, каковы должны быть частныя исторіи.... Человѣчество живетъ въ народахъ, народы въ представителяхъ, двигающихъ грубый матеріалъ и образующихъ изъ него отдѣльные нравственные міры.

»Такова истинная идея исторіи... Она созрѣла въ вѣкахъ, и изъ новѣйшей философіи развилась въ исторіи, точно такъ-же, какъ подобныя идеи развились изъ философіи въ теоріяхъ поэзіи и политическихъ знаній«.

Съ этой точки зрѣнія указывать на древнихъ историковъ, какъ на образцы (какъ это дѣлаетъ Карамзинъ), будетъ *ложнымъ классицизмомъ.* Они были только повѣствователи. Имъ слѣдовали въ первое время послѣ возрожденія, когда лѣтописный способъ изложенія былъ замѣненъ прагматическимъ. Первые философскіе проблески въ историческомъ описаніи представляютъ: Макіавелли, Боссюэтъ, Монтескье. За ними пошли преимущественно французскіе и англійскіе писатели. Но нужны были труды Гердеровъ, Нибуровъ, Шлецеровъ, Шеллинговъ, Шлегелей, знаніе политическихъ наукъ, чтобы достигнуть настоящаго положенія исторіи, какъ философской науки. Если-же примѣнить къ этимъ требованіямъ исторію Карамзина, то она окажется такъ-же »неудовлетворительною«, какъ остальныя сочиненія Карамзина въ отношеніи къ современнымъ требованіямъ литературы.

»Какъ *философъ историкъ*, говоритъ Полевой, Карамзинъ не выдержитъ критики. Прочитайте мысли его объ исторіи (т. е. предисловіе), и вы согласитесь съ этимъ безъ дальнѣйшихъ объясненій«.

Опредѣленія Карамзина — исторіи, какъ священной книги народовъ,

зерцала бытія и дѣятельности, скрижали откровеній и правилъ, завѣта предковъ къ потомству, какъ утѣшенія въ бѣдствіяхъ гражданъ, какъ книги полезной для справокъ правителей—все это прекрасныя фразы и риторическія опредѣленія. »Утѣшеніе, что люди должны терпѣть, потому что всегда было зло, и люди всегда терпѣли—подобно тому сравненію, которое употребилъ Карамзинъ въ IX томѣ, говоря, что русскіе такъ-же славно умирали подъ топорами палачей царя Іоанна IV, какъ греки умирали при Термопилахъ«.

Еще болѣе недоволенъ Полевой опредѣленіями исторіи, какъ удовольствія, удовлетворяющаго любопытству человѣка и соединяющаго занимательность романа съ истиною событій. »Полагаете, что вамъ скажутъ, какъ среди волненія IX вѣка образовалась Россія; какъ заслонила она Европу въ XIII в.; какъ вступила въ систему Европы въ XVIII в.; какъ дѣйствовала въ XIX в. Совсѣмъ нѣтъ! Авторъ видитъ *одно любопытство*; онъ старается доказать, что ничуть не любопытнѣе и не занимательнѣе исторіи русской—исторіи другихъ народовъ; что и въ нашей исторіи есть *картины*, *случаи*, которые *любопытны не менѣе* картинъ и случаевъ, описанныхъ древними историками.... Авторъ называетъ пять вѣковъ исторіи русской *маловажными для разума*, предметомъ, не богатымъ мыслями для прагматика, *красотами* для живописца, напоминаетъ, что *исторія не романъ и міръ не садъ*, гдѣ все должно быть пріятно и утѣшаетъ наконецъ, что *въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные*... Или историкъ думаетъ, что мы, какъ дѣти, принимаясь за его книгу, напередъ спрашиваемъ: »*не скучна-ли она*«? или онъ *не-философъ*-историкъ! Онъ и *не прагматикъ*, когда потомъ увѣряетъ, что несправедливо будетъ, если мы пропустимъ скучное начало русской исторіи....

»Карамзинъ, *какъ философъ, какъ прагматикъ*, есть писатель не нашего времени... Въ цѣломъ объемѣ его исторіи нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали-бы всѣ событія русской исторіи... Карамзинъ нигдѣ не представляетъ вамъ духа народнаго, не изображаетъ многочисленныхъ переходовъ его отъ варяжскаго феодализма до деспотическаго правленія Іоанна и до самобытнаго возрожденія при Мининѣ. Вы видите стройную продолжительную галлерею портретовъ, поставленныхъ въ одинакія рамки, нарисованныхъ не съ натуры, но по волѣ художника и одѣтыхъ также по его волѣ. Это лѣтопись, написанная мастерски, художникомъ таланта превосходнаго, изобрѣтательнаго, а *не исторія*«. Полевой не удовлетворяется даже его повѣствованіемъ.

»Карамзинъ видѣлъ въ древнихъ образцы превратно, и, поставивъ силу и красоту повѣствованія главнымъ, кажется не зналъ, что онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлали французскіе классики, подражая древнимъ. Французская трагедія, въ сравненіе съ трагедіею грековъ, есть тоже, что исторія Карамзина въ сравненіи съ исторіею Геродота и Тита-Ливія«.

Изложивши собственный планъ исторіи Россіи, который мы разсмотримъ подробнѣе, при разборѣ самой Исторіи Русскаго народа, Полевой переходитъ къ частнымъ воззрѣніямъ Карамзина. Недостатокъ его историческихъ пріемовъ онъ видитъ въ смѣшеніи эпохъ при нравственной оцѣнкѣ лицъ; въ »облагороженіи варваровъ изъ любви къ отечеству«; въ перенесеніи своихъ понятій на отдаленныя времена (»Мономахъ является ангеломъ-хранителемъ законной власти« и т. п. »въ Рурикѣ видитъ онъ монарха самодержавнаго, мудраго«; »въ полудикихъ славянахъ народъ славный и великій«); въ преувеличеніи развитія древнѣйшей эпохи (»воинскія трубы Святослава Карамзинъ почитаетъ доказательствомъ *любви Россіянъ къ искусству мусикійскому*«).

»Послѣ всего этого, замѣчаетъ Полевой, удивительно-ли, что европейскіе ученые, ожидавшіе исторію Карамзина съ нетерпѣніемъ, приняли сіе твореніе холодно, не даютъ ему мѣста между знаменитыми историками новѣйшими: Нибуромъ, Тьерри, Гизо, Барантомъ и другими. Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими историками прошедшаго вѣка: Робертсономъ, Юмомъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ тѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою изыскательностью причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ безсмертныхъ твореніяхъ трехъ англійскихъ историковъ прошедшаго вѣка. Карамзинъ также далекъ отъ нихъ по всему, какъ далека въ умственной зрѣлости и дѣятельности просвѣщенія Россія отъ Англіи«.

Но Полевой не безусловно порицаетъ исторію Карамзина. Въ его предъидущихъ замѣчаніяхъ слышится отголосокъ того научно историческаго движенія, которое въ то время обнаружилось на западѣ, и, хотя онъ не могъ вполнѣ идти съ нимъ, но онъ вполнѣ переживалъ тѣ новыя требованія и стремленія, представителемъ которыхъ явилось указанное направленіе. Полевой отдаетъ должную дань труду Карамзина, какъ первой систематически обработанной исторіи, съ критическимъ взглядомъ на ходъ событій и частные факты, богатой матеріалами, распредѣленными также критически. »Онъ создавалъ и матеріалы и сущность, и слогъ исторіи, былъ критикомъ лѣтописей и памятниковъ,

генеалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ. Своимъ трудомъ онъ вызвалъ рядъ изслѣдователей и издателей матеріаловъ. Таковы гр. Румянцевъ, Калайдовичъ, Строевъ, Погодинъ, Востоковъ. Самая Академія Наукъ какъ будто ожила« (Кругъ, Френъ, Лербергъ). Но особенно Полевой высоко ставитъ его обработку исторіи, которая, по своей художественности, стала доступною для каждаго. »Не ищите въ немъ высшаго взгляда на событія, заключаетъ критикъ: говоря о междоусобіяхъ удѣловъ, онъ не видитъ въ нихъ порядка, не означитъ вамъ причинъ, свойства ихъ. Съ VI тома историкъ признаетъ уже достоинство русской исторіи, но и въ этой, *имѣющей государственное достоинство исторіи*, не ищите причины злодѣйствъ Іоанна, быстраго возвышенія и паденія Бориса, успѣховъ Самозванца, безначалія. Придетъ по годамъ событіе: Карамзинъ описываетъ его, и думаетъ, что исполнилъ долгъ свой, не знаетъ, или не хочетъ знать, что событіе важное не вырастаетъ мгновенно, что причины его скрываются глубоко.... Это общій недостатокъ писателей XVIII вѣка, отъ котораго не избѣгалъ иногда и самый Юмъ. Такъ, дойдя до революціи при Карлѣ I, Юмъ искренно думаетъ, что внѣшнія бездѣлки оскорбили народъ и произвели революцію; такъ, описывая крестовые походы, всѣ называли ихъ слѣдствіемъ убѣжденій Петра Пустынника, и Робертсонъ говоритъ вамъ это; также, какъ при реформаціи, вамъ указываютъ на индульгенціи и папскую буллу, сожженную Лютеромъ. Даже въ настоящее время, повѣствуя о французской революціи, развѣ не полагали, что философы развратили Францію; французы, по природѣ вѣтренники, одурѣли отъ чада философіи, и вспыхнула революція! Но когда описываютъ вамъ событія, то Юмъ и Робертсонъ говорятъ вѣрно, точно: и Карамзинъ также описываетъ событія, какъ критикъ благоразумный, человѣкъ, знающій подробности ихъ весьма хорошо. Только тамъ не можете положиться на него, гдѣ должно сообразить характеръ лица, духъ времени. Къ этому присовокупляется у Карамзина худо понятая любовь къ отечеству, онъ стыдится за предка, *раскрашиваетъ* (вспомнимъ, что онъ предполагалъ дѣлать это еще въ 1790 г.); ему надобенъ герой, любовь къ отечеству; и онъ не знаетъ, что отечество, любовь, геройство, для насъ имѣютъ не тѣ значенія, какія имѣли они для варяга Святославова, жителя Новгорода въ XI вѣкѣ, черниговца XII в., подданнаго Ѳеодора въ XVII вѣкѣ, имѣвшихъ свои понятія, свой образъ мыслей, свою особенную цѣль жизни и дѣлъ«.

---

## II.

Въ русскомъ обществѣ того времени совершался переломъ въ историческихъ взглядахъ. Шло два направленія: одни стояли за Нестора, другіе противъ; одни поклонялись Карамзину, другіе склонялись на сторону Каченовскаго; одни еще не могли отдѣлаться отъ Ролленя; тогда какъ другіе превозносили Нибура. Многіе-же, въ своихъ мнѣніяхъ, представляли хаотическое смѣшеніе взглядовъ этихъ двухъ направленій. Такъ представляетъ намъ этотъ вопросъ одинъ изъ любителей русской исторіи, искавшій для себя примиренія въ этихъ двухъ крайностяхъ, авторъ »Взгляда на русскую исторію«, помѣщеннаго въ журналѣ Надеждина »Телескопъ« (XVII т. 1833 г.). Но для насъ не можетъ быть сомнѣнія на чьей сторонѣ была истина, и заслуга Полеваго состоитъ именно въ томъ, что онъ пошелъ болѣе по слѣдамъ Нибура.

Неудовлетворившись Исторіею государства Россійскаго Карамзина, Полевой задумалъ написать »Исторію Русскаго народа« (6 томовъ, до Іоанна Грозн.), на заглавномъ листѣ которой значится: »Б. Г. Нибуру, первому историку нашего вѣка«. А въ посвященіи между прочимъ читаемъ: »Утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ исторію Россіи, столь вѣрно, сколь мои отношенія мнѣ позволяли. Кому-же другому, кромѣ Васъ, могу я посвятить сочиненіе, въ которомъ *съ такимъ направленіемъ* изображается политическая и нравственная жизнь исполинскаго царства, картину, хотя и неискусною рукою начертанную? При всѣхъ недостаткахъ, она достойна Вашего взора, и трудъ мой, съ именемъ Вашимъ, останется въ памяти другихъ. Довольно для меня если скажутъ, что историкъ русскаго народа *зналъ величіе генія Нибурова*, и Нибуръ не почелъ недостойнымъ своего имени почтительное приношеніе русскаго историка. Люди, подобные Вамъ, принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ, и каждый народъ, каждый вѣкъ составляютъ равно важный предметъ для наблюдательныхъ умовъ ихъ. Пусть мое приношеніе покажетъ Вамъ, что въ Россіи столько-же умѣютъ цѣнить и почитать Васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра«. Подобно Карамзину и Полевой написалъ подробное предисловіе къ своей »Исторіи Русскаго народа«, въ которомъ развилъ свои историческія воззрѣнія и высказалъ требованія, сообразно съ новыми историческими взглядами. Это предисловіе интересно въ сравне-

ніи съ предисловіемъ Карамзина, такъ какъ въ немъ Полевой постоянно имѣетъ въ виду послѣдняго (XI—LXXXII).

»Исторія человѣчества, говоритъ Полевой, начинается съ того времени, когда люди составили общество и явилась жизнь народовъ. При сихъ обстоятельствахъ началась борьба частной воли человѣка съ условіями всеобщаго бытія: перѣшимая задача безконечной жизни, угасающей для того, чтобы снова возникнуть и возникающей для того, чтобы снова угасать. Много времени протекаетъ, пока тотъ или другой вѣкъ находитъ для себя вѣрное мѣрило въ общемъ духѣ своего времени, служащемъ переходомъ къ новой борьбѣ.

»Только нашему вѣку суждено было познать истинное, по крайней мѣрѣ высшее, безкорыстное значеніе исторіи, очищенной отъ всѣхъ частныхъ стремленій, какія давали ей ошибки ума человѣческаго и эгоизмъ нашихъ страстей«.

Прежніе несовершенные взгляды на исторію Полевой раздѣляетъ на три направленія: 1) *поэтическое*, когда сложились представленія о золотомъ вѣкѣ, объ общеніи боговъ съ людьми, о небываломъ счастіи человѣка; 2) *героическое*, возвеличившее силу человѣка и прославившее подвиги людей, ставшихъ во главѣ извѣстныхъ родовъ, гордившихся своимъ прошедшимъ; 3) *нравственное*, старавшееся посредствомъ идеаловъ прошедшаго пересоздать настоящее. Такимъ образомъ всѣ эти воззрѣнія были обращены на прошедшее. Эти взгляды были общи древнимъ писателямъ и объясняются весьма легко. »Древніе не имѣли будущаго въ общей судьбѣ человѣчества, ибо идея человѣчества была имъ неизвѣстна. Каждый народъ существовалъ для самаго себя, уединялся отъ другихъ, и оттого въ грядущемъ могъ видѣть только зло. Оттого идеалъ ихъ переносился въ прошедшее, что не было ему мѣста въ будущемъ«.

Средніе вѣка повторили недостатки древнихъ. »Мы видимъ истинный хаосъ. Библейскія, превратно понимаемыя преданія замѣняютъ древнюю миѳологію; вѣкъ Греціи и Рима представляется въ союзѣ съ похожденіями варварскихъ предковъ каждаго народа, какъ вѣкъ героическій; разнообразная, разнородная философія Востока, Сѣвера и Запада, преображаетъ прошедшее въ уроки нравственности, чести и славы, въ формахъ многоразличныхъ и странныхъ. Измѣнялись вѣка, измѣнялась и исторія. Всѣ народы, всѣ общественныя учрежденія и званія почитали ее средствомъ доказывать свои права, свою справедливость. Стра-

сти и хитрость ума человѣческаго истощили всѣ средства, всѣ способы обманывать другихъ и самихъ себя ложными направленіями исторіи.

»Наконецъ, въ настоящее время видимъ ничтожность всѣхъ ложныхъ направленій исторіи. Съ идеею человѣчества исчезъ для насъ односторонній эгоизмъ народовъ; съ идеею земнаго совершенствованія, мы перенесли свой идеалъ изъ прошедшаго въ будущее и увидѣли прошедшее во всей наготѣ его; съ познаніемъ истинной философіи мы узнали, какъ слабы выводы, извлекаемые изъ мелкихъ и пристрастныхъ соображеній прошедшаго; свѣдѣнія о дикихъ, неизвѣстныхъ древнимъ племенахъ, пояснили намъ исторію первобытнаго человѣчества и разсѣяли мечты древнихъ о золотомъ вѣкѣ. Лѣстница безчисленныхъ переходовъ человѣчества и голосъ вѣковъ научили насъ тому, что уроки исторіи заключаются не въ частныхъ событіяхъ, которыя можемъ мы толковать и преображать по произволу, но въ общности, цѣлости исторіи, въ созерцаніи народовъ и государствъ, какъ необходимыхъ явленій каждаго періода, каждаго вѣка. Здѣсь только раскрываются для насъ тайны судьбы и могутъ быть извлечены понятія о томъ, что въ состояніи, что должны дѣлать человѣческая мудрость и воля, при законахъ высшаго, Божественнаго Промысла, неизбѣжныхъ и отъ насъ независящихъ».

Въ этихъ взглядахъ на ходъ историческаго развитія вполнѣ выразилось вліяніе идей Вико и Гердера на Полеваго. Далѣе, онъ переходитъ къ обязанностямъ историка. »Историкъ, говоритъ Полевой, напитанный духомъ философіи, согрѣтый огнемъ поэзіи, принимаясь за скрижаль исторіи, долженъ забыть и логическіе выводы первой, и цвѣтистыя краски второй. Онъ долженъ отдѣлиться отъ своего вѣка, своего народа, самого себя. Его обязанность *истина*—чистая, безпримѣсная, неувлекаемая ни духомъ системъ, ни поэтическимъ огнемъ, преображающимъ въ глазахъ нашихъ предметы... Историкъ не есть учитель логики, ибо исторія такой силлогизмъ, коего выводъ, или третья посылка, всегда остается перемѣнимымъ для настоящаго, а двѣ первыя не составляютъ полнаго, цѣлаго силлогизма. Историкъ и не судья, ибо составленіе обвинительныхъ актовъ даетъ поводъ подозрѣвать его въ пристрастіи; такъ-же, какъ и оправдательныхъ... Несносно и званіе учителя нравственности, заставляющее историка говорить апоѳегмами и сентенціями, какъ будто нравоученія, имъ подсказываемыя, могутъ

научать современниковъ и потомство, если дѣла и событія не могли научить ихъ.

»Положивъ въ основаніе *истину*, принявъ въ руководители *умозрѣніе и опытъ*, историкъ обязанъ только показать намъ прошедшее, такъ, какъ оно *было;* оживить представителей его; заставить ихъ дѣйствовать, думать, говорить, какъ они дѣйствовали, думали, говорили и слить жизнь каждаго изъ отдѣльныхъ представителей съ его вѣкомъ, временемъ; обставить изображенія ихъ тѣми отношеніями, царства и народы тѣми царствами и народами, коими сливалось они съ человѣчествомъ въ дѣйствительной своей жизни..... Отдѣлиться отъ своего времени, побѣдить собственное честолюбіе, пожертвовавъ и отношеніями, и мнѣніями, по которымъ кажется справедливымъ и несправедливымъ то или другое—вотъ обязанности историка«.

Обращаясь къ исторіи Россіи, Полевой продолжаетъ: »Ни мало не почитаю исторію Россіи для насъ любопытнѣе другихъ потому, что Россія есть наша родина... Любовь къ отечеству должна основываться не на сихъ воспоминаніяхъ, не на дѣтскомъ уваженіи, какое внушаетъ намъ родная сторона. Тѣмъ менѣе любовь къ отечеству можетъ увлекать и обольщать насъ въ понятіяхъ о прошедшемъ... Въ настоящей жизни, въ дѣйствіяхъ своихъ мы должны быть сынами отечества, гражданами Россіи, ибо космополитъ будетъ въ семъ отношеніи безумецъ, самоубійца въ гражданскомъ обществѣ. Такъ въ настоящемъ и совсѣмъ иначе въ прошедшемъ«.

Отдавая должное уваженіе русскимъ историкамъ до Карамзина за ихъ трудолюбіе въ собраніи матеріаловъ, онъ не удовлетворяется ни ихъ обработкою, ни критическими пріемами; Карамзину онъ воздаетъ хвалу за разысканія матеріаловъ, благородную смѣлось въ извѣстныхъ случаяхъ и обработку труда (»красоту и силу повѣствованія«). Но его исторія—исторія государей, а не государства, не народа. »Увлеченный ложнымъ понятіемъ о политической системѣ прошедшихъ временъ, почитавшій доказательствомъ любви къ отечеству желаніе *раскрасить*, расцвѣтить истину, часто жертвовавшій красотѣ повѣствованія истиною и критикою матеріаловъ, онъ можетъ быть причисленъ къ писателямъ, которые слѣдовали невѣрному направленію исторіи, названному нами героическимъ. Съ IX тома Карамзинъ почти отказывается отъ критики, X и XI томы еще слабѣе въ историческомъ достоинствѣ, XII томъ собранъ изъ немногихъ всѣмъ извѣстныхъ лѣтописей и государствен-

ныхъ актовъ: это повѣствовательный разсказъ, а не исторія, и Карамзинъ такъ писалъ его, что 5-я глава была еще не дописана имъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми 4-мя главами, было уже переписано и готово къ печати. Когда-же думалъ историкъ?....

»Названіе книги: »*Исторія Русскаго народа*«, показываетъ существенную разницу моего взгляда на исторію отечества отъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ... Я полагаю, что въ словахъ: *Русское государство*, заключалась главная ошибка моихъ предшественниковъ. Государство русское начало существовать только со времени сверженія монгольскаго ига. Рурикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Рогволодъ основали не одно, но отдѣльныя разныя государства. Три первыя были соединены Рурикомъ; съ переселеніемъ Олега въ Кіевъ послѣдовало отдѣленіе сѣверной Руси и образованіе оной въ видѣ республики. Кіевское государство отдѣлилось потомъ особо отъ Сѣвера и представляло особую систему феодальныхъ русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ измѣняется совершенно вся древняя исторія Россіи и можетъ быть только исторія *Русскаго народа*«.

Въ слѣдствіе этого Полевой не принялъ дѣленія на періоды ни Шлецера, ни Карамзина, а предложилъ свое. По его системѣ, 1-й періодъ слѣдуетъ считать до смерти Ярослава I (1054), когда окончилась норманская феодальная система на Руси; 2-й—до нашествія монголовъ (1224); 3-й до Іоанна III (1462); 4-й съ Іоанна III, какъ объединителя Россіи, до Петра В.; 5-й съ Петра, когда Россія вступила въ систему европейскихъ государствъ.

Излагая исторію Россіи, Полевой считалъ необходимымъ постоянно обращаться къ исторіи другихъ народовъ. »Разсказывая эти событія, говоритъ онъ, историкъ какъ будто поднимаетъ завѣсы, которыми отдѣляется позорище дѣйствій въ Россіи, и читатель видитъ передъ собою перспективы всеобщей исторіи народовъ, видитъ, какъ дѣйствія на Руси, по видимому отдѣльныя, были слѣдствіями или причинами событій, въ другихъ странахъ совершившихся« (см. стр. XIV—XLVI).

Въ »обозрѣніи матеріаловъ« Полевой не касается съ такою подробностью сомнительныхъ сторонъ древней лѣтописи, какъ это дѣлали скептики; но онъ принимаетъ преемственность лѣтописнаго труда въ монастыряхъ и въ такомъ смыслѣ признаетъ Нестора однимъ изъ монастырскихъ лѣтописцевъ, а самое названіе его лѣтописи считаетъ позднѣйшаго происхожденія. »Ни въ одномъ спискѣ, говоритъ онъ,

сказанія Нестора не отдѣлены отъ продолжателей, и все, сливаясь вмѣстѣ, будучи писано почти одинаковымъ образомъ, представляетъ безпрерывную цѣпь записокъ историческихъ, коихъ списатели намъ неизвѣстны« (стр. LX). Съ другой стороны, признавая въ древней лѣтописи много сказочнаго и записаннаго какъ преданіе, которымъ однако можно пользоваться для изображенія нравовъ того времени, онъ рѣшительно отказывается вносить въ исторію повѣствованія, образовавшіяся въ позднѣйшую эпоху, полагая такимъ образомъ раздѣленіе между историческимъ и позднѣйшимъ преданіемъ. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду опять Карамзина, пользовавшагося извѣстіями о Вадимѣ, Гостомыслѣ, пѣснями о Владимірѣ. »Я не рѣшался даже и упоминать о томъ, что не имѣетъ исторической достовѣрности«, говоритъ Полевой (LXXVIII).

Въ заключеніе »обозрѣнія матеріаловъ«, упоминая съ благодарностью о трудахъ, которыми онъ воспользовался (Добровскаго, Калайдовича, Востокова, Кеппена, Строева, Евгенія, Шлецера, Миллера, Лерберга, Френа, Круга и др.), Полевой говоритъ: »должно-ли забыть тѣхъ писателей, которые своими великими воззрѣніями на исторію, своими образцовыми твореніями, своею всеобъемлющею критикою учатъ насъ мыслить, соображать и писать? Нѣтъ! И въ семъ отношеніи знаменитыя сочиненія *нашихъ учителей: Нибуровъ, Гизо, Гееренов, Тьерри, Гердеровъ*, должны быть упомянуты *въ числѣ важнѣйшихъ предметовъ, предварительнаго изученія, которыхъ требуетъ всякая исторія, слѣдственно и Исторія Русскаго народа«* (LXXXII).

Полевой причислялъ Карамзина къ старой школѣ историковъ и считалъ его послѣдователемъ XVIII вѣка. Образцами Карамзину служили древніе и англійскіе писатели: Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ, Фергюссонъ, которые находились подъ сильнымъ вліяніемъ философіи того времени. Образцы Полеваго совсѣмъ другаго рода: это прежде всего Нибуръ; за тѣмъ Гееренъ, Гизо, Тьерри. Изъ образцовъ Карамзина мы встрѣчаемъ рядомъ съ названными одного Гердера, конечно благодаря его идеямъ о философіи исторіи человѣчества, на которое и Полевой смотрѣлъ, какъ на одинъ цѣльный организмъ въ историческомъ смыслѣ слова. Исторія Русскаго народа была написана въ противоположность Исторіи Россійскаго государства, и потому Полевой такъ богатъ возраженіями на послѣднюю. Его трудъ испещренъ примѣчаніями, направленными противъ мнѣній Карамзина.

Подобно Каченовскому, и Полевой въ извѣстномъ смыслѣ примыкаетъ къ критикѣ Шлецера; но на немъ уже отпечатлѣлось и болѣе близкое сопоставленіе событій русской исторіи съ исторіею всеобщею, какъ это было формулировано школою скептиковъ; у него мы встрѣчаемъ постоянныя параллели въ этомъ родѣ. Прослѣдимъ построеніе русской исторіи по плану Полеваго.

Онъ безапелляціонно принимаетъ, что основателями политическаго цѣлаго у русскихъ славянъ были скандинавы, и потому начинаетъ свое изложеніе съ нихъ: онъ разсматриваетъ бытъ норманновъ въ тотъ моментъ, когда проявилось ихъ движеніе въ исторіи Европы, и открываетъ общія черты у русскихъ норманновъ съ норманнами-основателями государствъ въ западной Европѣ. Варяги—есть испорченное греческое слово *φεδεραιοι*—союзники, какъ называли ихъ въ Византіи, а Русь—не означаетъ особеннаго племени, но только мореплавателей, тѣ мѣста, гдѣ собирались они на свои набѣги: отсюда одна изъ такихъ стоянокъ носила названіе Рослагенъ. Соображая тѣ мѣста древней лѣтописи о нашествіи Варяговъ, которыя принимаетъ во вниманіе Шлецеръ, Полевой въ слѣдъ за нимъ приходитъ къ заключенію, что Варяги завоевали славянъ, а не мирно пришли къ нимъ, но не слѣдуетъ предполагать, что выраженіе: »вся Русь« означаетъ большое число норманновъ: въ южной Италіи начало норманскаго государства было положено отрядомъ всего въ 40 человѣкъ. Но уже изъ самаго принципа завоеванія само собою слѣдуетъ допущеніе феодализма, и Полевой проводитъ его систематически. »Признавая власть главнаго Конунга (отсюда князь) владѣтели каждаго изъ городковъ, разсѣянныхъ на великомъ пространствѣ, принимали также именованія князей. Главный князь долженъ былъ требовать ихъ совѣта при сборѣ на войну и давать имъ часть пріобрѣтенной добычи; договоры заключались отъ имени *Великаго князя и удѣльныхъ князей*« (I, 72).

»Туземцы, покорные варягамъ, были рабы. Право жизни и смерти принадлежало князьямъ, равно какъ имѣніе туземца, самъ онъ и семейство его. По примѣру князя, туземцы принимались за оружіе и шли въ походъ, предводимые варягами, но по окончаніи похода оружіе у нихъ отбиралось и хранилось въ кладовыхъ князя« (ib. 73).

Въ противоположность Карамзину, Полевой не допускаетъ подробнаго описанія древняго быта славянъ восточныхъ и ограничивается лишь краткими замѣчаніями о полянахъ, древлянахъ и т. п., встрѣ-

чающимися въ древней лѣтописи. »Симъ ограничиваются, замѣчаетъ онъ, всѣ извѣстія нашихъ лѣтописей. Весьма трудно дополнять сіи извѣстія сказками, какія находимъ въ лѣтописяхъ, также позднѣйшими свѣдѣніями и оставшимися обычаями, или извѣстіями писателей европейскихъ, знавшихъ славянъ до переселенія ихъ съ Дуная, и писателей восточныхъ, описанія которыхъ чрезвычайно перепутаны.... Въ Исторіи государства Россійскаго Карамзинъ помѣстилъ весьма подробныя извѣстія о бытѣ древнихъ славянъ (т. I, глава III: О физическомъ и нравственномъ характерѣ славянъ древнихъ). Осмѣливаюсь замѣтить, что Карамзинъ сдѣлалъ большую ошибку: онъ перенесъ народныя повѣрья наши, нынѣшнія и извѣстія о зап. славянахъ, позднѣйшихъ, къ древнимъ славянамъ. Отъ того столь огромнымъ и подробнымъ явилось въ Исторіи государства Россійскаго описаніе самой миѳологіи славянской, мало намъ извѣстной, если будемъ *критически* разбирать свѣдѣнія объ оной, разнообразныя и невѣрныя« (I, 63—64). Шлецеръ, выходя изъ теоріи завоеванія сѣверныхъ славянъ варягами, видѣлъ въ послѣднихъ германскій, образовательный элементъ. Карамзинъ-же изобразилъ въ мягкихъ чертахъ бытъ славянъ. Но Полевой говоритъ: »Все заставляетъ насъ думать, что славяне были на степени образованія ни сколько не выше скандинавскихъ пришельцевъ-побѣдителей«, и изображаетъ ихъ такими-же грубыми чертами (ib. 69). Онъ не придаетъ особеннаго значенія извѣстіямъ о многочисленныхъ городахъ въ славянской землѣ. »*Городъ означаетъ мѣсто, огороженное стѣною,* для защиты, находившихся внутри его домовъ. Симъ разрѣшается недоумѣніе, что Варяги срубили города, когда города уже существовали у славянъ« (ib. 71). »Законы долженствовали быть такъ-же малосложны, просты и грубы: кровь за кровь, вира за преступленіе, возвращеніе похищеннаго, дѣлежъ наслѣдства по равну—вотъ почти все изъ законовъ этого народа, для котораго *обычаи* были *закономъ*. Таково было, заключаетъ Полевой, *первоначальное образованіе* государствъ варяжскихъ между славянскими народами. Послѣ громкихъ, великолѣпныхъ и подробныхъ описаній, какія до нынѣ передаваемы были намъ, подъ именемъ историческихъ свѣдѣній о началѣ Русскаго государства, картина, здѣсь начертанная, можетъ показаться блѣдною и недостаточною, *но она вѣрна и справедлива. Чувство любви къ отечеству*, уваженіе къ славѣ предковъ, *ложно* смѣшиваемое съ желаніемъ славы и счастья отечеству въ настоящее время, не должны вводить въ заблужденіе историка. Вѣкамъ *прошед-*

*нимъ* (Карамзинъ) предоставимъ странное честолюбіе видѣть гражданъ въ варварахъ славянскаго поколѣнія и героевъ въ хищникахъ варяжскихъ; но мы, гордясь славою настоящаго, будемъ *справедливы*, и увѣримся, что, только представляя себѣ событія въ *настоящемъ ихъ видѣ*, можемъ мы видѣть вѣрный ходъ ихъ, открывать причины и понимать слѣдствія» (ib. 81—82). Краткость извѣстій древнѣйшаго періода послужила для скептиковъ предлогомъ признать сомнительными самыя извѣстія. Но Полевой въ этой краткости видитъ правдивость данныхъ, только относится къ нимъ съ строгою критикою (ib. 82).

Въ переселеніи Олега на югъ онъ видитъ продолженіе завоеваній, начатыхъ варягами на сѣверѣ. Теперь Кіевъ становится центромъ политической жизни, а Новгородъ полагаетъ начало той политической свободы, которая такъ отличала его бытъ отъ остальныхъ русскихъ земель. Торговыя отношенія съ Византіею вызываютъ столкновенія съ нею, результатомъ которыхъ были извѣстные походы Олега, Игоря и Святослава — съ одной стороны, а съ другой—постепенное распространеніе христіанства въ Россіи. Илія, во имя котораго явилась первая церковь въ Кіевѣ, пока только замѣнилъ Перуна.» Въ позднемъ принятіи христіанства Ольгою, въ покровительствѣ ея христіанамъ еще язычницею, а равно въ идолослуженіи Владиміра св. и потомъ въ переходѣ его въ христіанство, Полевой съумѣлъ подмѣтить политическіе интересы.

Разбирая извѣстные договоры русскихъ князей съ византійцами, Полевой отдѣляетъ договоры отъ лѣтописныхъ извѣстій о походахъ, и какъ въ однихъ видитъ первые письменные памятники русскихъ славянъ, такъ въ другихъ замѣчаетъ черты вымысла и фантазіи. Въ успѣшномъ походѣ Олега онъ видитъ успѣхъ варяжскаго элемента, грознаго тогда въ Европѣ; но этотъ успѣхъ послужилъ предметомъ сказаній, зашедшихъ въ лѣтопись. «Счастливый походъ Олега подъ Царьградъ, говоритъ онъ, былъ прославленъ современниками. Они передали его намъ въ поэтическомъ изображеніи. Поэмы скальдовъ, можетъ быть сопровождавшихъ Олега къ Царьграду, явно внесены въ наши лѣтописи: онѣ показываютъ намъ понятія и образъ мыслей тогдашнихъ руссовъ. Лѣтописи говорятъ о сборахъ Олега, какъ о сборахъ новаго Агамемнона... Оставимъ вымыслы поэзіи, и удовольствуемся вѣроятною истиною. Обзоръ наблюдателя можетъ отыскивать темные слѣды ея въ самыхъ сказкахъ» (ib. 116—118). За тѣмъ, изобразивъ баснословный характеръ похода Олега по лѣтописи и договорные пункты по самому договору, внесен-

ному въ нее, Полевой заключаетъ: »сей договоръ показываетъ намъ часть законовъ, существовавшихъ въ Руси, и служитъ поясненіемъ грубыхъ, немногосложныхъ правъ того времени. *Кровь за кровь, или плата за убійство; плата въ случаѣ побоевъ; право наслѣдства и распоряженіе собственностью; законы о воровствѣ и обыскѣ; присяга въ случаѣ недостатка свидѣтельствъ; возвращеніе втрое противъ похищеннаго* составляютъ всю сущность законоположеній« (ib. 132). Полевой удивляется, какъ могъ Карамзинъ извѣстіе лѣтописца о плачѣ народа по смерти Олега—принять за чистую монету, когда лѣтописи говорятъ тоже чуть ни о каждомъ князѣ, и еще болѣе, какъ Карамзинъ, допуская величіе Олега, могъ усумниться въ чистотѣ его, потому только, что тотъ убилъ Аскольда и Дира! (133). »Не будемъ представлять себѣ Олега тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, говоритъ Полевой, героемъ *по нашему* образу мыслей. Варягъ, искавшій добычи и переплывавшій моря для грабежа и разоренія земель чуждыхъ, не можетъ быть обвиняемъ, какъ гражданинъ устроеннаго общества. Отвага, смѣлость, храбрость, жадность къ покоренію народовъ, не для блага и счастья ихъ, но для добычи, для власти: таковы были свойства и дѣла варяжскихъ завоевателей. Въ семъ случаѣ всякія средства казались имъ позволительными. Олегъ, убійца храбрыхъ кіевскихъ владѣтелей, виновнѣе-ли грабителей невинныхъ обитателей Греціи? Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертію Аскольда и Дира« (стр. 104).

Точно также баснословный характеръ видитъ Полевой и въ разсказахъ лѣтописца о походѣ Игоря; тѣмъ болѣе, что самый договоръ свидѣтельствуетъ о неудачѣ послѣдняго (147). Къ сомнительнымъ сказаніямъ онъ относитъ всѣ подробности лѣтописи о мщеніи Ольги древлянамъ, о приходѣ пословъ отъ разныхъ народовъ, съ предложеніемъ вѣры Владиміру св., о путешествіи св. Андрея въ Россію, о походѣ Владиміра на Камскихъ Болгаръ, а о Рюрикѣ онъ готовъ даже думать, какъ о миѳѣ. »Если вспомнимъ, замѣчаетъ онъ, что слово *Rik* имѣло символическое значеніе: *богатый, знатный* (тоже, что германское Reich), что Бѣлоозеро и Изборскъ, упомянутые при началѣ, какъ владѣнія Рурика, потомъ теряются въ лѣтописяхъ; что Олегъ беретъ въ послѣдствіи землю Кривичей, а Рогволодъ владѣетъ въ Полоцкѣ, отдѣльно завладѣвши имъ, то гдѣ тогда будутъ владѣнія Рурика и самъ Рурикъ? Тройство братьевъ варяжскихъ явно походитъ на миѳъ... Сличите

тройство Кія, Щека и Хорева, трехъ сестеръ богемскихъ, дочерей Крока; трехъ ирландскихъ завоевателей и безчисленное множество подобныхъ басенъ« (ссылка на Шлецера) (53). И хотя Полевой разсказываетъ всю эту исторію, но потомъ вторично повторяетъ: »Лѣтопись о Ромулѣ, Нумѣ и соединеніи Сабиновъ съ Римлянами, конченная на югѣ Европы за *семь вѣковъ до Р. Х.*, въ Руси началась въ *девятомъ вѣкѣ по Р. Х.*, Рурикомъ, Олегомъ, соединеніемъ Славянъ съ Варягами. Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о Ромулѣ, Нумѣ, похищеніи сабинокъ, какъ о миѳахъ, въ которые облечены были древними историческія событія, а не хотимъ сказать, что въ самомъ дѣлѣ *жили, были* Ромулъ, Ремъ, Нума, что сабинки точно были похищены, примирили мужей съ отцами и проч. *Послѣ Нибура стыдно не знать настоящей исторіи древняго Рима*«, и ссылается *по необходимости* на рецензію соч. Нибура, помѣщенную въ Моск. Телегр., такъ какъ самое сочиненіе не переведено на русскій языкъ (томъ II, 18, 19).

Критическій взглядъ на общій ходъ историческихъ событій заставлялъ Полеваго осторожно относиться и къ древнѣйшимъ памятникамъ русской исторіи вообще. Онъ не отвергаетъ безусловно церковныхъ уставовъ Владиміра св. и Ярослава I, но видитъ въ настоящей ихъ редакціи позднѣйшія искаженія; въ словахъ лѣтописца (новгор.), что Ярославъ далъ новгородцамъ Уставъ и Правду, по которымъ они должны были жить, онъ не видитъ указанія на Русскую Правду, о которой высказываетъ слѣдующее мнѣніе: »Сообразивъ: 1) что Правда Русская является въ разныхъ спискахъ, сокращеннѣе и полнѣе; 2) что въ одномъ и томъ-же спискѣ оной являются измѣненія, противорѣчія, повторенія, доказывающія разновременное составленіе каждаго списка, мы думаемъ, что Правда Русская была сводомъ законовъ, или, лучше сказать,—собраніе замѣтокъ о законахъ русскихъ, составленное въ Новгородѣ, разными посадниками, въ разное время, чѣмъ руководствовались новгородцы при судопроизводствѣ, т. е. что Правда Русская есть сборникъ того, что прежде сохранялось въ преданіяхъ словесныхъ, что сборникъ сей дополнялся и измѣнялся; но что основаніе его древнее. Думать, что Русская Правда есть правильное уложеніе, которое вдругъ написалъ Ярославъ, можетъ только незнакомый съ историческою критикою и образомъ составленія уложеній въ средніе времена« (I, 256, 271—272). Подъ именемъ Устава и Правды, означенныхъ въ приведенномъ мѣстѣ новгородской лѣтописи, Полевой разумѣетъ льготныя грамматы, данныя имъ Новгороду.

Но, выходя изъ скептическаго основанія, Полевой не принимаетъ его крайнихъ выводовъ; точно такъ-же, какъ онъ не впадаетъ и въ идеализацію Карамзина, отъ которой онъ еще болѣе далекъ. »Есть люди, говоритъ онъ, которые вовсе отвергаютъ древность Русской Правды. Они видятъ въ ней уложеніе, въ позднѣйшія времена, послѣ Ярослава, составленное; такимъ людямъ надобно прежде всего забыть слово: *уложеніе*, и замѣнить его словомъ: *сборникъ*. Тогда они увидятъ всю нелѣпость предположенія своего. Пусть сообразятъ они простоту, грубость, малосложность Русской Правды, и идутъ отъ нея *постепенно* до Судебника и Уложенія; они поймутъ *постепенность переходовъ*, которой не знали наши лѣтописцы, но мы знаемъ, и должны знать. При такомъ наблюденіи легко будетъ убѣдиться, что въ Русской Правдѣ соединены древнѣйшіе скандинавскіе, германскіе и отчасти славянскіе законы, съ установленіями русскихъ князей и новгородскаго вѣча, до самаго XIII вѣка, отъ котораго остался намъ древнѣйшій списокъ Русской Правды« (II, 151—153). Итакъ, исходный пунктъ у скептиковъ и Полеваго одинъ и тотъ-же; разница въ томъ, что первые отвергали Русскую Правду какъ памятникъ XI в., а Полевой, принимая XIII в. за время конечнаго ея развитія, полагаетъ въ основаніе древнее начало. Конечно, такой взглядъ представляется намъ болѣе историческимъ. За то, тѣмъ труднѣе было согласиться автору съ мнѣніемъ Карамзина. Показавъ, что, въ своемъ основаніи, Правда Русская представляется произведеніемъ дикаго общества, еще мало имѣющаго понятія о самыхъ первыхъ потребностяхъ общества, онъ восклицаетъ: »Неужели удивленіе къ Русской Правдѣ есть *доказательство патріотизма?* Если не такъ, то чему-же приписать слѣдующія замѣчанія нашихъ историковъ« и далѣе идутъ выраженія Карамзина, въ которыхъ тотъ восхищается мудростью, честью и уваженіемъ къ порядку и чужой пользѣ въ законахъ Ярослава. »Мы не кончили-бы, заключаетъ Полевой, еслибъ захотѣли пересказать все, что наговорено въ неумѣстную похвалу древнихъ законовъ русскихъ. Сличите, что въ XVIII в. думали и писали о древнихъ германскихъ законахъ: Карамзинъ былъ отголоскомъ сихъ мнѣній и своихъ предшественниковъ« (ib. II, 187, 188).

Для подтвержденія своего взгляда на Русскую Правду, Полевой предлагаетъ сравнительное изученіе ея постановленій съ средневѣковыми законодательными памятниками, за которыми отсылаетъ къ Исторіи Римскаго права въ средніе вѣка Савиньи и замѣчаніямъ Гизо о саличе-

скихъ законахъ въ Исторіи цивилизаціи Франціи. Въ послѣднихъ, какъ предназначившихся для первыхъ потребностей общества, на первомъ планѣ стоятъ уголовныя постановленія, имѣющія цѣлью оградить общество отъ преступленій наказаніемъ. Это первый шагъ изъ варварскаго состоянія къ общественности. Вотъ настоящая точка зрѣнія и на русскіе древніе законы! восклицаетъ Полевой (II, 152, 188, 189). Но онъ далекъ былъ отъ мысли въ подобіи древнихъ русскихъ законовъ видѣть одно заимствованіе отъ германцевъ, или скандинавовъ. Сравнительный способъ изслѣдованія и здѣсь предостерегъ Полеваго отъ крайняго вывода. »Подумаешь, говоритъ онъ, что каждый обязывался представить свое отдѣльное предположеніе, не думая о тѣхъ истинахъ, что духъ человѣческій вездѣ проявлялся одинаково, и измѣняла его только мѣстность; что ни одинъ народъ и никогда не списывалъ вполнѣ и не бралъ цѣликомъ законовъ другаго, и законодательство нигдѣ не ограничивалось одинмъ источникомъ« (II, 190).

Вопросъ о древнихъ монетахъ, найденныхъ съ именами Ярослава и Владиміра, Полевой совершенно обходитъ; такъ какъ, по его мнѣнію, онъ не разрѣшимъ. »Вѣримъ добросовѣстности нашихъ нумизматовъ, замѣчаетъ онъ мелькомъ, но не смѣемъ подтверждать ихъ мнѣнія«. (I, 273).

Какъ завоеваніе славянъ Варягами положило начало политической исторіи Россіи, такъ вліяніе Греціи укрѣпило политическій бытъ ея. »Сношенія съ Греціею, говоритъ Полевой, ознакомили Руссовъ съ вѣрою, законами и государственными постановленіями Греціи. Здѣсь Руссы хорошо узнали новый, неизвѣстный имъ дотолѣ образъ правленія, льстившій честолюбію владѣтеля, а гражданамъ дававшій болѣе увѣренности въ благоденствіи, нежели феодальная, военная система Варяговъ. Власть, соединенная въ особѣ одного государя, у коего всѣ жители, послушныхъ ему областей, подданные, а не участники въ правленіи, не раздробители его гражданскаго и военнаго могущества, возвышала славянъ, уничтожала аристократію Варяговъ и уравнивала дружины княжескія съ другими гражданами.... Здѣсь начало новаго образа правленія въ Руси, и Ольга успѣшно предприняла и продолжала его«. За тѣмъ, упомянувъ о путешествіи Ольги по русской землѣ, для установленія порядка, авторъ замѣчаетъ: »Новая система правленія проникла, слѣдственно, повсюду, скрѣпляя части въ единое цѣлое« (I, 155—157). А Владиміръ св. утверждаетъ уже настоящую монархію. Это »самое

важное обстоятельство въ дѣлахъ Владиміра. Онъ первый началъ рѣшительно отставать отъ скандинавскихъ обычаевъ и понимать, что онъ властитель не малочисленныхъ варяговъ, но смѣшанныхъ съ ними многочисленныхъ племенъ славянскихъ. Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ, всѣ, кромѣ Ольги, дѣйствовали, какъ будто пришельцы, только мыслили о сборѣ дани, о набѣгахъ и походахъ. Владиміръ понялъ, что туземцы должны составлять его истинную силу и могущество. Удаливъ дружины пришлыхъ Варяговъ, онъ окружилъ себя Русскими и Славянами. Двое сыновей его названы были славянскими именами (Борисъ и Глѣбъ). Славянскій языкъ, бывшій уже въ общемъ употребленіи и превозмогавшій языкъ варяжскихъ пришельцовъ, совершенно возобладалъ Русью и всѣми подвластными ей племенами. Варяжская аристократія не существовала, но слѣды ея оставались въ независимости воинскихъ дружинъ и силѣ полководцевъ, еще напоминая феодализмъ варяговъ: Владиміръ вполнѣ замѣнилъ его азіатскою монархіею, сходною съ основными нравами славянъ. Дружина воинская и бояре Владиміра стали *не товарищи*, но рѣшительно *подданные* его. Различіе между Славяниномъ и Руссомъ исчезло: остались только *свободные люди* и *рабы* ихъ«. Владиміръ раздавалъ города своимъ дѣтямъ, не смотря даже на ихъ малолѣтство: ему нужно было *имя сына*. »Тогда явились не *удѣлы*, но *области*, правимыя дѣтьми одного самовластнаго государя«. Такъ образовалась совершенно новая, восточная система правленія (I, 200—202). Этого мало: Владиміръ старался утвердить свое значеніе, даровавъ духовенству важныя права. Но это передало въ руки духовенства обширную власть, и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды страха, какой наводилъ судъ духовныхъ на всѣхъ міранъ (I, 231). Бросая общій взглядъ на этотъ періодъ, Полевой замѣчаетъ, и опять въ противовѣсъ мнѣнію Карамзина, что »не Владиміра, не Ярослава должно винить въ ошибкахъ политики и въ преступленіяхъ (разумѣются: междоусобія и раздѣленіе земли на удѣлы); *но духъ времени*. Феодализмъ, гибельный и страшный для государей и подданныхъ, во всей Европѣ тогдашней былъ причиною дѣлежа областей наслѣдникамъ, и вездѣ причинялъ такія-же бѣдствія, какія видѣла отъ него Русь« (I, 275).

Отсюда ясно, что Полевой выскажетъ иной взглядъ на удѣльный періодъ, нежели Карамзинъ. Если общество развивается *постепенно* и при томъ *естественно*, то удѣльный періодъ долженъ составлять только извѣстную ступень въ этомъ развитіи. Такъ именно и смотритъ По-

левой. «Какъ хладны остатки давно истлѣвшихъ предковъ нашихъ, такъ хладнокровенъ долженъ быть наблюдатель, ищущій въ дѣяписаніяхъ истины и внимающій гласу исторіи.... Мы привыкли обозначать извѣстныхъ людей, извѣстные періоды, условными прилагательными, и часто ничего нѣтъ нелѣпѣе подобныхъ, затверженныхъ нами, но, тѣмъ не менѣе, ложныхъ прозваній. Такъ, донынѣ Юліанъ Отступникъ, Константинъ Вел., Юстиніанъ, Сенека, Эпикуръ, Людовикъ XIV, представляются намъ въ старыхъ, несправедливыхъ понятіяхъ: Юліанъ злодѣемъ и чудовищемъ; Юстиніанъ великимъ законодателемъ; Сенека краснорѣчивымъ стоикомъ; Эпикуръ развратнымъ сластолюбцемъ; Людовикъ покровителемъ учености и мудрымъ, великимъ государемъ. Обратимся къ русской исторіи. Приступая къ описанію событій послѣ Ярослава, Карамзинъ ужасается, готовъ вѣрить, что небо и земля чудесами возвѣщали русскимъ грядущія бѣдствія..... Не приводимъ другихъ мѣстъ, гдѣ находятся въ Исторіи государства Россійскаго подобныя мнѣнія, вовсе не прагматическія, не философскія, и просто—несправедливыя.... Отличіе періода удѣловъ замѣчательно не излишествомъ бѣдствій, но особеннымъ противъ перваго періода ходомъ дѣлъ. Ужасы и бѣдствія были не меньше и въ первомъ періодѣ.... Но, забывая все сіе, донынѣ каждый русскій историкъ долгомъ почиталъ ужаснуться и погоревать послѣ смерти Ярослава. Напротивъ, послѣдствія намъ покажутъ, что образованіе народное *постепенно болѣе и болѣе* увеличивалось въ періодъ удѣловъ, и что сей періодъ былъ *необходимымъ* для развитія жизненныхъ силъ по всѣмъ землямъ русскимъ, силъ, сосредоточивавшихся до смерти Ярослава только въ Кіевѣ и Новгородѣ» (II, 8—11).

Изображенію дальнѣйшаго періода Полевой предпосылаетъ обширное сравненіе исторіи Западной и Восточной Европы. И тамъ, и здѣсь въ средніе вѣка встрѣчается міръ варваровъ; но варвары на Западѣ утверждаются на развалинахъ древней образованности, и потому ранѣе выходятъ изъ своего состоянія. Россія въ этотъ періодъ стояла въ сторонѣ отъ Запада, а связи съ Восточною, распадавшейся имперіей, мало давали образовательнаго элемента. Такимъ образомъ Русь замкнулась сама въ себѣ. При установившемся порядкѣ, Россія не могла сдѣлаться пока единодержавною, вопреки мнѣнію Карамзина. Дробленіе земли на части, по феодальному образцу, но въ семьѣ княжеской, привело къ *феодализму семейному*. Совокупность русскихъ земель за этотъ періодъ представляется Полевому какъ союзъ феодальныхъ міровъ,

соединенныхъ въ рукахъ одного княжескаго рода. Такова политическая система южной Руси. Въ средніе вѣка главнымъ источникомъ богатствъ были: *воинская сила и торговля* (II, 51). Первая стала достояніемъ юга, вторая сѣвера, гдѣ успѣлъ возвыситься Новгородъ. Онъ возвысился, благодаря удаленію отъ политическихъ событій юга.

Исторія Новгорода есть повтореніе исторіи городскихъ общинъ въ другихъ земляхъ Европы (II, 57), говоритъ Полевой и примѣняетъ къ нему выводы по этому вопросу Галлама, Робертсона, Сисмонди и особенно Тьерри и Гизо, извлеченіе изъ котораго о городскихъ общинахъ помѣщаетъ даже въ особомъ приложеніи. Эта параллель въ исторіи западныхъ общинъ и Новгорода сдѣлана блестяще. »Если сообразить исторію Новгорода, говоритъ онъ, невольно изумляешься сходству оной съ исторіею свободныхъ городовъ Италіи, Франціи и Германіи; *здѣсь не было подражанія, но только одинакія обстоятельства* произвели одинакія слѣдствія. Не менѣе изумительно и сходство правъ и преимуществъ новгородскихъ съ правами и преимуществами вольныхъ городовъ въ Италіи и Франціи..... Князья окружные были тоже въ отношеніи къ Новгороду, что бароны французскіе для Камбре, Нойона, Бове и Сенъ-Кантена; князь кіевскій тоже, что короли французскіе для сихъ городовъ« (стр. 62—73).

Обращаясь къ устройству остальныхъ русскихъ земель, Полевой отмѣчаетъ такую же параллель съ историческими явленіями Западной Европы. Въ этомъ случаѣ онъ опирается на другую мысль Тьерри, который указалъ, что раздѣлъ Карловой монархіи былъ результатомъ борьбы народностей; чему соотвѣтствуетъ, по Полевому, дѣленіе русскихъ княжествъ по славянскимъ народностямъ, т. е. племенамъ. Система удѣловъ у него соотвѣтствуетъ феодальной системѣ, со всѣми ея аттрибутами; княжескіе съѣзды удѣльнаго періода—это assemblées législatifes и parlement du champ de mars; за тѣмъ онъ отмѣчаетъ еще федеративные союзы отдѣльныхъ княжествъ, нѣчто въ родѣ политическихъ лигъ (II, стр. 84—87).

---

### III.

Первая глава 2-го тома посвящена авторомъ »картинѣ Россіи до XIII в. въ географическомъ, политическомъ, общественномъ и прав-

ственномъ отношеніи» и отличается многими глубокими соображеніями или замѣчаніями.

»Указавъ границы русскихъ областей, говоритъ авторъ, мы должны присовокупить къ сему, что подъ сими границами не должно разумѣть постоянныхъ рубежей, уважаемыхъ сосѣдями, защищенныхъ правильно и крѣпко, за коими начинались-бы области, безопасно правимыя князьями.... Жизнь русскаго народа сосредоточивалась окрестъ мѣстопребыванія повелителя. Такія мѣста составляли Кіевъ и Новгородъ. Чѣмъ далѣе отъ нихъ, тѣмъ болѣе слабѣла жизнь общественная, соединяясь, но уже слабѣе, окрестъ Смоленска, Чернигова, а на сѣверѣ окрестъ Изборска и другихъ городовъ. Переяславль, Владиміръ, Ладога, Туровъ стояли на границахъ; отъ нихъ далеко внутрь земли, не было общественной жизни, ибо страхъ вторженія не дозволялъ быть здѣсь безопаснымъ. Граница легко подвигалась далѣе, въ землю сосѣдей, при успѣхѣ, и также легко удалялась внутрь, при неудачѣ. Съ раздвиженіемъ, новый городъ въ бывшей непріятельской землѣ означалъ новую границу; старая граница становилась внутреннею областью и заселялась. Ростовъ, Муромъ и Тмутаракань были собственно колоніи южныхъ Руссовъ, сообщавшихся съ ними областями чрезъ пустыни и области независимыхъ данниковъ.... Успѣхи общественности въ русскихъ внутреннихъ областяхъ показывались именно тѣмъ, что области сближались одна съ другою устроеніемъ городовъ, а въ пространствѣ между городами, постепенно, селъ и деревень«. Неопредѣленность границъ вела къ постояннымъ междоусобіямъ. Отсюда ясно, что Полевой пытался уже объяснить явленія народной жизни и фактъ колонизаціоннаго заселенія страны, хотя въ частностяхъ его положенія грѣшатъ противъ исторіи. Такъ Ростовъ вѣрнѣе былъ колоніею новгородскою, а Муромъ, находившійся также подъ этимъ вліяніемъ, составлялъ средоточный пунктъ отдѣльнаго финскаго племени—Муромы и получилъ свое начало чуть-ли не въ періодъ ея самостоятельности. Въ наслѣдованіи престола старшимъ въ родѣ князей—Полевой видитъ одинъ изъ коренныхъ законовъ земли. Это впрочемъ показываетъ, что онъ мало былъ знакомъ съ извѣстною книгою Эверса о Древнемъ Русскомъ правѣ, гдѣ впервые была установлена правильная система, уяснившая сущность этого вопроса, основаннаго на родовомъ бытѣ, хотя и эта система, въ своихъ крайнихъ выводахъ, привела къ такой-же односторонности.

Въ изслѣдованіи явленій общественной жизни особенное вниманіе

обращаютъ на себя замѣчанія Полеваго о религіозномъ и умственномъ состояніи общества того времени.

»Принявъ вѣру христіанскую по повелѣнію, видя въ духовныхъ сановникахъ особаго рода властителей, не понимая таинствъ религіи, ужасаемые въ будущемъ страшными карами за малѣйшее помышленіе, Руссы не могли найти въ религіи крѣпкой утѣшительницы и спасительницы своей. Повелѣнія религіи христіанской противились ихъ наклонностямъ: наказанія слѣдовали за отступленіемъ отъ правилъ; эпитиміи ужасали провинившихся; адская мука грозила сомнѣвающемуся. Въ поученіяхъ духовнаго пастыря прежде всего предписывалось: »не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутрени, обѣдни, вечерни. Въ своей клѣти, ложась спать, помолись Богу, и потомъ ложись въ постелю«. Засимъ уже слѣдовали нравственныя правила. Разсматривая уставы древнихъ церковныхъ сановниковъ Руси, находимъ, что обряды самые мелочные занимали ихъ. Странные вопросы возникали, и суевѣріе грубое существовало между самыми духовными«. Вѣрный своему способу сравнительнаго изученія, Полевой и въ этомъ случаѣ прибѣгаетъ къ параллели всего сказаннаго съ состояніемъ религіознаго ученія на Западѣ и говоритъ словами Мосгейма, что »изъ подобныхъ наставленій можно видѣть, что такое христіанинъ, но въ нихъ нѣтъ ни слова о любви къ Богу, ни о правосудіи, ни о любви къ ближнимъ«.

Далѣе. »Схоластическіе споры, суевѣріе, все, что затемняло святую вѣру въ Греціи, перешло и къ Руссамъ. Безпрерывно являлись предвѣстія, наважденія діавола, таинственныя знаменія... Всего-же болѣе бѣсовское волхвованіе бываетъ чрезъ женъ, ибо искони прельстилъ бѣсъ жену, а она прельстила мужа«. При этомъ авторъ выписываетъ изъ лѣтописи нѣсколько примѣровъ въ подобномъ родѣ, хотя могъ-бы представить и сотни. Но онъ не забываетъ напомнить: »Сообразите послѣ сего изображеніе русскихъ нравовъ до XIII в., сдѣланное Карамзинымъ, и вы увидите, какъ несправедливо смотрѣлъ онъ на религіозныя понятія и нравы тогдашніе«; тѣмъ болѣе, что примѣры, представленные авторомъ, всѣ взяты изъ кенигсбергскаго списка Несторовой лѣтописи, слѣдовательно памятника извѣстнаго Карамзину (II, 196—197). А послѣдній, въ извѣстіяхъ лѣтописца о небесныхъ явленіяхъ, видѣлъ глубокую наблюдательность (»съ великою точностью«), чуть не астрономическую; въ наставленіяхъ духовныхъ—высокую образованность; а въ тогдашнихъ монастыряхъ—пріютъ наукъ и художествъ (т. III, гл. VII).

Громадная разница во взглядѣ, а между тѣмъ книги авторовъ отдѣлены всего 15 годами!

»При такомъ направленіи религіозныхъ понятій, продолжаетъ Полевой, нравственныя предписанія вѣры терялись для народа въ обрядахъ, соблюденіи формъ, внѣшнемъ уваженіи къ церкви и священникамъ.... отъ сего долженствовало произойти двумъ крайностямъ: лицемѣрному безбожію и неограниченному религіозному восторгу« (200, 201). Порицанія свѣтской жизни, »приводя въ уныніе, многихъ заставляли рѣшительно отказываться отъ суеты міра. Влекомые жаркою вѣрою, многіе небрегли уже объ общественной жизни, оставляли дѣла, семейства, шли въ монастыри; другіе давали обѣты путешествовать въ Іерусалимъ« (203). »Понятно, что религія Руссовъ была или вѣрованіемъ, коего чудеса и мистика, замѣнившія чудеса и мистику идолослуженія, горячо были принимаемы мірянами, старавшимися при томъ исполнять церковные обряды, или увлекающимъ душу восторгомъ набожности. То и другое не показывало въ религіи христіанской кроткой руководительницы ума и сердца; небеснаго вождя, который не воспрещаетъ прелестей міра и общества, не указываетъ на жизнь отшельника, какъ на высшую степень благочестія, и позволяетъ уму просвѣщаться знаніями«.

Какъ примѣръ распространенія подобныхъ идей въ обществѣ Полевой приводитъ въ полномъ видѣ поученіе Мономаха дѣтямъ, на основаніи котораго заключаетъ: »И такъ, вся мудрость, все просвѣщеніе, какое могъ передать отецъ дѣтямъ, состояли въ нравственныхъ наставленіяхъ, въ подтвержденіи, чтобы притомъ они исполняли обряды вѣры и молились. Вспомнимъ, что мы прочитали завѣтъ государя, и притомъ государя, превышавшаго умомъ и образованіемъ всѣхъ современниковъ. Перейдите отъ сего къ низшимъ званіямъ, къ рабамъ, которыхъ бытіе казалось столь ничтожно, и вы поймете образованность того времени. Вообще свѣтъ наукъ и знаній освѣщалъ тогда Востокъ и Малую Азію. Европа была въ глубокомъ мракѣ. Древніе славяне знали земледѣліе и скотоводство, начало нѣкоторыхъ ремеслъ, строили домы, умѣли дѣлать грубое оружіе, имѣли нѣсколько грубыхъ музыкальныхъ инструментовъ, пѣли дикія пѣсни, знали раздѣленіе времени, считали нарѣзками, симъ ограничивалось все. Варяги не могли принести къ нимъ никакихъ новыхъ познаній, кромѣ усовершенствованія военнаго искусства, устройства крѣпостей и городовъ. Ознакомленіе руссовъ съ

греками, особливо введеніе христіанской вѣры, умножили знанія въ Руси; но всѣ они касались только удобствъ жизни или относились къ новой религіи. Такъ искусство читать, писать, строить, иконописаніе, цѣленіе болѣзней, начало ремеслъ, усовершенствованіе военнаго искусства, были слѣдствіемъ ознакомленія руссовъ съ греками и другими народами. Но, *собственно умъ* коснѣлъ въ лѣности и невѣжествѣ, а *схоластика* губила всѣ начала его опытовъ.... Письменность сосредоточивалась въ религіи и духовенствѣ... Слогъ вообще есть подраженіе греческой современной риторикѣ... Языкъ вообще теменъ, не смотря на многословіе. Безпрестанныя риторическія украшенія; выписки текстовъ изъ священнаго писанія; стараніе доказывать силлогизмами; грубость нравовъ, выказывающаяся изъ-подъ блеска ораторскаго—вотъ отличительныя черты древней русской письменности. Таковы всѣ памятники и западнаго краснорѣчія того времени« (214—224).

Подъ это опредѣленіе подводитъ Полевой и остальныя черты тогдашней образованности: архитектуру, живопись и т. п. Причины упадка науки въ средніе вѣка, въ слѣдствіе паденія древняго міра и религіознаго фанатизма, представлены Полевымъ весьма точно и правдоподобно. Вообще, вездѣ въ подобныхъ вопросахъ у Полеваго виденъ положительный умъ, незатемненный ложными представленіями и напрасною сантиментальностью.

И такъ, образованность тогдашней Россіи представляется Полевому младенчествующею. Но онъ указываетъ на одинъ элементъ, который проявляется въ обществѣ съ первыми понятіями о религіи, природѣ и человѣкѣ—это поэзія. Первая поэзія бываетъ лирическая, изъ которой уже развиваются эпосъ и драма. Онъ полагаетъ, что первыхъ князей русскихъ сопутствовали скальды, но введеніе христіанства, преслѣдовавшаго всякое языческое проявленіе, сгубило эту поэзію, и она или приняла христіанскія черты, или сохранилась еще въ народѣ. Вотъ замѣченные Полевымъ остатки прежней поэзіи въ лѣтописи: 1) завоеваніе Кіева Хазарами; 2) смерть Аскольда и Дира; 3) походъ Олега къ Царьграду; 4) смерть Олега; 5) походъ Игоря къ Царьграду; 6) мщеніе за смерть Игоря; 7) крещеніе Ольги; 8) походъ Святослава въ Булгарію; 9) исторія Рогнѣды полоцкой; 10) битва съ Печенѣгами; 11) спасеніе Бѣлгорода; 12) походъ Мстислава на Косоговъ.

»Вотъ цѣлый рядъ поэмъ, въ коихъ изложена древняя исторія«, замѣчаетъ Полевой. Въ этихъ сагахъ онъ видитъ вліяніе скандинавскихъ

скальдовъ, пѣвшихъ ихъ передъ князьями. При этомъ Полевой снова отсылаетъ читателя къ труду Нибура. »Тамъ, говоритъ онъ, вполнѣ раскрыто, какъ изъ римскихъ сагъ образовались повѣствованія о Ромулѣ, Нумѣ Помпиліи, и внесены въ исторію«. Внесеніе сагъ въ лѣтописи прекращается, когда лѣтописцы начинаютъ описывать современныя событія. Такъ бываетъ у всѣхъ народовъ (—276).

Обращая свой взглядъ на все состояніе общества за прошлый періодъ (до XIII в.), Полевой сопоставляетъ его съ состояніемъ Западной Европы. »Русь не превышала Запада образованіемъ, просвѣщеніемъ и общественностью; но не была и ниже его. Предполагать одно изъ двухъ—равно ошибочно. Но на сторонѣ Запада было одно важное преимущество: остатки древней образованности, которые вызвали тамъ новую жизнь«. Вопреки Карамзину, онъ показываетъ, что Россія не представляла тогда политическаго единства; ея единство заключалось только въ языкѣ и религіи. Правленіе состояло изъ смѣшенія азіатскаго и византійскаго деспотизма и скандинавскаго феодализма. Ясно, что въ этомъ не могло быть задатковъ мира. »Одна сила меча и золота всѣмъ управляла, и при семъ послѣднемъ отношеніи не было уже спасенія ни въ крестной грамматѣ, ни въ клятвѣ, ибо клятва могла быть разрѣшена, успѣхъ могъ привлечь вѣрность, а построеніе монастыря, или духовная эпитимія успокоить совѣсть«. Такимъ образомъ деспотизмъ силы подавлялъ все общество, и чѣмъ ниже было положеніе человѣка, тѣмъ для него было хуже. Да иначе и быть не могло. »Состояніе общественности, духъ времени, образъ мыслей и понятій, географическія подробности, современныя событія въ странахъ окружавшихъ Русь, *должны были* произвесть именно то, что было въ Руси« (—285). Намъ нечего прибавлять къ этому, такъ здѣсь многое вѣрно и на своемъ мѣстѣ. Точно цѣлый вѣкъ отдѣляетъ трудъ Полеваго отъ труда Карамзина.

Душою удѣльнаго періода является у Карамзина и другихъ историковъ—Владиміръ Мономахъ,—этотъ миритель и установитель порядка среди бурнаго времени. Такія качества давали много матеріала для сантиментальнаго направленія Карамзина, и онъ возвелъ своего героя въ образецъ нравственности и государственной политики, конечно представляя и то, и другое въ идеалѣ своего времени. Иначе посмотрѣлъ на эту личность Полевой.

Вотъ общій взглядъ Полеваго на Владиміра Мономаха: »Нѣтъ

сомнѣнія, что Мономахъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ исторіи русскаго народа: это цѣлый періодъ событій, это совершенный представитель своего вѣка, подобно Олегу черниговскому. Но не будемъ превращать исторію въ поэтическій романъ, и не станемъ искать въ немъ идеальнаго героя. Мы сами обманемся, и введемъ другихъ въ заблужденіе. Когда говорятъ о Мономахѣ, какъ о человѣкѣ, превосходившемъ другихъ современниковъ умомъ, силою воли, лучше понимавшимъ, въ чемъ состоитъ безопасность русскихъ земель—нѣтъ спора. Но когда хотятъ представить его героемъ добродѣтели и человѣчества, безкорыстнымъ, кроткимъ, великодушнымъ—мы отвергаемъ сіе мнѣніе дѣлами Мономаха, и, не обвиняя его за своекорыстіе, въ тоже время говоримъ, что во всѣхъ дѣлахъ, и даже словахъ, онъ является намъ совершеннымъ эгоистомъ, человѣкомъ хитрымъ, не уважавшимъ ни договорами, ни совѣстью, стремившимся только къ собственному своему и дѣтей своихъ благу. Погибель Романа и Глѣба Святославичей, Ярополка Изяславича, Ярослава Ярополковича, Глѣба минскаго—лежатъ на его памяти: онъ, или самъ былъ причиною, или допускалъ другихъ совершать злодѣйства, имѣвъ средства предупредить ихъ. А поступки его въ отношеніи къ Святополку, завладѣніе великокняжескимъ престоломъ послѣ его смерти и ненависть къ Олегу—дѣла, бывшія причиною междоусобій, омытыя потоками крови и ничѣмъ неоправдимыя? Пристрастіе Карамзина къ Мономаху мы назвали *непонятнымъ*: это справедливо, и доказывается нашими замѣчаніями. Мы не выписывали еще многихъ мѣстъ изъ Исторіи государства Россійскаго, ибо они не стоятъ даже опроверженія« (II, 377—78).

Вся дѣятельность Мономаха сводится у Полеваго на стремленіе усилить свою фамилію, тѣмъ или другимъ способомъ. Конечно въ этомъ взглядѣ болѣе историческаго, нежели въ чувствительныхъ изліяніяхъ Карамзина. Такимъ образомъ Владиміръ Мономахъ подготовилъ федеральную монархію, управляемую его родомъ, но этимъ самымъ подготовилъ новую борьбу. »Усиленіе дома Мономахова было первою причиною распаденія частей: потеряно было равновѣсіе, и слабые, увлекаемые сильнѣйшими, отчаянною борьбою ослабили могущество частей сильнѣйшихъ«. Всякое сознаніе о порядкѣ наслѣдованія рушилось, и господство силы сдѣлалось духомъ времени (419).

Переходя къ изображенію этого періода, Полевой снова возвращается къ мысли *о необходимости* его и неизбѣжности, при чемъ

подтверждаетъ даже свою мысль словами Боссюэта, представителя провиденціальной теоріи въ развитіи историческихъ понятій (III, 7—9). Этотъ періодъ представляетъ борьбу двухъ системъ: одна стремится къ обособленію княжествъ, представителемъ которой явился Ярославъ Галицкій, другая къ преобладанію одного княжества надъ прочими, во главѣ которой стоитъ Андрей Боголюбскій (24). Торжество послѣдней было причиною постоянныхъ усобицъ (90). Липецкая битва утвердила ее, пока этотъ порядокъ не нарушился нашествіемъ татаръ (289), положившимъ конецъ удѣльному періоду (306). Вѣрный своему основному взгляду, Полевой признаетъ необходимость и господства монголовъ, обращая вниманіе на выгоды Россіи, бывшія результатомъ его: соединеніе русскихъ областей въ одно цѣлое, возвышеніе Москвы, поднявшей знамя освобожденія. Господство монголовъ должно было пасть въ слѣдствіе раздѣленія монголовъ, потери ими воинственнаго духа, постоянныхъ распрь и перехода ихъ къ осѣдлому состоянію. Одинъ Новгородъ пока оставался свободнымъ, и своею борьбою за свободу показалъ, какимъ путемъ слѣдуетъ идти въ борьбѣ съ татарами. Полевой не плачетъ надъ судьбою Новгорода, подобно Карамзину, но и не вѣритъ московскимъ сказаніямъ о послѣднихъ дняхъ Новгорода (V, 456). Въ желаніи Іоанна III захватить Новгородъ, онъ отмѣчаетъ послѣдовательное стремленіе подорвать самостоятельность его, замаскированное рядомъ уступокъ (458). Новгородская чернь склонялась на сторону силы, духовенство боялось церковнаго суда, а аристократія соперничала, и, боясь за потерю своихъ богатствъ, тайно склонялась на сторону Москвы (459 с. 54).

Въ приговорахъ надъ лицами Полевой не руководился личными симпатіями. Историческое лицо у него являлось, какъ результатъ извѣстныхъ общественныхъ явленій. Жестокость Василія Темнаго была создана обстоятельствами; Іоаннъ III сталъ возможенъ, когда объединеніе Руси приходило къ концу: Іоаннъ представитель централизаціонной политики. Центральность Москвы играетъ и у Полеваго важную роль въ исторіи возвышенія послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ является придворная аристократія, со всѣми нравами такой аристократіи: постоянными интригами и борьбою на жизнь и на смерть, нерѣдко съ участіемъ женской половины. Изъ этой-же централизаціи Полевой объясняетъ происхожденіе мѣстничества, которое собственно съ этого времени только сильнѣе проявило себя, благодаря сосредоточенію въ Москвѣ удѣльной аристократіи.

Такимъ образомъ личность является у Полеваго созданіемъ общественныхъ силъ, но сильная личность руководитъ обществомъ, она ниспосылается провидѣніемъ. Полевой вѣритъ въ великихъ людей, и Іоаннъ III въ его глазахъ былъ такимъ геніемъ создателемъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ являлся глубокимъ политикомъ. Пріобрѣтая новую область, онъ лишалъ ее прежней силы, выводилъ жителей въ другія области, виновныхъ бралъ на свои глаза. Въ другихъ случаяхъ онъ пользовался враждою враговъ; онъ не зналъ ни дружбы, ни вражды безъ разсчета. Таковъ этотъ человѣкъ, непривлекательный по своимъ нравственнымъ качествамъ, какъ и всѣ политики. Такой-же характеръ, при недостаткѣ сдержанности, могъ выродиться въ тиранна—явился Іоаннъ IV, характеръ котораго у Полеваго объясняется исключительно воспитаніемъ и окружающею его средою, т. е. опять-таки вліяніемъ общества—мысль замѣчательная и болѣе близкая къ истинѣ, нежели всѣ описанія жестокостей этого тиранна. На измѣненіи характера Іоанна остановился VI-й томъ исторіи Полеваго. Но за границею было издано продолженіе ея, оканчивающееся смертію Іоанна Грознаго и представляющее пересказъ остальныхъ событій его царствованія (Берлинъ, 192 стр.), въ которомъ авторъ исключительно слѣдитъ за нравственнымъ паденіемъ Іоанна и отсюда объясняетъ всѣ его неудачи и несбыточныя предпріятія. »Сперва младенецъ, подъ опекою матери (такъ заключаетъ Полевой свою исторію), въ смутѣ бояръ, потомъ отрокъ, юноша, управляемый волею дворскихъ крамолъ и партій, губитель однихъ, чтобы покориться власти другихъ, юный, буйный, потомъ царь, супругъ добродѣтельной Анастасіи, другъ Адашева и Сильвестра, законодатель, побѣдитель Казани, Астрахани, Крыма. И вдругъ самовластный повелитель, губитель друзей своихъ, брата, родныхъ, воеводъ и святителей, увлекается въ честолюбивые помыслы; онъ губитъ Ливонію, безразсудно сражается съ Швеціею, Польшею, окружаетъ себя ужасомъ, забывается въ страстяхъ, забываетъ все, и даже самого себя въ смѣшеніи гордости, раскаянія, страха, отчаянія—погибели душевной. Онъ становится близь могилы своей, лишенный славы побѣдъ своихъ Польшею, Швеціею, Крымомъ, убійца сына..... Изумительная судьба, страшная драма въ жизни человѣка и царствъ«.

Нельзя однако незамѣтить, что въ концѣ концовъ Полевой свелъ свои выводы къ тому-же заключенію, какое было дано Карамзинымъ, а потомъ Погодинымъ. Ихъ Іоаннъ Грозный настоящій автоматъ, дѣй-

ствующій хорошо подъ руководствомъ хорошихъ наставниковъ и предающійся исключительно страстямъ, когда они его предоставляютъ самому себѣ. Здѣсь Полевой упустилъ изъ виду какъ общественныя условія, такъ и политическія стремленія и оцѣнку самихъ руководителей, не говоря уже о психическихъ особенностяхъ натуры Іоанна Грознаго, изслѣдованіе которыхъ скорѣе всего можетъ привести къ объясненію характера Іоанна Грознаго.

Тѣмъ не менѣе, положительный характеръ Полеваго не давалъ ему увлечься. Онъ умѣлъ подмѣчать дѣйствительную струну источника, и потому мало вѣритъ въ сказанія москвичей о Новгородѣ, въ преданія объ Іоаннѣ Калитѣ, въ позднѣйшія извѣстія Никоновской лѣтописи. Чувство не увлекало его за предѣлы истины, хотя и не всегда пріятной. Вотъ характеристическія слова, опредѣляющія основное воззрѣніе автора на лица и событія: »Кто изъ насъ, говоритъ онъ, не желалъ Аннибалу побѣды подъ стѣнами Карѳагена, на поляхъ Замскихъ? Такъ невольно соболѣзнуемъ мы сердцемъ судьбѣ тверскихъ князей; будемъ еще сострадать бѣдствію рода князей суздальскихъ, характеру и гибели Шемяки и паденію Новгорода и Пскова; но страсть удѣлъ поэта, а не историка«.

Въ чемъ-же состоитъ историческая заслуга Полеваго? Мы не ошибемся, если скажемъ, что онъ впервые посмотрѣлъ у насъ на русскую исторію въ ея полномъ развитіи, какъ на живой организмъ, развивающійся по извѣстнымъ законамъ, которые подлежатъ изученію, а не чувству и личнымъ взглядамъ. Постепенность и нормальность развитія — общи русской исторіи, какъ и всякой другой. Русская исторія есть прежде всего наука, и потому личнымъ симпатіямъ здѣсь не можетъ быть мѣста. Критическое отношеніе автора видно на каждомъ шагу. Многіе его выводы, какъ мы видѣли, составляютъ пріобрѣтеніе науки.

По своему направленію, Полевой непосредственно примыкаетъ къ скептикамъ; но онъ далекъ отъ ихъ крайнихъ выводовъ.

По историческимъ пріемамъ его трудъ представляетъ полнѣйшее примѣненіе аналогическаго метода, основаннаго на сравнительномъ сопоставленіи событій русской исторіи съ фактами всеобщей, и этотъ способъ предохранилъ автора отъ ложныхъ заключеній.

Полевому недоставало одного важнаго качества — это полной подготовки къ своему труду. Вызванный къ нему произведеніемъ Карамзина, онъ слишкомъ сосредоточился на послѣднемъ; полемика занимаетъ

въ его исторіи слишкомъ много мѣста, и нерѣдко, за недостаткомъ данныхъ, ему приходилось писать противъ Карамзина по Карамзину-же.

Полемика и самоувѣренный тонъ автора съ одной стороны, и журнальные счеты съ нимъ съ другой—были причиною, что Исторія Русскаго народа многими была встрѣчена враждебно. Въ одномъ журналѣ объявили ее »болотомъ, идѣже гадамъ нѣсть числа«; въ другомъ (Галатея) посвятили ругательствамъ надъ нею цѣлый отдѣлъ, подъ заглавіемъ Аргусъ; одни извѣщали, что Нибуръ, узнавъ о посвященіи ему исторіи Русскаго народа, сошелъ съ ума, другіе печатали эпиграммы, въ родѣ слѣдующей:

Увы! Россійскій нашъ Леклеркъ
Упалъ, смутился и померкъ
За то, что посвятилъ Нибуру
Двѣнадцать книгъ. Чего?—Сумбуру.

Но кто-бы могъ подумать, что авторъ Исторіи Русскаго народа окончитъ свою дѣятельность заказными компиляціями для книгопродавцевъ и »Парашей Сибирячкой? [1])«

---

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

### Противники скептической школы.

Лишь только рѣзко обозначились два направленія въ русской исторіографіи—положительное, шедшее отъ Карамзина, и отрицательное, вышедшее изъ частныхъ мнѣній Шлецера, но развившееся подъ влія-

---

[1]) Антикарамзинисты уважали исторію Полеваго. А. Бестужевъ (Марлинскій) видѣлъ въ ней »первую попытку создать истинную русскую исторію«. (Пис. Бестужева къ Полевымъ, Рус. Вѣстн. 1861, февр. 286). »Никогда не любилъ я бабушку Карамзина, пишетъ онъ, человѣка безъ всякой философіи, который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справляясь съ предъидущей (!). Онъ былъ пустозвонъ, краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочной, скрывавшій подъ шумихою чужихъ сентенцій свою собственную несостоятельность. Не таковъ Полевой. Я никогда не ожидалъ отъ него столько глубокомыслія и зоркости, столько добросовѣстности и ясности въ изложеніи« (А. Бестужевъ на Кавказѣ. Рус. Вѣст. 1870, іюль, 506).

ніемъ критики Нибура—какъ уже возникла цѣлая полемическая литература въ этомъ родѣ, наполнившая собою тогдашніе журналы: Сынъ Отечества, Московскій Вѣстникъ, Московскій Наблюдатель, Сѣверный Архивъ, Библіотеку для Чтенія и др.

Школа скептиковъ вызвала литературное движеніе, въ этомъ ея главная заслуга. Но она встрѣтила систематическую оппозицію, представителями которой были Погодинъ и Бутковъ.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ, бывшій профессоръ Московскаго университета и академикъ, принадлежитъ къ числу плодовитыхъ писателей по русской исторіи. По своему развитію онъ принадлежитъ еще къ той эпохѣ, когда преобладало Карамзинское вліяніе. Еще на девятомъ году онъ сталъ выписывать Вѣстникъ Европы, редактируемый Жуковскимъ, Марьина Роща котораго извлекала у него потоки слезъ. Въ 1810 г. сталъ выходить патріотическій журналъ »Русскій Вѣстникъ« подъ редакціею Глинки—и Погодинъ увлекся имъ. Романы Дюкредюмениля, Лафонтена и Коцебу были его любимымъ чтеніемъ. Наступилъ 1812 годъ. »Растопчинскія афиши я читалъ съ восторгомъ, говоритъ онъ самъ, и всѣми силами души слѣдилъ за движеніями арміи«. Въ эту эпоху онъ весь погрузился въ патріотическія книги и газеты. Кульневъ былъ его героемъ. Онъ купилъ себѣ его портретъ и принялся писать его біографію, составляя ее изъ газетныхъ реляцій, статей Русскаго Вѣстника и Сына Отечества. Въ то-же время онъ сочинялъ подписи къ портретамъ генераловъ 1812 года и писалъ стихи о войнѣ. Ему было тогда всего 12 лѣтъ. Въ это время попались ему сочиненія Карамзина и плѣнили его на всю жизнь: онъ читалъ ихъ и перечитывалъ. Поступивъ въ гимназію, онъ воспитывался на русскихъ писателяхъ: баллады Жуковскаго, басни Крылова, трагедіи Озерова заучивались наизусть. Но для Погодина »всѣхъ дороже и слаще« былъ Карамзинъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ его исторіи. Онъ хотѣлъ написать картину, какъ Карамзинъ сидитъ на облакахъ и вырѣзываетъ на мѣди Русскую исторію, а его почитатели стоятъ внизу, смотрятъ на него и ждутъ, чтобы онъ скорѣе кончилъ. Что напишетъ онъ объ Александрѣ Невскомъ, Димитріѣ Донскомъ—не выходило у него изъ головы. Получивъ исторію Карамзина, Погодинъ долго не могъ приняться за нее, а только трепеталъ, радовался и перебиралъ листы. Уже въ университетѣ, подъ вліяніемъ одного изъ товарищей, Кубарева, Погодинъ познакомился съ Несторомъ Шлецера. Эта книга, говоритъ онъ,

произвела въ немъ совершенный переворотъ, и опредѣлила методъ и духъ будущихъ занятій. Подъ вліяніемъ Шлецера, еще студентомъ, Погодинъ написалъ сатирическій разборъ исторических таблицъ Филистри. И скептики шли по слѣдамъ Шлецера; но ихъ болѣе привлекали частныя возраженія, въ которыхъ онъ такъ мастерски заподозрѣвалъ отдѣльныя извѣстія и подмѣчалъ баснословный элементъ; для ихъ противниковъ Шлецеръ казался привлекательнымъ по своимъ конечнымъ результатамъ—защитѣ Нестора. На этомъ поприщѣ Погодинъ столкнулся съ Каченовскимъ, и между ними завязалась борьба, длившаяся 30 лѣтъ, и въ университетѣ, и въ литературѣ. Главными предметами спора были: происхожденіе Руси съ сѣвера, а не съ юга, какъ полагалъ Каченовскій, въ слѣдъ за Шлецеромъ и Эверсомъ, достовѣрность лѣтописи Нестора, подлинность Русской Правды и других древнихъ памятниковъ.

Предметомъ магистерской диссертаціи Погодинъ избралъ вопросъ »О происхожденіи Руси«. Это было въ 1824 году. Авторъ былъ за норманское происхожденіе, хотя Каченовскій, главный судья въ этомъ дѣлѣ, стоялъ за хозарское. Но онъ не мѣшалъ Погодину, а только исправилъ нѣкоторыя рѣзкія замѣчанія противъ Эверса. Свой трудъ Погодинъ посвятилъ Карамзину, въ письмѣ къ которому говоритъ, что послѣдній научилъ его »добру, языку и исторіи«.

На первыхъ порахъ въ университетѣ Погодину было поручено чтеніе всеобщей исторіи, на мнѣніяхъ о которой отразилось вліяніе Шеллинговой философіи: въ такомъ духѣ написаны имъ вступительная лекція въ курсъ всеобщей исторіи (начатый въ 1828 г.) и три книжки историческихъ афоризмовъ, изъ которыхъ одна напечатана въ 1836 году. Труды Аста, Робертсона, Беттигера, Геерена, Демишеля, а потомъ Гизо служили ему руководствомъ для его чтеній. Подъ руководствомъ же Погодина были сдѣланы переводы или извлеченія его слушателями изъ означенныхъ трудовъ и напечатаны. Въ 1837 г. онъ сталъ издавать Всеобщую библіотеку въ 20 книжкахъ, переводъ съ нѣмецкаго, въ которой явились: исторіи Пруссіи, Саксоніи, Неаполя, Сициліи, Ломбардіи, Швеціи и Ганзы.

Параллельно съ лекціями всеобщей исторіи Погодинъ велъ курсъ русской исторіи, и здѣсь-то пришлось ему опять столкнуться съ Каченовскимъ. »Студенты часто ходили отъ одного профессора къ другому, сверху внизъ, чтобы слышать обѣ стороны—нападеніе на Нестора и

защиту его, происхожденіе Руси съ юга и съ сѣвера« и т. п. Изъ слушателей Погодина сдѣлались потомъ замѣчательны: Бѣляевъ, Калачовъ, Кавелинъ, Поповъ, Самаринъ, Валуевъ, Соловьевъ, Бычковъ, М. Строевъ, Григорьевъ, но не всѣ они остались вѣрны его взглядамъ.

Онъ мечталъ объ изданіи полной русской исторіи, которая была бы общедоступна какъ для крестьянина, такъ и для модной дамы; для всѣхъ равно занимательна и въ тоже время удовлетворяла-бы современнымъ требованіямъ. Въ такомъ родѣ имъ было сдѣлано до тридцати опытовъ, но всѣ они, по его сознанію, оказались равно не удовлетворительными. »Чтобы найти тонъ для такой исторіи онъ рѣшился оставить университетъ года на два, и хотѣлъ на свободѣ углубиться въ свой предметъ—гдѣ-нибудь на Балтійскомъ морѣ, для живѣйшаго воспоминанія о норманнахъ, потомъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ—для удѣльнаго періода, и наконецъ въ Сибири, для монголовъ и татаръ«. Но и эта мысль осталась безъ исполненія.

Труды Погодина по русской исторіи составляютъ: 1) Изслѣдованія и лекціи по Русской исторіи, 7 томовъ (объ источникахъ древней русской исторіи, преимущественно о Несторѣ; о происхожденіи Варяговъ-Руси и славянахъ; о норманскомъ періодѣ; удѣльный періодъ: хронологія, географія и общія отношенія; междоусобныя войны и иноплеменныя отношенія; біографическіе списки князей до монголовъ; учрежденія этого періода); 2) изслѣдованіе объ Андреѣ Боголюбскомъ, 1850, и изслѣдованія о характерѣ Іоанна Грознаго, объ участіи Бориса Годунова въ умерщвленіи царевича Димитрія, о мѣстничествѣ, о древней русской аристократіи; разсужденія о Петрѣ В. и Посошковѣ (помѣщенныя въ Московскомъ Вѣстникѣ, Москвитянинѣ, Библіотекѣ для Чтенія и Историко-критическихъ отрывкахъ); объ отношеніи реформы Петра къ національному развитію (Рус. Вѣстникъ 1863); 3) переводъ изслѣдованій Эверса и Неймана; 4) изданіе Псковской лѣтописи, важное по предисловію о способѣ изданія лѣтописей и пользованіи ими; 5) открытія: лѣтописи Величка, сочин. Посошкова, IV части исторіи Татищева и разныхъ матеріаловъ.

Онъ былъ издателемъ Московскаго Вѣстника (1827—30 г.), въ которомъ велъ упорную борьбу съ мнѣніями Полеваго и его Телеграфомъ, но, по собственному сознанію, не найдя поддержки въ публикѣ, долженъ былъ уступить своему сопернику; участвовалъ въ изданіи Зри-

теля и въ журналѣ Надеждина Телескопъ. Съ 1844 г. Погодинъ издалъ 7 книгъ Русскаго историческаго сборника Московскаго общества исторіи и древностей. При его-же содѣйствіи изданы: Арцыбашева повѣствованіе о Россіи, 2 книги Русскихъ Достопамятностей, 2 книги Метрики Литовской, Славянскія Древности Шафарика, Записки о Екатеринѣ В. Грибовскаго и др.

Съ 1841—54 онъ издавалъ Москвитянинъ, въ которомъ славянофильское направленіе обозначилось уже весьма рельефно.

Путешествуя нѣсколько разъ за границу, Погодинъ слушалъ лекціи: Ранке, Риттера, Бекка, Савиньи, С. М. Жирардена, Рауль-Рошета, Ампера, Росси, Форіеля и бесѣдовалъ съ Гизо объ исторіи.

Наконецъ онъ извѣстенъ обширнымъ собраніемъ древностей и письменныхъ памятниковъ, пріобрѣтенныхъ С.-петербургскою публичною библіотекою за 150,000 руб. сер. (см. его автобіографію въ Словарѣ Москов. универ. II).

И такъ, Погодинъ прежде всего заслуживаетъ вниманія какъ противникъ скептиковъ. Онъ старался опровергнуть всѣ ихъ положенія, доказывая несомнѣнность лѣтописи Нестора и Русской Правды, норманское происхожденіе Варяговъ, достовѣрность извѣстій о древнѣйшихъ событіяхъ русской исторіи. Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и лекціяхъ цѣлый трактатъ противъ Каченовскаго и его послѣдователей, стараясь заподозрѣть даже научное значеніе этой школы ея несостоятельностью въ научной подготовкѣ. Уже самое заглавіе отдѣла, посвященнаго школѣ Каченовскаго, свидѣтельствуетъ о неспокойномъ отношеніи къ нему автора. Погодинъ озаглавилъ этотъ отдѣлъ: »*О скептическомъ повѣтріи*«. Въ самомъ названіи этой школы авторъ видитъ почетное титло, данное ей несвѣдущими журналистами. Вотъ какъ объясняетъ онъ ея происхожденіе.

»Виновникомъ скептической школы, говоритъ Погодинъ, былъ профессоръ Каченовскій. Это былъ ученый трудолюбивый, любознательный, умный, отъ природы склонный къ сомнѣнію и недовѣрчивости, способный сообразить немногія положенія, но не могшій никогда окинуть взглядомъ цѣлаго, и наконецъ лишенный всякаго творчества. Двадцать пять лѣтъ своей ученой жизни (1805—1830), онъ принималъ Несторову лѣтопись, читалъ Русскую Правду, держался Владимірова Устава, благоговѣлъ передъ Шлецеромъ и переводилъ изъ него, равно какъ изъ Добровскаго, разные отрывки, относящіеся къ исторіи Россіи

и славянъ.... Тогда-же К. узналъ Эверса (Vom Ursprünge des Rus. Staats, 1808 и въ особенности Kritische Vorarbeiten, 1814), и началъ въ разныхъ примѣчаніяхъ къ чужимъ статьямъ обнаруживать свое расположеніе къ его гипотезѣ о козарствѣ Руси, но не отдѣлялъ еще Руси отъ Варяговъ, и балтійскихъ Варяговъ считалъ скандинавами. Эверсъ отказался вскорѣ отъ козарства и ограничился черноморствомъ. За нимъ послѣдовалъ и Каченовскій... Несторъ-же, Правда, Варяги и проч. все еще оставались неприкосновенными. На бѣду явился тогда и произвелъ шумъ въ ученой литературѣ своими сомнѣніями Нибуръ... К. началъ исподволь приставлять вопросительные знаки къ разнымъ древнимъ событіямъ русской исторіи; но еще съ робостью: былъ-ли Рюрикъ? писалъ-ли Несторъ? и пр. Тогда попался ему въ руки Сарторіусъ (Gesch. des Hanseatisch. Bundes) и голова у него закружилась: Нибуръ заставилъ его предполагать выдумки, а Сарторіусъ подложилъ и источникъ. Нашелъ, подумалъ Каченовскій, и рѣшилъ: Договоры и Правда составлены изъ позднѣйшихъ отношеній ганзейскихъ. Подлѣ Любека жили Вагры—вотъ и Варяги. Русь-же, по Эверсу, пусть остается на Черномъ морѣ! Что-же дѣлать съ Несторомъ? Разумѣется Несторъ не писалъ лѣтописи, которую ему приписываютъ, а она сочинена въ XIII и XIV вѣкѣ, въ періодъ ганзейскихъ сношеній.

»Увѣрительный тонъ и разсужденія, хотя и очень запутанныя, неоконченныя, обратили на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ было разсѣяно много частныхъ замѣчаній вѣрныхъ«. Сказавъ за тѣмъ о сочувствіи направленію Каченовскаго П. М. Строева, Погодинъ заключаетъ: »Такимъ образомъ два эти ученые взаимно поддержали другъ друга, а Каченовскій началъ смѣлѣе проповѣдывать свое ученіе, сомнѣнія и отрицанія въ университетѣ. Студенты, имѣвшіе къ нему отношеніе, какъ профессору, декану и наконецъ ректору, должны были, benevolentiae captandae causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса...., а журналисты назвали ихъ произведеніями скептической школы, направленіе признали скептическимъ, и пошли гулять по бѣлу свѣту скептики« (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по Русской исторіи, Погодина, I, 325—331).

Такъ просто представляетъ Погодинъ происхожденіе скептицизма въ нашей исторіографіи. Здѣсь нѣтъ и помину, ни о предъидущихъ задаткахъ для его развитія, ни о ближайшихъ причинахъ, вызвавшихъ

его. Какъ будто-бы все это случилось по прихоти одного человѣка, задумавшаго пощеголять новизною, да и то не собственнаго издѣлія. Намъ это представляется иначе. И въ наукѣ, какъ и въ жизни есть пора »приливамъ и отливамъ«. Исторія всѣхъ научныхъ теорій, какъ бы онѣ ни казались иногда, въ своихъ дальнѣйшихъ результатахъ, несостоятельными, заслуживаетъ такого-же вниманія, какъ любой историческій фактъ, приводящій къ положительному, или отрицательному заключенію. Научныя теоріи могутъ быть разсматриваемы только въ общей связи и въ ближайшемъ отношеніи къ данному времени. Какъ хаотическое представленіе о научномъ достоинствѣ основныхъ источниковъ русской исторіи въ XVIII вѣкѣ должно было привести къ строгому анализу Шлецера, такъ идеалистическое возсозданіе самой исторіи Карамзинымъ должно было пробудить оппозицію въ той средѣ, которая непосредственно примыкала къ критикѣ Шлецера. Карамзинъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на исторію, представляется послѣдователемъ ученій XVIII вѣка; его противники могли выступить противъ него только подъ знаменемъ новой исторической критики, во главѣ которой стоялъ тогда Нибуръ, который, точно такъ-же, какъ и они, заставилъ серьёзнѣе взглянуть на вопросы, подвергнутые сомнѣнію, и въ свою очередь вызвалъ новую обработку далеко еще нерѣшенныхъ вопросовъ.. Безъ »скептическаго повѣтрія«, какъ выражается Погодинъ, не бывать-бы многимъ изъ его собственныхъ трудовъ и трудовъ другихъ антискептиковъ, какъ признаются даже нѣкоторые изъ нихъ (см. Общее понятіе о хронографахъ, Иванова, 96).

Прослѣдимъ въ порядкѣ возраженія противъ скептиковъ г. Погодина.

Авторъ возраженій начинаетъ съ вопроса о кожаныхъ деньгахъ; но разсматриваетъ его собственно по отношенію его къ древней лѣтописи и приходитъ къ заключенію, что то или другое рѣшеніе этого вопроса нисколько не нарушаетъ достоинства лѣтописи. Такимъ образомъ авторъ уклонился отъ прямаго отвѣта. Онъ возражаетъ, что Каченовскій самъ создалъ препятствіе для рѣшенія своего вопроса тѣмъ, что въ кожаныхъ лоскуткахъ вообразилъ себѣ государственный кредитъ, который, по словамъ возражателя, »разумѣется долженъ показаться всякому невѣроятнымъ« (Изслѣдованія, I, 334—346), но такъ или почти такъ поставилъ этотъ вопросъ Карамзинъ (I, стр. 150), а потому Каченовскій имѣлъ право поднять его въ такомъ смыслѣ.

Другое возраженіе г. Погодина направлено противъ мнѣнія Каченовскаго о Русской Правдѣ (Изслѣдованія, I, 235—260). Она была открыта въ XVIII в. Татищевымъ. Уже эта продолжительная неизвѣстность столь важнаго памятника и открытіе его Татищевымъ, который далеко не пользовался тогда довѣріемъ, могли наводить Каченовскаго на сомнѣніе, а его скептическое отношеніе къ древнѣйшей гражданственности Россіи съ одной стороны и преувеличенная идеализація ея Карамзинымъ (какъ извѣстно считавшимъ Русь того времени гораздо выше западной Европы), съ другой—усиливали эту подозрительность. Но Каченовскій вовсе не думалъ отрицать Русской Правды, какъ письменнаго памятника. Выходя изъ общей точки зрѣнія на состояніе русской образованности того времени, онъ только переносилъ его въ болѣе позднюю эпоху; признаніе-же теоріи Эверса о происхожденіи Руси дало ложное направленіе всему изслѣдованію. Между тѣмъ изслѣдованіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ (напр. объ огнищанинѣ, см. статью Мстиславскаго, Чтен. Моск. общ. ист. 1860, IV), вполнѣ подтверждаетъ тѣсную связь Русской Правды съ новгородскимъ бытомъ. Тѣмъ не менѣе выступленіе Каченовскаго съ его сомнѣніями о ней имѣло важное значеніе для дальнѣйшей обработки этого памятника, принятаго Карамзинымъ за общегосударственный уставъ, достойный великаго монарха, вполнѣ принадлежащій Ярославу I и представляющій полную законодательную систему (II, 25, 37 и пр. 65), съ чѣмъ конечно нельзя было согласиться.

Возражая Каченовскому, г. Погодинъ справедливо говоритъ о напрасности дипломатической повѣрки памятника, при существованіи массы другихъ съ такими-же правами на достовѣрность; о повсемѣстномъ употребленіи на западѣ латинскаго языка, какъ причинѣ поздняго появленія памятниковъ на отечественномъ языкѣ, въ противоположность древней Россіи; о происхожденіи названія Кіевской области Русью въ слѣдствіе переселенія первыхъ князей на югъ. Но, въ своемъ взглядѣ на историческое значеніе разсматриваемаго памятника, и Погодинъ долженъ былъ значительно понизить тонъ Карамзина. Въ Правдѣ Ярослава онъ видитъ законы, принадлежавшіе варяго-руссамъ и переведенные на славянскій языкъ, подобно тому, какъ ихъ переводили на западѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ утверждались норманны. Они не заключаютъ въ себѣ ничего, свидѣтельствующаго о муниципальномъ значеніи Новгорода; такъ какъ въ немъ не развилось еще городское общество,

а были только купцы и торговля. Онъ указываетъ на caput, въ смыслѣ человѣка, какъ на переводное понятіе, что замѣтилъ Каченовскій и что Погодинъ выводитъ изъ приведеннаго выше взгляда на происхожденіе Русской Правды. Появленіе иноземныхъ *гостей*, заподозрѣнное К. въ ранней эпохѣ, и Погодинъ относитъ ближе къ времени договора Мстислава Давидовича (1228), около котораго предполагаютъ распространеніе Русской Правды (третьей). Нѣкоторыя изъ объясненій Каченовскаго Погодинъ признаетъ толковыми (напр. о ябедникахъ), другихъ не рѣшаетъ и самъ (о сырѣ вирнику). Наконецъ онъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе о необходимости сравненія Русской Правды съ варварскими законами германцевъ, бывшими еще до Правды, а не съ нѣмецкими уложеніями XIII и XIV вв., сближеніе съ которыми, минуя варварскій періодъ, ввело въ ошибку Каченовскаго, увидѣвшаго въ слѣдствіе этого въ Русской Правдѣ безпримѣрный и необыкновенный памятникъ для XI вѣка.

На сколько требованіе Каченовскимъ новой обработки Русской Правды было вполнѣ умѣстно видно изъ того, что и позднѣйшіе историки продолжаютъ жаловаться на плохую обработку этого памятника. (Соловьевъ, I, 267) и даже сомнѣваются въ возможности рѣшенія вопроса, какія статьи Русской Правды должны быть отнесены къ тексту Ярослава, и какія къ позднѣйшему времени (Костомаровъ, Историч. монографіи, I, 140).

Послѣ объясненія сомнѣній Каченовскаго о Русской Правдѣ, его подозрѣнія насчетъ происхожденія договоровъ первыхъ князей кажутся уже результатомъ сомнѣній, необходимо вытекавшихъ изъ его общихъ воззрѣній на характеръ гражданственности древнѣйшаго періода русской исторіи.

Въ своихъ возраженіяхъ противъ мнѣній скептиковъ о баснословномъ времени въ русской исторіи, объ изученіи послѣдней въ связи съ всеобщею исторіею, о трудахъ Болтина и Миллера и въ своихъ статьяхъ о русскихъ лѣтописяхъ, Погодинъ касается собственно различныхъ сторонъ вопроса о происхожденіи и достовѣрности русскихъ лѣтописей, а въ частности его соображенія сводятся на историческое значеніе такъ-называемой древней лѣтописи (Изслѣдованія, I, 346—446). Отъ рѣшенія послѣдняго вопроса зависѣла уже правильная постановка вопроса о значеніи древнѣйшаго періода русской исторіи. Не касаясь полемической стороны этихъ возраженій, мы укажемъ лишь на тѣ осно-

ванія, на которыхъ создаетъ Погодинъ достовѣрность главнаго источника древнѣйшаго періода русской исторіи, въ чемъ собственно и состоитъ сущность спорнаго вопроса (Изслѣдованія, I, 1—113).

Иностранныя извѣстія (восточныхъ, византійскихъ и западныхъ писателей) служатъ для него постороннимъ ручательствомъ за вѣрность событій, сообщаемыхъ лѣтописью (1—10). Несомнѣнное проявленіе личности писателя, современнаго событіямъ XI и начала XII вѣка; отношенія его къ разнымъ лицамъ; форма изложенія и невозможность такого фактическаго описанія для позднѣйшаго составителя—утверждаютъ автора въ подлинности древняго разсказа (16—53). Послѣ этого раждается вопросъ—кто-же былъ творцомъ такой лѣтописи? Признавая извѣстныя вставки, нарушающія по временамъ единство труда, Погодинъ рѣшительно признаетъ его дѣломъ Нестора, утверждая въ тоже время, что онъ дошелъ къ намъ въ томъ-же видѣ, въ какомъ вышелъ изъ рукъ лѣтописца (77—80). Свидѣтельство нѣкоторыхъ списковъ о принадлежности временника Нестору и постоянно сохранявшееся преданіе объ этомъ еще болѣе убѣждаютъ автора въ такомъ положеніи.

Утвердивъ достовѣрность лѣтописи Нестора, Погодинъ обращается къ ея источникамъ, въ числѣ которыхъ ставитъ 1) краткія записки, несомнѣнно бывшія до Нестора; 2) болгарскіе памятники, появившіеся вслѣдствіе литературной связи Россіи съ Болгаріей, извѣстія варяговъ, непосредственно дошедшія къ лѣтописцу, а въ томъ числѣ и норманскія саги; 3) преданія, которыя легко могли сохраниться въ Кіевѣ; 4) письменные документы (договоры и т. п.); 5) народныя пѣсни. Существованіе грековъ въ Кіевѣ и даже въ Печерскомъ монастырѣ, современно лѣтописцу, убѣждаетъ Погодина въ томъ, что для Нестора была возможность воспользоваться и греческими источниками, не въ подлинникѣ, но по указаніямъ грековъ; а распространеніе грамотности и возбужденіе литературной дѣятельности въ то время даютъ право заключать о письменныхъ источникахъ лѣтописца (86—109):

Но Погодинъ считалъ уже нужнымъ выдѣлить въ древней лѣтописи такъ-называемыя »сказки«. Въ разсказахъ лѣтописца о смерти Аскольда и Дира, о приступѣ Олега подъ Царьградъ въ судахъ на колесахъ, о смерти Олега, о взятіи Коростена посредствомъ воробьевъ и голубей—онъ видитъ прямое вліяніе норманскихъ сагъ. Точно такъ-же сказочный элементъ видитъ онъ и въ разсказахъ о сватовствѣ императора Константина къ Ольгѣ, объ избавленіи отрокомъ Кіева отъ печенѣговъ; о

похожденіяхъ Святослава въ Болгаріи, объ осадѣ Бѣлгорода, о поединкѣ Яна съ печенѣгомъ, о предложеніи Владиміру вѣръ (173—186).

Въ такомъ образованіи древней лѣтописи нельзя сомнѣваться; позднѣйшіе изслѣдователи еще полнѣе анализировали составныя части ея, но дальнѣйшая разработка этого памятника пришла совершенно къ противоположнымъ результатамъ о его авторѣ и способѣ его составленія. Впрочемъ возможность дальнѣйшихъ сомнѣній ощущалъ и самъ противникъ скептиковъ. »Трудно распознать теперь всѣ слои лѣтописи, говоритъ Погодинъ, ибо иныя мѣста могли быть переиначены, исправлены при внесеніи въ лѣтопись самимъ Несторомъ, который обладалъ авторскимъ искусствомъ въ извѣстной степени и любилъ распространяться при случаѣ« (ib. 95).

Изъ другихъ мнѣній скептиковъ заслуживаютъ вниманія 1) о причинахъ появленія славянъ на берегахъ Волхова и 2) о происхожденіи Руси. Скептики считали новгородскихъ славянъ колоніей прибалтійскихъ, а существованіе тамъ славянскаго племени Вагровъ давало имъ возможность сближенія съ нимъ Варяговъ. Но, на сколько послѣдней выводъ основывался на случайномъ сходствѣ названій, на столько первое положеніе требуетъ болѣе основательнаго обсужденія, необходимость котораго признаетъ и Погодинъ (I, 395) и попытки котораго даже дѣлались въ нашей литературѣ (Малковскій, О происхожденіи Новгорода, Временникъ кн. XII). Отдѣляя-же Варяговъ отъ Руссовъ, въ слѣдъ за Эверсомъ, скептики должны были стать за черноморское и при томъ козарское происхожденіе Руси (Сынъ Отеч. 1835 г. ч. 51). Подтвержденіемъ этому мнѣнію служили извѣстія арабскихъ писателей о Руси, лежащей на югѣ (и тутъ-же о Козаріи); извѣстное мѣсто патр. Фотія о Руссахъ, жившихъ по Черному морю; выраженіе Никоновской лѣтописи о Руси-куманахъ и т. п. (см. Эверса, Предварит. критич. изслѣд. для Русской исторіи II). Защитники этого мнѣнія игнорировали тождество Руси и Варяговъ, которое ясно выставлено лѣтописцемъ и основывали свои выводы исключительно на совпаденіи другихъ данныхъ, хотя-бы и позднѣйшихъ или не имѣвшихъ въ виду, при названіи племенъ, заботиться о географической и этнографической связи ихъ. Между тѣмъ признаніе тождества Варяговъ и Руси нисколько не исключаетъ пребыванія Руссовъ на Черномъ морѣ, но такая постановка вопроса привела-бы къ другимъ результатамъ, возможность которыхъ еще и теперь предвидится (см. отчетъ о присужд. преміи Ак. наукъ за 1871 г. рукоп. соч. Ламбина о Свѣнельдѣ).

Но, ставъ въ оппозицію съ скептическою школою, Погодинъ впалъ въ другую крайность: въ преувеличенныя представленія о древнѣйшемъ періодѣ и ходѣ русской исторіи вообще, не смотря на многія свои уступки. Въ слѣдъ за Карамзинымъ, онъ ужасается при одной мысли о громадности русскаго государства, указываетъ на его заслуги передъ Европою въ удержаніи татарскаго движенія, настаиваетъ на мирномъ образованіи государства (этотъ взглядъ выразился и въ представленіи древнихъ междоусобій), вопреки западнымъ государствамъ, основаннымъ завоеваніемъ. Такимъ образомъ здѣсь уже пробивается та идея, на которой построено было славянофилами зданіе мирнаго развитія русской исторіи (Ист. крит. отр. ст. 1). Въ противоположность скептикамъ и Полевому, Погодинъ заявляетъ, что русская исторія представляетъ совсѣмъ иное зрѣлище, нежели исторія Запада. Во всѣхъ фактахъ русской исторіи онъ ищетъ особенностей судьбы. »Какова связь, восклицаетъ онъ, между смертью въ Угличѣ семилѣтняго царевича Димитрія, игравшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго происшествія. Не пресѣкись родъ московскихъ князей—не было-бы Романовыхъ, не было-бы Петра« (стр. 12). Эта игра въ случайности мѣшаетъ автору представлять событія въ настоящемъ свѣтѣ. Отсюда-же преклоненіе автора передъ внѣшними событіями. Говоря о призваніи новгородцами Рюрика, онъ замѣчаетъ: »Главное здѣсь не Новгородъ, а лице Рюрика, какъ родоначальника династіи«, и тутъ-же прибавляетъ: »хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ можетъ быть никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи... Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ русской исторіи« (39). Разсматривая причины возвышенія Москвы, онъ удивляется послѣднему и отвѣчаетъ, что одинъ Богъ былъ руководителемъ ея среди всѣхъ превратностей (147), а самыя обстоятельства, содѣйствовавшія ея возвышенію, готовъ считать только чудесными (163). »Москва есть корень, зерно, сѣмя русскаго государства«, замѣчаетъ онъ и успокаивается, а отсюда начнутъ славянофилы.

Безусловное преклоненіе передъ данными источника привело автора къ его знаменитому *математическому методу*, по которому духъ времени и историческія явленія должны измѣряться *количествомъ фактовъ*, а каждый фактъ долженъ приниматься лишь такъ, какъ онъ стоитъ въ источникѣ (междоусоб. войны). (Замѣчанія о математ. методѣ

Забѣлина въ Атенеѣ 1858, № 22, и возраженіе Погодина, № 26). Съ другой стороны Погодинъ поражаетъ замѣчательными контрастами. Онъ обвиняетъ Іоанна Грознаго въ жестокостяхъ и оправдываетъ Бориса Годунова отъ подозрѣній въ убійствѣ Димитрія; онъ защищаетъ старую Русь противъ западниковъ и въ мысляхъ Посошкова находитъ тождество съ мнѣніями Сюлли и Адама Смита съ одной стороны и защищаетъ реформу Петра В., какъ необходимую оппозицію застою древней Россіи, съ другой. Эти контрасты были результатомъ того-же преклоненія передъ неумолимостью фактовъ. Дѣла Бориса подсказывали автору необходимость защиты, а реформа Петра была слишкомъ очевидна, чтобы стереть ее съ лица исторіи.

Въ частностяхъ Погодинъ обладаетъ иногда замѣчательнымъ критическимъ чутьемъ и яснымъ взглядомъ (см. предисловіе къ Псков. лѣт., статьи о мѣстничествѣ, о борьбѣ Іоанна Грознаго, о Беровой лѣтоп.); но и его трудамъ не достаетъ общаго философскаго воззрѣнія. Отсюда многіе труды автора получили характеръ номенклатурный и афористическій, хотя важны сами по себѣ, какъ собраніе матеріала.

Противники скептиковъ стояли такъ близко къ нимъ по времени, что не могли оставаться равнодушными зрителями ихъ сомнѣній. Книга Буткова, озаглавленная: »Оборона лѣтописи Русской *отъ навѣтовъ скептиковъ*«, проникнута такимъ-же неспокойнымъ тономъ, какъ и возраженія противъ »скептическаго повѣтрія«. По своему содержанію она распадается на двѣ части. Первая изъ нихъ посвящена разбору вопросовъ, поднятыхъ скептиками и касающихся данныхъ, сообщаемыхъ основнымъ источникомъ древнѣйшаго періода русской исторіи; вторая исключительно сосредоточивается на личности его автора и именно Несторѣ. Первая часть состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) на такой-ли степени образованія стояла Россія въ XI вѣкѣ, чтобы могла имѣть тогда собственнаго лѣтописца? 2) источники русской лѣтописи; 3) Руссы Аскольдовы и договоры Олега и Игоря; 4) Руссы Шлецера и Эверса; 5) кто были Руссы и Варяги по понятію скептиковъ? 6) основаніе Новгорода и его торговля. Во вторую часть входятъ вопросы: 1) явленіе Нестора, его образованіе; начало и конецъ его Временника; 2) разборъ мнѣнія скептиковъ о древнихъ монастырскихъ запискахъ; 3) связь съ лѣтописью Несторовыхъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ, о началѣ Печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосія; 4) средства Нестора къ собранію для лѣтописи матеріаловъ; 5) о Василіѣ, Сильвестрѣ и Татищевѣ; 6) съ ка-

кихъ поръ Несторъ извѣстенъ въ званіи лѣтописца? Въ примѣчаніяхъ авторъ даетъ разборъ нѣкоторыхъ, болѣе частныхъ, вопросовъ и изслѣдованій болѣе позднихъ.

Безъ сомнѣнія, что подборъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о распространеніи книжности въ XI—XII вѣкахъ въ извѣстномъ кругѣ и указаніе источниковъ, возможныхъ для пользованія тогдашняго лѣтописца, сдѣланы Бутковымъ вполнѣ удачно. Но главный недостатокъ его труда состоитъ въ томъ, что онъ, силясь опровергнуть противоположныя мнѣнія, сдѣлалъ изъ своихъ данныхъ преувеличенные выводы. Существованіе грековъ въ то время въ Руси и пользованіе лѣтописцемъ греческимъ хронографомъ (конечно въ переводѣ) даютъ ему уже право заключать о знаніи лѣтописцемъ греческаго языка. Заботясь главнымъ образомъ о возстановленіи чести Нестора, какъ несомнѣннаго лѣтописца, Бутковъ до такой степени сосредоточивается на этой мысли, что онъ не можетъ допустить даже существованія монастырскихъ записокъ, только потому, что они не сохранились, какъ будто древняя лѣтопись съ массою именъ, годовъ, мѣстныхъ названій и т. п. предметовъ могла выйти изъ головы одного лѣтописца въ такомъ всеоружіи? Онъ старается даже устранить тѣхъ лицъ изъ его сотрудничества, которыхъ не исключаютъ сами противники скептиковъ. Между тѣмъ, когда ему нужно было подтвердить происхожденіе разсказа Василія о волынскихъ событіяхъ, онъ нисколько не считаетъ противорѣчіемъ доказывать существованіе областныхъ записокъ и мѣстныхъ повѣстей. Точно также, существованіе фактовъ, подтверждающихъ начало торговли и Новгорода въ болѣе раннюю эпоху, нежели допускали то скептики, немедленно переносятъ автора къ заключенію о многихъ искусствахъ у славянъ, о богатыхъ городахъ и селахъ... И конечно факты о распространеніи книжности, достаточные для возникновенія лѣтописнаго труда, еще не говорятъ о значительномъ распространеніи книгъ въ обществѣ, а извѣстія объ училищахъ—о школьной системѣ.

Идя такимъ путемъ, конечно вслѣдствіе недостатка въ авторѣ и самой малой доли скептицизма, если не приводящаго всегда къ вѣрному результату, то все-таки предостерегающаго отъ преувеличенныхъ заключеній, Бутковъ серьёзно занимается розысканіями о построеніи Аорсами-Амаксобіями на мѣстѣ Геродотова Керри — города Кіева, названнаго такъ въ честь ихъ старшаго бега; производствомъ Волоховъ отъ *волочу* и тождествомъ ихъ съ Гуннами; а въ Геродотовыхъ цигахъ онъ видитъ позднѣйшихъ чеховъ....

Противъ такихъ увлеченій, слишкомъ смѣлаго воображенія, считалъ уже нужнымъ выступить самъ противникъ скептиковъ—Погодинъ.

Между тѣмъ излишняя идеализація древнѣйшаго періода и временъ до-историческихъ произвела на свѣтъ оригинальное ученіе о преобладаніи славянскаго элемента въ исторіи міра. Явилась славянская школа, во главѣ которой стоялъ Венелинъ, авторъ извѣстной статьи: »Мысли объ исторіи вообще и русской въ особенности«, и многихъ другихъ, въ которыхъ старался доказать, что чуть-ли не всѣ народы, появившіеся на развалинахъ древней Римской имперіи, были славянскаго происхожденія. Нелѣпости этого направленія были уже слишкомъ ясны, и потому онѣ встрѣтили отпоръ и со стороны Погодина, Буткова. Впрочемъ это направленіе скоро прекратило свое существованіе, не найдя пока послѣдователей, и проявилось послѣ въ преображенномъ видѣ—въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ славянофиловъ.

---

Между тѣмъ и скептическое отношеніе къ древнѣйшему источнику русской исторіи продолжало развиваться своимъ путемъ. Извѣстно, что антискептики приписываютъ за-урядъ Нестору и древнюю лѣтопись, и житія Өеодосія, Бориса и Глѣба, противорѣчія которыхъ въ однихъ и тѣхъ-же фактахъ такого свойства, что не могутъ быть приписаны одному лицу, а слѣдовательно и вопросъ объ авторствѣ Нестора долженъ-бы получить новый видъ. Кубаревъ старался объяснить ихъ продолжительными промежутками въ появленіи означенныхъ трудовъ, въ слѣдствіе чего лѣтописецъ могъ замѣнять одни извѣстія другими, но и онъ выражается, что только съ *вѣроятностью* можно допустить авторство Нестора, какъ лѣтописца, и для большей убѣдительности приводитъ лишь извлеченія изъ приписываемыхъ ему трудовъ, которыя могутъ, по его мнѣнію, свидѣтельствовать объ одномъ художникѣ (см. Рус. историч. сборникъ 1840, т. IV, выпускъ 4). Но Казанскій, въ своей статьѣ: »Еще вопросъ о Несторѣ« (Временникъ, I, 23—30) и особенно въ »Разборѣ отвѣта г. П. Б. на новый вопросъ о Несторѣ« (Отеч. Зап. 1851, № 1) показалъ, что не только противорѣчія въ описаніи политическихъ событій, но еще болѣе въ описаніи событій, касающихся Печерскаго монастыря (въ лѣтописи и житіи Өеодосія) такого свойства, что не допускаютъ возможности признать одного и того-же

автора даже въ той части лѣтописи, гдѣ дѣло идетъ о Печерскомъ монастырѣ. А такъ какъ житія несомнѣнно принадлежатъ Нестору, то лѣтопись кіевскихъ событій должна быть приписана другому лѣтописцу, пожалуй того-же монастыря, но, судя по изложенію, болѣе искусному, нежели авторъ житій. Костомаровъ, выходя изъ тѣхъ-же основаній, допускаетъ лишь, что Несторъ былъ однимъ изъ авторовъ печерской лѣтописи, которая вошла въ составъ »Повѣсти временныхъ лѣтъ«, и, основываясь на заключительной припискѣ Сильвестра (1110 г.), признаетъ его составителемъ означеннаго свода, но опять не авторомъ, основываясь на цѣломъ рядѣ противорѣчій, вставокъ, личныхъ заявленій другихъ авторовъ и т. п. (лекціи Костомарова, 26—39). Въ 1868 году появился трудъ Бестужева-Рюмина »О составѣ русскихъ лѣтописей«, въ которомъ авторъ, разлагая древнюю лѣтопись на составныя части, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) »Повѣсть временныхъ лѣтъ« есть лѣтописный сводъ; 2) сводъ этотъ составленъ въ началѣ XII вѣка, и 3) есть возможность опредѣлить и даже до извѣстной степени востановить его источники.

Такимъ образомъ, не смотря на самые разнообразные переходы въ окончательныхъ выводахъ о характерѣ и степени достовѣрности основнаго источника древнѣйшаго періода русской исторіи, въ его обработкѣ постоянно пробивается скептическое начало, а это самое опредѣляетъ уже и историческое значеніе скептической школы.



